

АЛЕКСАНДР СТАРОВЕРОВ

БАБЛИЯ

КНИГА О БАБЛЕ И **БОГЕ**

Зарабатывая
третий миллион,
он начал
догадываться,
что не в деньгах
счастье.
Правда,
оставалась
слабая
надежда,
что счастье
в больших
деньгах

На деньги,
за обед
заплаченные,
деревенка
в Нечерноземье
месяц бы жить
смогла

Там, где человек,
там и храм.
Ибо человек
и есть самый
главный
храм божий

Я, как большевик,
граблю награбленное

Чтобы
жить хорошо,
надо жить
нехорошо

Александр Викторович Староверов

Баблия. Книга о бабле и Боге

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606896

Баблия. Книга о бабле и Боге: Эксмо; М.; 2014

ISBN 978-5-699-70527-6

Аннотация

Роман-пощечина, роман-провокация, роман-откровение! В центре его – представитель «ордена среднерусских пильщиков». Тех, что ничего не создают, не жнут-не сеют, а живут на миллионы, распиливая государственные бюджеты. Но Алику добытых миллионов мало. Он не только хочет обеспечить свою семью на несколько поколений вперед – хочет человеком при этом остаться перед лицом Господа. Хапуга, казнокрад, прелюбодей – но и в нем есть частица Бога. Только вот сочетаются ли бабло и Бог друг с другом?

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	26
3	57
4	75
5	105
6	120
Часть 2	186
7	186
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Александр Викторович Староверов Бабля. Книга о бабле и Боге

Все совпадения с действительностью в этой книге абсолютно случайны. Автор складывал буквы в слова, а слова в предложения, как бог на душу положит, без всякой задней мысли и ненамеренно. Все смыслы, догадки и подозрения, возникающие в голове у читателя, возникают исключительно в голове у читателя. Автор за это ответственности не несет.

С уважением

Александр Староверов

ВЗРОСЛАЯ СЧИТАЛКА

Ангелы в стакан налили
Небо полное ванили.
Ангелы меня убили
И спросили: или – или?
Или ты умрешь как грешник,
Или ты живешь как леший,

Или вовсе не родился,
Или сам себе приснился.
Я приснился сам себе;
Это лучше, чем нигде,
Это лучше, чем никак;
Лучше мрака лишь не мрак.
И с тех пор себе я снюсь,
Сам себя в себе боюсь;
Счастлив тоже я в себе.
И в ванильной полынье
Плаваю который год.
Сам себе ученый кот,
Сам себе моя семья,
Сам себе и полынья.
Вот такая вот считалка.
Не людей – себя мне жалко;
Мир закручен в бигуди,
Кто не понял – выходи.

Часть 1

Гоп!

1

Семья

Головная боль проснулась раньше Алика. Точнее, она и не засыпала вовсе. Это Алик сбежал от нее в спасительный, как он думал, сон. В спасительном сне, впрочем, ничего спасительного не было. Наоборот, всю ночь спастись приходилось ему, причем от чего-то столь невообразимо гнусного и ужасного, что головная боль по сравнению с этим кошмаром казалась легким морским бризом. Не открывая глаз, Алик протяжно то ли замычал, то ли застонал и в конце этого стоны довольно неожиданно вышел на ноту ля, так что получилось – ээмммммммммляяя. «Мля», – более четко повторил он и открыл глаза. Не прошла... голова не прошла. Переход из таинственного зазеркалья сна в привычную мерзость ноябрьского утра дался ему непросто. Да и вправду сказать, наигрустнейшие это мгновения в жизни любого человека. Когда ночной кошмар, еще не до конца развеявшийся, лижет очумелый от сна мозг, а тебя уже, здравствуйте пожалуйста, встречает новый, вполне реальный, дневной.

Алик был не то чтобы крепким парнем, но способы знал. Нужно срочно проснуться и покурить, вернее, покурить, а потом уж... Замысловатым, волнообразным движением своего сорокалетнего тела Алик швырнул себя с кровати, площадью похожей на кухню в хрущевке, прямо в тапочки, и тут же — к двери на лоджию. Все, что нужно для старта нового дня, уже было там: сигареты, дождь, холод и вид на Москву с высоты 32 этажа, который эту самую Москву очень красил. Влажный ноябрьский смог в сочетании с первой затяжкой привел Алика в чувство. Он посмотрел вниз и подумал, что на стареющих женщин и распухшие от денег города-нувориши лучше смотреть с высоты птичьего полета. Ах, если бы он стал птицей, тогда можно было бы никогда не спускаться на эту воистину грешную землю, а прыгать себе с пентхауса на пентхаус многочисленных элитно-розово-сиреневых башенок. Кормиться милостью их добрых, ну по крайней мере к птичкам добрых, обитателей и находить окружающий пейзаж прекрасным, а жизнь очаровательной. Но Алик не был птичкой. Трудно назвать птичкой stodvaddtsatikiлограммового бугая под два метра ростом, с фигурой борца, который окончательно и бесповоротно нарушил спортивный режим лет этак двадцать назад. Лицо борец имел такое, что становилось ясно: он нарушал не только спортивный режим, но и как минимум административный, гражданский и налоговый кодексы.

В последнее время Алику перло. Поболтавшись в лихие девяностые в бушующем океане инвестиционно-обнально-го банковского бизнеса, отдышавшись в начале нулевых на скалистых девелоперско-телекоммуникационных островах, к концу десятилетия мощное гольфстрим-мейнстримовое течение московской деловой жизни выбросило его в одну небольшую, но очень уютную контору. Контора разрабатывала интересную тему частно-государственного партнерства, дружбы и любви. Любовь оказалась взаимной. И как всегда бывает при взаимной любви, оба объекта любви расцвели необычайно. Государство принуждало Грузию к миру, успешно боролось с последствиями мирового кризиса, в который раз уже штурмовало заветную высоту в \$100 за баррель магической черной жижи, изобретало очередные каверзы для страдальца Ходорковского, поднимало пенсии и опускало зарвавшийся московский средний класс. Контора тоже не бедствовала. Она скупала подешевевшую московскую недвижимость, расширяла производство, открыла представительство на Кипре, весело гуляла на корпоративах в «Метрополе», кормила сотню маркетологов, пиарщиков и прочих обаятельных бездельников и, что самое удивительное, после всего этого праздника оставалась еще немалая куча бабла. Более того, в полный рост вставала проблема, куда эту кучу девать, да так, чтобы при смене направления гольфстрим-мейнстримового течения, что в российских широтах случается до обидного регулярно, тупо не сесть. Решением

этой непростой задачи вот уже четвертый год и занимался в конторе Алик. Занимался настолько успешно, что к настоящему моменту забыл, какая у него зарплата. Зарплата по московским меркам была вполне ничего себе, но побочные доходы, возникающие в процессе головокружительных комбинаций, были столь огромны, что зарплата на их фоне бледнела, скукоживалась и практически исчезала.

Свой первый миллион он заработал к тридцати годам. Но это ничего не изменило. Разошелся миллион по квартирам, дачам, путешествиям, как будто и не было его вовсе. Тогда он заработал второй. Поменялось мало. Зарабатывая третий, он начал догадываться, что не в деньгах счастье. Правда, оставалась слабая надежда, что счастье в больших деньгах. Нет, конечно, как и у всякого нормального московского шустрилы, у него была Планка. Вот именно так: Планка с большой буквы. Но с годами Планка все больше стала напоминать линию и, что уж совсем обидно, – линию горизонта. Идти к ней можно: вот, казалось бы, она – рукой подать, но дойти... Впрочем, в последнее время, несмотря на то что контора, где он трудился, называлась совсем не «Газпромом», лично у него мечты начали сбываться. Появилась иллюзия, что Планка все-таки существует в природе и смелые, удачливые, крепкие духом парни вроде него, Алика, могут ее достигнуть. А после – послать к черту всю эту бессмысленную круговерть, непонятно почему называемую бизнесом, и весело сидеть на достигнутой Планке, беззабот-

но болтая ножками и поплеывая в сторону солнца, поэтично опускающегося непременно в Атлантический океан.

Стоя на лоджии и докуривая вторую подряд сигарету, он как раз думал о Планке. Мысли о ней помогали задушить и ночные кошмары, и утреннюю головную боль. В последнее время это превратилось в ритуал, в заутреннюю почти молитву. Он вставал, шел в трусах на лоджию, выкуривал две сигареты и думал о Планке. В голове весело танцевали цифры. Одна, довольно упитанная, – это то, что он наколбасил за прошлый месяц; другая, существенно больше первой, – это то, что, скорее всего, наколбасится за месяц текущий, третья, самая огромная, похожая на борца сумо, цифрища – это то, что было наколбашено за всю его нелегкую трудовую биографию. Цифры танцевали под музыку из кинофильма «Блеф» с Челентано в главной роли. Туру-ту, туру-ту, туру-ту, туру-ту... туру-ту... Пам! Пам!! Пам!!! Цифры кружились, сталкивались, набухали, умножались и складывались. И снова начинали танцевать: туру-ту, туру-ту, туру-ту, туру-ту, туру-ту, туру-ту... Пам! Пам!! Пам!!! Цифры становились выше ростом, они почти достигали Планки, а кое-где и перерастали ее. И тем не менее цифры танцевали. Туру-ту, туру-ту, туру-ту... И возникал в голове лихой вопрос: а не мала ли ему, Алику, Планка? Достояна ли она его? Может, стоит поднять Планочку-то? Пам!!! Пам!!!! ПААААА-АМММ!!!!!!!!!!!! И в этот момент приходил страх. Он понимал, что вечно фартить не может. И что за всякую удачу, за

всякую пруху по закону вселенского равновесия потом обязательно получаешь соответствующую непруху. Он даже радовался мелким неприятностям: разбитая фара на «Мерседесе» жены, залетевшая некстати любовница, подхваченный неизвестно где грипп и тому подобные жизненные неурядицы приводили мир в равновесие. После них он считал себя в расчете с удачей и продолжал свое уверенное движение к заветной Планке. Но страх не уходил. А сейчас к нему приешивалась изрядная доля стыда. Алик считал себя рыночным человеком, *homo marketus*, голубая мечта Адама Смита буквально. Невидимая рука рынка в образе страха и жадности уверенно правила им. Но это для других она была невидимой. Он же видел эту холеную, стальную лапу слишком хорошо. И ему не нравилось, что он, весь такой свободный, образованный и тонко чувствующий человек, такой воздушный и одухотворенный, практически эльф, танцует по велению этой невидимой лапы позорную джигу, точно последний таджик, продающий помидоры за углом.

«Жадный ублюдок», – сказал он вслух, стряхивая пепел на Москву, и ощутимо ударил себя ладонью по щеке. Эта привычка появилась у него лет десять назад, одновременно с первым миллионом. В моменты наивысшего омерзения к себе, после трудных переговоров с малоприятными людьми, когда приходилось буквально насиловать себя, исполняя особо замысловатые па великой рыночной джиги, он сам себе отвешивал оплеухи. Боль в щеке помогала ощутить

себя человеком, простить себя и позволить и дальше, еще проникновеннее, исполнять завораживающий market dance.

«К взлету готов», – подумал Алик. Утренний ритуал был почти закончен. День начался.

– Накурил-то, накурил, – слышался из-за закрытой двери голос жены. – Все куришь и куришь, куришь и куришь. Дети задыхаются, жить невозможно, куришь, и куришь, и куришь, о себе только думаешь и куришь, и куришь.

По мере произнесения этого спича голос жены становился все выше и выше. Последнее «куришь» было произнесено так высоко и с таким эмоциональным накалом, что Монтсеррат Кабалье застрелилась бы от зависти. Алику снова захотелось курить. Вместо этого он молча открыл дверь, отодвинул жену и пошел умываться. Навстречу ему выбежало нечто о четырех руках, ногах, нечто двухголовое, златовласо-голубоглазое, розовое, брызгающееся слюнями, радостью и оптимизмом. Это были долгожданные двухлетние сыновья-близнецы Ленька и Борька, они же – Лёлик и Болек.

– А папка, папка, папулечка, папулёшечка, а Лёлик, Лелька, Болька, Боляка, гуять, хочим, даться, аааа, ууу, пупссс, – затараторили они одновременно.

– Куришь, и куришь, и куришь, и куришь, и куришь, и куришь... – продолжала свою арию жена.

Алик сгреб близнецов, повалился на необъятное ложе и начал кувиркаться с ними, щекотать, покусывать, бороться.

Он купался в их детском счастье.

– А Лёлька хуиган, а... а... а... Боляка бандит, мы бяки буки, гуять, папка, папулёшка!!! – Фонтан радости, бьющий из близнецов, смывал все страхи, деньги, планки и цифры, еще минуту назад терзавшие Алика. «Хорошо, – думал он, – просто и хорошо, и ничего больше не нужно».

– А Лёлик матос, а Боляка генеал, а папка машал гуять, балаться, паф-паф,-steать паф.

– Крышь, крышь, крыши, крышь, кршь, ршшшь, дыыы-шшь.

Шипящие звуки возвращали в реальность, лишали воздуха, отнимали счастье.

– Куришь и куришь, куришь и куришь, а потом на детей дышишь, и куришь и дышишь, и дышишь и куришь. Наташа, заберите детей. Лелек, Болек, пойдемте, здесь фу, бяка. Вот ты куришь и не думаешь, дышишь и куришь, и дышишь и не думаешь. Наташа, быстрее, где вы там ходите!

– Фуууу, вонючааа, – забавно сморщили рожицы близнецы.

– Дети, а давайте прочитаем про Бармалея, – лицемерно промурлыкала вошедшая няня, ловко посадила мальчишек на руки и вынесла из спальни.

– Думаешь только о себе и куришь, насрать тебе на всех, и дышишь, и куришь на больных детей.

Жена явно не могла остановиться, назревал традиционный утренний скандалчик.

– Уйди, – прохрипел Алик и посмотрел на жену, как волк на останки только что растерзанного ягненка.

Взгляд подействовал, жена попятилась к двери и вышла. Но из коридора еще некоторое время доносилось затухающее: «Куришь и куришь... куришь... дышишь... кур... дыш... шиш...» Он подождал, пока звуки стихнут, и тоже вышел. Слева находилась комната дочки Сашки. Ей недавно исполнилось шестнадцать, и она мужественно боролась с переходным возрастом. «Зайти – не зайти?» – попробовал угадать Алик. В последнее время общение с Сашкой напоминало рулетку. То душевные разговоры и ощущение друга рядом, какого и не было у него никогда, то такой высоковольтный провод, что не влезай – убьет, поджарит и снова убьет.

«У Сашки каникулы, она выпалась, настроение хорошее, – попробовал рассуждать он логически. – Зайду». Увидев дочку, сразу понял, что не угадал. Зеро, все ставки уходят в казино. Но отступать уже было поздно.

– Как чувство самия? – спросил он преувеличенно бодро.

– Нормально.

– Чем занимаешься?

– Живу.

– Как живешь-то?

– Нормально.

– Давай жить вместе.

– Отстань.

– А чего так грубо, Сань? Чего я тебе плохого сделал?

– Ничего, отстань.

– Что, моча в голову ударила, да?

– Да, моча, месячные, годовые, столетние, переходный возраст, плохая экология. Все, доволен? Я все перечислила? Отстань, уйди, и вообще, стучаться надо, когдаходишь.

– Стучаться, говоришь? Ща я тебе постучу...

Алика трясло. День начинался не здорово. Близнецов отобрали. Жена достала. А тут еще дочка... Он догадывался, что лучше всего молча выйти, и тогда Сашка вечером сама прибежит, будет извиняться, ластиться, говорить умные слова про переходный возраст и всячески изображать умилицу-красавицу, пай-девочку-гордость-отца, которой она, в сущности, и была. Понимал все это Алик хорошо, но... но сделать уже ничего не мог.

– Стучаться, значит?.. – повторил он.

Подошел к столу, за которым дочь обычно делала уроки. И постучался... Ну не то чтобы постучался, а так хрястнул по несчастной деревяшке, что столешница разломилась на две части.

– Так стучаться?

Хрясь!

– А может быть, так?

Хрясь!

– Нет, наверное, вот так!

Хрясь! Хрясь! Хрясь!!!

Очнулся он быстро. Если бы были у стола рожки, то оста-

лись бы от него рожки да ножки. А так только ножки и остались. Дочка, свернувшись калачиком, лежала на кровати, в ее глазах застыл ужас. В углу комнаты стояла неизвестно откуда взявшаяся жена. Она размахивала руками и широко открывала рот. Звука не было. Алик растерянно топтался около изуродованного стола.

«Что со мной? Это что со мной? Зачем это я?» – вопросов было много. Ответы отсутствовали.

– Ууууука... Уууууука...

«Откуда в Москве пароходы и почему они так противно гудят?» – подумал он.

– Суууукааа, твааааарь, сука, ты что делаешь? – Звук вернулся, и Алик понял, что сейчас начнется не просто скандал, а скандалище с большой буквы «С». Скандал месяца как минимум. Он сделал безнадежную попытку скрыться от надвигающегося торнадо, выскочил из комнаты, заперся в ванной, включил воду и замер.

– Открой, сука! Открой, тварь, кому сказала! Испугался, заперся, нагадил и испугался!!! Ты же трус, трус, только дома можешь кулаками махать. Открой, тварь! – Жена пинала ногами запертую дверь.

Алик яростно тер щеткой прокуренные зубы.

– Ты же добрый, только когда виски нажрешься. На работе-то, небось, жопу всем лижешь, а здесь, сука, издеваешься. Открой, скотина жирная!

«А вот это она зря сказала», – подумал Алик, полоская

рот. Сил держаться больше не осталось. Он набрал воду в стакан, резко открыл дверь и тут же выплеснул воду в лицо жене.

– Охладишь, дура!

– Ага, справился. Лей, бей. Ты же сильный, ты же крутой, ты справишься! А я тебя не боюсь, потому что ты охреневшее ничтожество! Отожрался, бухаешь, спишь до десяти, хорошо живешь, сука!

– А ты как живешь? – взорвался он. – Вот ты как живешь?! Няньки, мамки, бабки, гувернантки-уборщицы, массажи, блядь, СПА, на хуй? Коза неблагодарная. Ты думаешь, булки на деревьях растут? Закрой свое поганое хавело и не смей твякать на меня!

– Ну да, деньги. Будешь попрекать меня деньгами. Совсем двинулся на своих деньгах. Ты же кормилец наш, благодетель!.. Спасибо тебе, отец родной! – Жена упала на колени и стала биться головой о паркет. – Спасибо тебе, сволочь, что детей голодными не оставил! За все тебе, сука, спасибо!!!

– Ты конченная, понимаешь? Ты просто конченная. Быдлота вонючая!

– Конечно, ну конечно, это вы у нас великие. Вы, сука, ученые, доценты с кандидатами, на Патриарших родились, спецшколы закончили, а мы так, рабы из рабочей слободки. Что же ты женился-то на таком быdle? Что же ты детей-то от быдла родил? Думать, сука, надо было!

– Надо было, вот как увидел твою хитрожопую маманю и

папашу-алконавта, так и надо было думать!

«Зря я это сказал», – тут же спохватился Алик. Поздно. Жена с грацией очковой кобры вскочила с колен и вцепилась ему в лицо.

– ААААА!!!!!!! Убью на хер!!!!!!! Не трожь мою семью, сука!!!! Ууубьюуюую!!!! ААААА!!!!

Чувствительные удары сыпались со всех сторон. Жена у Алика отличалась огненным темпераментом, за что, собственно, и была возлюблена им в далекой уже молодости. Могла и покалечить. Выход оставался один, и Алик им воспользовался. Он оторвал от себя взбесившуюся бабу, перегнул ее через колено и отвесил несколько шлепков по заднице. Жена как-то сразу обмякла, уменьшилась в размерах и горько, по-детски, заплакала. Ему опять стало стыдно.

«Я же люблю ее – или любил? Нет, все-таки люблю. Почему же так все получается?» – подумал Алик. Он посмотрел на рыдающую жену и почувствовал жалость к ней, к себе, ко всему этому гребаному миру, который так по-дурацки устроен.

«А все из-за баб, потому что они дуры, и она дура, сама во всем виновата», – пришел он к неожиданному выводу и повернулся, чтобы уйти. Перед ним стояла дочь.

– Я тебе этого никогда не прощу, – сказала Сашка тихо.

– Но ты же видела, она сама...

– Не прощу. Никогда!

Скандал месяца был закончен.

Как он оказался на улице, Алик помнил смутно. Но все вроде бы было на месте: портфель, костюм, и даже хоть и криво, а все же повязанный, в тон рубашке, галстук.

«Корпоративные инстинкты, чтоб их... – грустно подумал он. – Вот так голову отрубят, а тушка в костюме еще час будет бегать, пожимать чьи-то руки и показывать очередную бессмысленную презентацию в Power Point». Привычный автосарказм облегчения не приносил. В голове что-то ритмично пульсировало.

«Черт, опять таблетки забыл выпить», – совсем расстроился Алик. Полгода назад врач строго предупредил, что нервы, сигареты, алкоголь, лишний вес и повышенное давление – это его промежуточные станции на пути к последнему приюту. А тормоз только один – маленькие белые таблетки, регулярно проглатываемые по утрам. После того, что произошло, вернуться домой к спасительным пилюлям было невыносимо. Алик прикурил третью за утро сигарету и побрел к машине. Он любил деньги, а деньги любили тишину и одиночество. Автомобиль приходилось водить самому. Жена, партнеры, начальство – все настаивали, чтобы он нанял шофера. Резонно полагая, что забота их небескорыстна, Алик отбрехивался от навязываемого стукача под предлогом посконного демократизма своей натуры. Несмотря на демократизм, ездил на «БМВ Х6». Конечно, такую машину лучше ставить в гараж, что он и старался делать. Но когда неда-

леко от подъезда было место... Лень, как правило, побеждала, и машина оставалась ночевать на улице.

«Территория у нас огороженная, дом элитный, люди приличные, ничего не случится», – успокаивал себя Алик. Как раз вчера с одним таким приличным старичком из соседнего подъезда у него случился конфликт.

Он вернулся домой поздно и уже почти заехал в циклопических размеров подземный гараж, когда увидел неочевидное место для парковки совсем рядом с входом в дом. Неочевидным место делала его экстремально малая площадь. Но припарковаться удалось почти идеально. Только два колеса чуть-чуть заехали на невысокий бордюр, за которым начинался чахлый, желто-серого цвета, ноябрьский газон. На газоне выгуливал немецкую овчарку крепкий старик лет семидесяти в военном бушлате. По слухам, он был генералом, бывшим начальником чего-то там в центральном аппарате Минобороны. Осень и зиму вояка обычно проводил на своей вилле в Португалии. Но в этом году отчалить в теплые края ему не удалось из-за подписки о невыезде. Подписку взяли назойливые следователи по очередному совершенно секретному делу о пропаже чего-то совершенно секретного, в размере приблизительно двух миллиардов рублей.

– Здравствуйте, Петр Семенович, – вежливо поздоровался Алик.

– И тебе не хворать, урод.

– ??????????????????????????????

– Тебе в детстве говорили, что машины парковать на газонах нельзя?

От генерала несло перегаром.

– В детстве у меня машины не было. В детстве мне говорили, что по газонам ходить нельзя. А вы об этом слыхали, Петр Семенович?

– Ах ты, козел! – разъярился генерал. – Наворовали, суки, продали Россию, понакупили тачек, на газоны ставите, гады. Да я тебя...

«И вот это мне говорит старый тупой ворюга, – подумал Алик. – Это он мне говорит?»

– Слушай сюда, старый засранец, – сказал он возмущенно, – попутал ты сильно. Это ты, дерьмо совковое, родину нашу сначала просрал, а потом поимел три раза. А я в это время книжки читал да ума набирался. Был бы ты помоложе, я б тебе рыло начистил с огромным удовольствием. Но в книжках написано, что стариков бить нельзя, даже таких, как ты. Так что живи, бить не буду. Тебя жизнь без меня побьет.

Закончив говорить, он понял, что победил никчемного старикана безоговорочным моральным нокаутом, повернулся, вошел в подъезд и тут же забыл о неприятном инциденте.

Сейчас же, подойдя к машине, Алик понял, что зря он так быстро забыл вчерашнюю стычку. Нельзя, ой нельзя в нашей удивительной стране ничего забывать. Потому что это там где-то, у теплых морей, живут веселые, вспыльчивые, но быстро отходчивые люди. В нашем же северном климате

такие не водятся. Другие у нас люди обитают, с тяжелым и недобрым взглядом, с длинной, мутной и обидчивой памятью, с камнем за пазухой и заточкой в голенище. «Никто не забыт, ничто не забыто» – это ведь не только про войну, это вообще про все. И горе тому, кто забудет, горе...

Ну горе не горе, а колеса у «БМВ» были изрезаны в клочья. Вот, казалось бы, ерунда какая, ну порезал старый дурак колеса. Ну и что? Сам виноват, у человека неприятности, человека посадить могут, нечего было нарываться. «Извините» надо было сказать и пройти мимо. А какой уж там человек: вор или не вор, совок или быдло – не его это, Алика, дело. В семьдесят лет не до воспитания уже... Вот так бы подумал он в любое другое утро, но не в это. В это утро удача играла не на его стороне. Головная боль, безобразная сцена с женой, подскочившее давление, все это можно пережить. Но колеса? Изрезанные старым уродом колеса?! Это уже слишком. От выброса адреналина закружилась голова. В горле шевельнулся колючий, ледяной ком. В глазах потемнело.

«Убью, – подумал он. – Избавлю свет божий от мрази, точно убью. Нет, убивать нельзя, сяду. Тогда посажу, дам денег ментам и посажу. Это даже лучше, сдохнет, падла, в Бутырке на шконке, много ли ему надо, через неделю сдохнет, кровью умываться будет...»

Вид воображаемого старикана, мучительно умирающего в переполненной камере, немного успокоил Алика. Он даже начал мыслить практически: «Лучше всего позвонить Ва-

лерке-безопаснику, он всех ментов в округе знает – дам десятку, он до жопы счастлив будет, а мерзкий старикашка уже завтра станет баланду хлебать. Никто за него не впишется, он конченный, и так под подпиской ходит. А мое дело правое, камеры на подъезде небось все записали, напишу заяву, простимулирую десяткой, и завтра же справедливость восторжествует... Нет, лучше пятерку дам, справедливость бесценна, конечно, но она не должна быть дорогой, она должна быть доступной широким слоям населения. В этом и есть высшая справедливость нашей великой русской справедливости. Пятерка, пожалуй, прокатит. Ну, Валерка будет счастлив не до жопы, а всего лишь по колено. Ну и что? Результат-то тот же. Сдохнет мерзкий старикан, и сдохнет правильно. По закону сдохнет. По государственному, солидно. В русле последних тенденций копыта откинет, падла».

Ледяной колючий комок в горле начал теплеть. Его края уже не были такими колючими, они таяли, оплывали. Комок превратился в горячий масляный шар. Он спустился из горла в желудок, а потом еще ниже, и еще... Вязкое горячее масло разлилось по телу, оно смазывало израненное нутро, заглушало обиды, давало силы. Стало хорошо.

И тут, как назло, включилась рефлексия. Вот имелась у Алика крайне дурная в наши непростые времена привычка оценивать себя как бы со стороны. Уж как он боролся с ней, душил, заливал виски, бил себя по щекам – ничего не помогало. Паскудная привычка вылезала в самый неподходящий

момент.

«Это чего же, – подумал он. – Я человека грохнуть за колеса готов? Да еще пятерку сверху накинуть? Он же человек, хоть и тварь, а божья тварь. А я тогда кто? Да я хуже него в тысячу раз. Сбрендил я совсем. Болен я. Господи, помоги мне!»

Обычно он старался не упоминать имя Господа всуе, догадываясь, что соприкосновение с такими материями ничем хорошим ему не грозит. Но в этот раз не сдержался. Произошло невероятное. Показалось, что Бог ему ответил. Но как-то странно, вопросом на вопрос, что ли. В голове послышались голоса:

- Господи, помоги!
- Прости меня, Господи!
- Врааазууууумииии!!!

Голоса были разные. Десятки, сотни, тысячи голосов:

- Господи, дай силы!
- Укрепи!
- Спаси!
- Сохрани, Господи!

Голоса были детские, старые, высокие, приятные, скрипучие: они сливались в какое-то однообразное мычание, и вместе с тем был слышен каждый, каждый голос:

- Денег дай, Господи!
- Господи, власти!...
- Любви хочуууу!...

Голоса были уникальными, как отпечатки пальцев. И Алику показалось, что миллионы рук, десятки миллионов пальцев на этих руках касаются его, лапают, тычат его прямо в мозг, в сердце, в печень, всюду.

– Господи, умоляю...

– Господи, сделай так...

– Господи!

– Гооспоооодии...

Он понял, что сходит с ума. Мир перестал существовать. Исчез двор, и люди, и машины, и он сам тоже исчез. Остались только темнота и гул в этой темноте. И в этом гуле был различим каждый голос. И каждый голос был этим гулом.

Кончилось все внезапно. Он стоял у своего «БМВ» и изумленно разглядывал себя в тонированные стекла машины.

«Совсем нервы ни к черту, – подумал расстроено. – Вот что значит таблетки вовремя не выпить».

Самочувствие, как ни странно, улучшилось. Шок, который он только что пережил, вытряхнул из него все утренние неприятности, как пыль из старого, поеденного молью ковра. Он чувствовал себя посвежевшим. Мысленно послав к черту все утренние неприятности, Алик пошел на дорогу ловить машину. Пора было на работу. Деньги делать.

2

Работа

По старинной московской традиции на любом предприятии, мало-мальски занимавшемся производством, должны работать минимум 80 % таджико-молдаван, допускается также легкое вкрапление хохло-вьетнамцев. Вот этот пестрый пятый интернационал первым делом и увидел Алик, входя на территорию конторы. Несмотря на осеннюю прохладу, интернационал был одет в стиле трущоб Рио-де-Жанейро: вьетнамки, рваные майки и непонятного вида шорты, которые издавдала можно было принять за набедренные повязки. По необъятному внутреннему двору конторы весело сновали автопогрузчики, тащились многотонные грузовики, копошились люди в шортах – повязках. Жизнь кипела. Алику на секунду показалось, что посреди двора идет строительство огромной желтой египетской пирамиды, а он сам – толстый и важный вельможа великого фараона, прибывший на строительство с инспекцией. Иллюзия рассеялась быстро. Тем более что пирамида в центре двора на самом деле стояла. Обветшалые, но еще крепкие четырехэтажные кирпичные цеха советской постройки скрывали в своем чреве огромную стеклянную башню, перенесенную сюда как будто из Манхэттена. Что делать с этой башней, было совершенно непонятно. Арендаторы селиться в ней не хотели по при-

чине чрезмерной индустриальности окружающего пейзажа и риска попасть под колеса многочисленных грузовиков. Идея разместить цеха в помещениях, отделанных итальянским керамогранитом и венецианской штукатуркой, тоже отдавала безумием. В конце концов в башне расположился ресторан на четыреста посадочных мест, фитнес-клуб с сорокаметровым бассейном и «генеральский» этаж с шикарными кабинетами для руководства. Остальное пространство пришлось отдать под склад готовой продукции и общежитие для таджиков. Зато никакие таджики в мире не жили в столь шикарных итальянско-евроремонтных условиях. Этим можно было гордиться и даже рассматривать как проявление социальной ответственности бизнеса.

Удивительно, но Алик направился не к презентабельному шестизвездочному входу в небоскребок, а к неприметной двери, ведущей в обшарпанный цех. Кивнув охраннику, он поднялся на второй этаж и оказался в своем кабинете. Все руководство конторы обитало здесь же, на втором этаже цеха № 3. За стенами кабинетов приглушенно шумели машины. У любого, кто попадал в эти стены, первым делом возникал один и тот же вопрос: «Какого черта эти, видимо, не самые бедные люди делают в этой советской замшелости? Тем более когда у них под боком целая супербашня из стекла и бетона?» Обитатели кабинетов загадочно улыбались в ответ. А Алик иногда развлекался тем, что после переговоров в цеху вторую встречу назначал в своем роскошном ка-

бинете на восемнадцатом этаже небоскребики. А если случалось третье свидание, то опять непременно в цеху. Посетители в результате этих передвижений впадали в состояние полнейшего дзен-буддизма и становились податливыми, как пластилин. Секрет был прост: именно с этого цеха когда-то, в начале девяностых, начиналась империя хозяина конторы, Леонида Михайловича Карповича. Ностальгия хозяина обращивалась немалыми плюсами для бизнеса. Когда приходили проверяющие или кредиторы, их всегда встречали в цеху. Мол, мы производственники, что с нас взять, красные директора практически, не за себя радеем – за дело, сами видите. В обшарпанных советских стенах дурка гналась уместно и легко. Когда же надо было кинуть понты перед будущими партнерами, переговоры протекали в остромодных кабинетах башни, плавно перемещались в гигантский ресторан, а оттуда в бани и джакузи фитнес-клуба. Хуже, когда потенциальный партнер с течением времени превращался в осязаемого кредитора. Но и на это имелся отмаз. Бывшего партнера встречали на втором этаже цеха № 3 с похоронными минами на лицах: «Вот видите, до чего дожили, денег нет совсем, сидим в говне, башню сдали, еле-еле на коммуналку хватает». Большинство недоброжелателей, как ни странно, легко ловились на незамысловатый крючок.

Рабочий день начался традиционно: с чашки кофе и вялого сканирования просторов Интернета. Доллар упал, ев-

ро вырос, РТС в минусе, «Доу – Джонс» в плюсе. Кризис преодолен, но начинается новый. Медведев хочет на второй срок, а Путин хочет навечно. У Анны Семенович сдулись сиськи. Чтение новостей прервал телефонный звонок.

– Алексей Алексеевич, вы у себя? – спросила секретарша.

«Вот странный вопрос, – подумал Алик. – Если она звонит мне в кабинет, а я отвечаю, то где же я еще?»

Его подмывало ответить, что он не у себя, и посмотреть, что будет. Существовал риск, что секретарша зависнет, ее нейронные связи разрушатся, и она сгорит, как старый кофейный пылесос. Секретарше было за пятьдесят, и ее было жалко. Поэтому пришлось ответить политкорректно:

– У себя.

– Леонид Михайлович просил вас зайти к нему.

– Спасибо, сейчас иду.

Кабинет шефа был выдержан в стиле ранних девяностых: зеленые кожаные диваны, турецкие серые обои под евро, полированная мебель, отсутствие компьютера на столе, тяжелые лиловые портьеры на окнах. Стены украшали фотографии хозяина кабинета с крупными чиновниками и богемой. Висели также многочисленные благодарности от ментов, попов, народных артистов и других высокопоставленных прохиндеев. Вид говорящего по телефону шефа завораживал. Леонид Михайлович размеренно качал головой, ритмично произнося междометия.

– Угу... угу... угу... – Голова шефа двигалась вправо.

– Угу... угу... угу... – Голова шефа двигалась влево.

– Да что ты говоришь! – Вправо.

– Вот суки. – Влево.

– Да, да, да, да. – Вправо.

– Угу... угу... угу... – Влево.

Руководитель компании напоминал медитирующего Будду. Волны тепла и спокойствия шли от него по всему кабинету.

«Поставщики звонят, денег просят, – догадался Алик. – Не даст, точно не даст».

– Угу... угу... угу... – Вправо.

– Ай-яй-яй. – Влево.

– Ну, ну, ну, ну. – Вправо.

– Так, так, так, так. – Влево.

Алик почувствовал, что еще немного – и он впадет в транс и будет загипнотизирован качающейся головой и выдаст под гипнозом все маленькие тайны, гешефты и заморочки своей нынешней, а может быть, даже и прошлой жизни. К счастью, разговор подходил к концу.

– Ну мы решим, решим, решим. – Голова двинулась вправо.

– Ты звони, звони, звони. – Влево.

– Пока, пока, пока, пока. – Вправо.

– Пока, – еще раз повторил шеф, и голова его застыла посередине. Он посмотрел на Алика.

Внешность шефа была благообразна и взрывоопасно-оба-

ательна, как у вождя мирового пролетариата товарища Ленина. Образ доброго дедушки Ильича позволял Леониду Михайловичу Карповичу творить чудеса, приватизировать заводы, участвовать в госпрограммах и очаровывать любого человека, родившегося в бывшем СССР. Леонид Михайлович был даже лучше Ленина. Несмотря на еврейское происхождение, у него не было ленинской картавости. А также отсутствовали суетливость и чрезмерная живость телодвижений. Иногда в шефе проступал другой Ильич – статный, красивый и солидный Л. И. Брежнев (в лучшие свои годы, конечно). Смесь получалась убойная. Ну а то, что шестидесятилетний дедушка Леонид Михайлович регулярно играл в теннис, качал бицепсы, красил волосы и трахал все, что движется в радиусе досягаемости, так это только привносило в образ необходимую толику современности и неизбежного прогресса.

– Здравствуйте, Леонид Михайлович, – после затянувшейся паузы наконец сказал Алик.

– Вот суки, звонят, денег просят, – не совсем по теме ответил шеф. – Деньги им нужны, всем деньги нужны, мне тоже нужны и тебе нужны. Всем... но нам они нужны больше, правда, Лешенька?

– Воистину так, Леонид Михайлович.

– Отдам я им деньги, но позже, как там Березовский говорил? Деньги были, деньги будут, сейчас денег нет.

Леонид Михайлович не был жадным человеком, скорее

наоборот. Тем не менее ни с одной суммой, даже с самой микроскопической, он не мог расстаться сразу. Долги он отдавал всегда, но в два-три приема. Причем от физического наличия денег в карманах или на счетах ЛМ (так за глаза называли шефа сотрудники) это не зависело никак. Он как бы долго прощался с деньгами, смотрел им вслед печальными, все понимающими еврейскими глазами, проявлял уважение. Деньги отвечали Леониду Михайловичу взаимностью.

– Кстати, о деньгах... – продолжил шеф. – Тут такое дело... звонили эти придурки из Минсвязи, не рассчитали они там что-то, как всегда... осталось у них много на конец года... надо бы того... освоить... помочь дебилам.

– А много, это сколько?

– Ну не то чтобы много, но и не мало... два с половиной миллиарда.

Сердце у Алика забилося быстро-быстро. Конец года обещал быть трудным, но плодотворным. «Видимо, придется поднимать планочку-то», – подумал он, весело поглядел на шефа и, протяжно гнусава, сказал:

– Ну-у-уууу, барин, тут помоооошники нужны.

– Чего? – не понял Шеф.

– Это из «Формулы любви» Захарова. Когда у Калиостро сломалась карета, молодой барин спрашивает у кузнеца: «За день починишь?» – «Починю». – «А за два?» – «Починю». – «А за неделю?» – «Ну-у-уууу, барин, тут помоооошники нужны».

ЛМ засмеялся, да так искренне громко и заразительно, что Алику на секунду показалось, что они с шефом и не они вовсе, а два веселых и отважных мушкетера, Арамис с Портосом, например. И друг за друга горой. И все они понимают про этот хитро выдуманный мир, и покоцают его тем не менее в клочья, потому что дружба превышает всего.

– Чур меня, чур меня, – испугался он видения. – Проклятое обаяние буржуазии, чур, чур. Не поддамся.

– Смешно, – отхохотав, печально произнес шеф, – а главное – жизненно.

– Если серьезно, Леонид Михайлович, задачка-то непростая. Мы же не резиновые, бюджеты уже все сверстаны, до конца года полтора месяца.

– Ты это, Леш, не прибедняйся, по глазам вижу, что уже все придумал. А что до помощников, тут вон полный офис придурков ходит. Запрягай кого хочешь, но чтобы завтра решение было.

– Денег будет стоить... за срочность.

– Кошмар, дожили, уже деньги денег стоят, а те деньги, которые стоят денег, тоже стоят денег, и так без конца... Да-а-а, доведет финансовый капитализм мир до цугундера, точно доведет. Ну а пока не довел, на накладные расходы не скупись, в пределах разумного, конечно.

– Хорошо, завтра, надеюсь, решение будет.

– Ну вот и отлично, иди, Лешенька, работай.

Алик встал и направился к двери. На пороге он замялся,

обернулся к шефу и неожиданно спросил:

– Леонид Михайлович, давно хотел узнать, а почему у вас нет компьютера на столе?

– А зачем мне компьютер? – ответил шеф и хитро, с ленинским прищуром, посмотрел на него. – У меня есть калькулятор... для предварительных расчетов.

«Старая школа, – уважительно подумал Алик. – Класс!»

И вышел из кабинета.

Бизнес у Леонида Михайловича Карповича был такой же гениальный, как и он сам. Начиналось, впрочем, все довольно банально: с поставок компьютеров в начале девяностых. Время было лихое, и бизнес был такой же. Никакому наркобарону, никакому Пабло Эскобару в самом радужном сне не могла присниться рентабельность в десять, двадцать, тридцать тысяч процентов, которую ЛМ делал на тривиальных двухсотвосемидесятишестых айбизмках. Эх, не ту страну называли Гондурасом, и Эквадором называли не ту страну, и Колумбией не ту. И вообще на свете есть только одна, великая и ужасная, богатая и загадочная страна, страна далеко не равных, но зато охренительных возможностей, непобедимая и легендарная Раша. Только здесь и только тогда, в то лихое, но веселое время, за полгода легко сколачивался приличный первоначальный капиталец. И для этого не нужно было рубить оптом старух процентщиц или торговать по подворотням кокаином из собственного заднего прохода, достаточно

было просто задвинуть наивным посткоммунистическим туземцам пару фур продвинутых арифмометров.

Халява, однако, быстро закончилась. За самыми шустрыми компьютеры начали завозить просто быстрые, а затем и не очень быстрые жулики. Через некоторое время любой тормоз с завалявшейся десяткой в кармане стал волочь на просторы постсоветского Рашаленда свои восемь компьютеров. Рентабельность падала катастрофически. Но ЛМ был не просто гением, он был очень упорным гением. Он додумался собирать компьютеры прямо в Раше. Это давало большую экономию на таможне и других издержках. Рентабельность снова выросла, но ненадолго. Повторилось все в точности до деталей. За шустрыми – быстрые, за быстрыми – небыстрые, потом – тормоза... Рентабельность упала. Пригорюнился тогда добрый молодец Леонид Михайлович и где-то даже разочаровался в идеалах свободного рынка.

«Это что же, – думал он, – так всю жизнь и бегать наперегонки? Ну, один раз первый, второй... а потом ведь все равно догонят, да еще и наваляют ненароком за то, что был чемпионом. Страна у нас такая, не любят здесь чемпионов. Можно, конечно, начать печатать платы для компьютеров, а потом собирать и продавать. Но ведь схема «шустрые – быстрые – небыстрые – тормоза – рентабельность упала» очевидна уже всем. И что тогда? Песок кварцевый добывать для транзисторов? Этак и до расщепления атома добраться можно. Нет... это не вариант».

Вариант, впрочем, подвернулся довольно быстро. Царство расейское, совершив очередную крутую загогулину, к началу двухтысячных стремительно возвращалось к своим традиционным, в стиле Салтыкова-Щедрина, духовным скрепам. ЛМ смекнул фишку одним из первых. Не денег он попросил у чиновников, а заказа государственного. За огромный заказ обещал не просто отгрузку продукции и откаты чиновникам, что по тем временам было делом обычным. Он обещал завод компьютерный построить, и не хуже, чем в Силиконовой долине. И долькой с государством поделиться. И все это без единой копейки государственного финансирования. Только заказ, заказ дайте! Дали. Невиданная инновация принесла невиданный же и успех. В общем, остались Леонид Михайлович и Россия крайне довольными друг другом. И стали они с тех пор жить-поживать да добра наживать. Царство расейское нажило 20 % в новом заводе, да налоги в казну государеву, да компьютер русский исконный, без единого гвоздя сколоченный, да чувство гордости национальное, которое в деньгах не меряется. А добрый молодец Леонид Михайлович нажил остальные 80 %. Пожизненный государев заказ, оборудование дорогущее, недвижимость московскую и заморскую, яхту океаническую, счета заграничные и гражданство басурманское на случай непредвиденный. Много воды утекло с времени того легендарного. И назвали потом книгочеи заумные историю эту сказочную частно-государственным партнерством с элементами инно-

ваний, модернизации и боевого патриотизма.

Краткая история успеха шефа пронеслась у Алика в голове, пока он закрывал дверь начальственного кабинета. Восхищение ловким пройдохой и предчувствие большого куша распирали легкие.

«Все-таки ЛМ гений, – думал Алик, шагая по извилистым коридорам конторы. – Вытряхивает из этого гребаного государства деньги, как мелочь из свиньи-копилки. Два с половиной миллиарда, два с половиной! И они будут ему еще и благодарны. Потому что не тырит тупо, как другие, не рвет бабки государевы в офшор при первом же шухере. Дело делает. Показать есть что, да еще и долю малую откатывает. Спокойно с ним, безопасно, весело, а главное, надежно.

Тем не менее эти два с половиной миллиарда надо было еще освоить. Двести лет назад люди осваивали Америку и Сибирь, а на долю Алика выпало осваивать денежные потоки. Освоить два с половиной миллиарда за месяц до конца года – это тоже своего рода подвиг, по крайней мере интеллектуальный.

Алик зашел в кабинет, попросил у секретарши кофе, закурил сигарету и принялся размышлять: «Итак, что мы имеем? С одной стороны, два с половиной миллиарда, выделенных в виде субсидии на модернизацию, инновации и еще черт знает что. Это, безусловно, плюс. С другой стороны, за них надо отчитываться, и отчитываться быстро, через месяц почти.

Это минус. Наклепать компьютеров, микросхем и т. п. – не успеем чисто физически. Да и кому они нужны, много на них не спишишь, а откаты в таких делах подразумеваются немаленькие. Не вариант... Купить оборудование? Лучше. Хрен его знает, сколько это оборудование стоит, цену можно завысить существенно. Одна беда – ну не нужно уже никакого оборудования, цеха уже скоро от него лопнут. Не вариант. А что, если учредить что-нибудь грандиозное, какую-нибудь фигню такую по поддержке инноваций, модернизации, научных разработок и т. д. – такой некоммерческий фондиче, за все хорошее и против всего плохого. Да и запульнуть туда два с половиной миллиарда. Теплее... теплее... Но не пойдет. Уж больно липой пахнет, обосрутся чиновники под такую тему бабло выделять. Даже за долю обосрутся. Что же делать? Неужели нельзя ничего придумать? Да нет, это невозможно. Вот они, бабки, нагнись и возьми. Только надо голову включить. Ну же... ну же... Это же я, я, Алик всемогущий, интеллектуальный терминатор, крупнейший специалист по хитрожопым схемам, прогонам, отгонам и выгонам. Ну же... ну... давай. Если не придумаю, на помойку меня надо, в мелкие чиновники, в лизоблюды корпоративные, в «Единую Россию», нет, хуже, в «Справедливую». Оборудование – нет, фонд – нет, компьютеры – нет. Что? Что еще? Что?..»

Алик сидел, обхватив голову руками. Лицо его покраснело, в пепельнице дымились полужатушенные бычки. Во

взгляде сквозило безумие. Неожиданно зазвонил мобильный. Погруженный в себя, Алик не сразу услышал звонок, а когда услышал, коротко взглянул на надрывающийся телефон. На экране всплыла странная аббревиатура, Андребан звонит. В голове у Алика мелькнула какая-то мысль. Мысль явно была связана с миллиардами и загадочным Андребаном. Поймать мысль он не успел и совсем уже было собрался выключить мешающий телефон, даже потянулся пальцем к красной кнопке... но в последний момент передумал и нажал на зеленую. Андребан означало: Андрей – банкир.

– Привет героям пилы и хай-тека. Как жизнь, Алик?

– А почему пилы?

– Потому что пилите.

– Не, мы не пилим, мы рубим.

– Капусту?

– Хорошо подкалывать, банкиров мы рубим, которые рабoтaть мешают.

– Ну, тогда я коротко: деньги есть?

– А чего, совсем фигово, банкротиться собираетесь?

– Да ты что! Тьфу, тьфу, тьфу. Банкротство у нас по бизнес-плану через год после продажи иностранному инвестору, то есть года через три. А сейчас, сам понимаешь, конец года, физики кредиты гребут мешками, баланс красивый делать надо. Капитал уже на пределе, увеличивать собираемся. Короче, возьму дорого, отдам в феврале. Я знаю, вы же бюджетники практически, вам в декабре Дед Мороз столько

мешков с баблом накидает, не будете знать, куда девать...

Андрей говорил еще какие-то слова, хохмил, уговаривал, источал непоколебимую уверенность в завтрашнем дне, но Алик его не слушал. Что-то он такое важное сказал. Очень важное. Что-то, связанное с освоением миллиардов. Что-то... И тут его осенило.

– Стоп, – приглушенным от волнения голосом сказал он. – Ты где сейчас?

– В лавке сижу, баблом жонглирую, где ж мне еще быть-то.

– Денег, значит, хочешь?

– Хочу, конечно.

– Тогда сиди на месте, жди. Буду минут через сорок. Поговорим.

Офис Магаданпромбанка находился, как ни странно, не в центре солнечного Магадана, а посреди серых арбатских переулков в Москве. С другой стороны, ничего удивительного, схема известная. Купят лихие московские банкиры мелкий региональный банчок, вся ценность которого и состоит лишь в лицензии, откроют представительство в Москве, соберут с зажавшихся столичных жителей миллиардов двадцать рублей, запульнут их в какой-нибудь лучезарный офшор. Попутно обналичат и выгонят за кордон пяток-другой миллиардов долларов и тихо отойдут в мир иной: иногда в фигуральном (сладкая заграничная жизнь в теплых странах), а иногда и в буквальном (кладбище, крематорий, Бутырская

тюрьма) смысле слова. Это смотря кому и сколько заносили, ну и от везения, конечно, зависит сильно.

Магаданпромбанк как будто бы укладывался в эту схему. И купили его лихие банкиры за три копейки, и денег со столичных жителей собрали немало. Но тут неожиданно в государстве случилась потребительская вакханалия на почве растущих нефтяных котировок. И стали людишки брать кредиты задорого и, что самое удивительное, отдавать их тоже стали. Короче, поперла фишка. И превратились бывшие лихие банкиры в просто банкиров, уважаемых и полезных членов общества, честно зашибающих свою ростовщическую копейку.

Главаря уважаемых банкиров звали Андрей Маратович Куличик. Рослый, чуть рыхловатый молодой человек лет 35, голубоглазый блондин, под два метра ростом, с лицом, в котором парадоксальным образом совмещались черты и древних викингов, и еще более древних евреев. Взгляд у него был пиратский, а улыбка детская. Женщины его любили, мужчины хотели с ним дружить. Андрей Маратович встретил Алика как дорогого гостя и уважаемого клиента в приемной, проводил в кабинет, организовал кофе и начал расспрашивать о жизни:

– Здравствуй, здравствуй, дорогой Алексей Алексеевич. Как жизнь молодая бюджетная? Все жируете на модернизации? Как вам новые веяния в Министерстве связи?

– Веяния новые, а связи старые, так что живем помалень-

ку. Вы тоже, я смотрю, не тужите.

– Мы не тужим, мы тужимся, из последних сил тужимся детишкам на молочишко копеечку заработать. Пашем с утра до ночи, света белого не видим. Ты же знаешь, мы банкиры рыночные, розничные, а розница – это тяжелый кусок хлеба. Это не...

– Ага, я прям ща расплачусь... – притворно всхлипнув, сказал Алик. – Любите ли вы розницу? Любите ли вы розницу так, как люблю ее я? Люди, львы, орлы, куропатки – все берут потребительские кредиты. Вы любите себя в рознице или розницу в себе? И вообще, любите ли вы в розницу или в розницу любят вас?

Он патетически продекламировал эту бредовую компиляцию из русско-советской классики, не выдержал и заржал. Смеялся и Андрей. Ритуальный танец банкира с клиентом подошел к концу. Пора было переходить к делу.

– Ты что-то говорил о деньгах? – отсмеявшись, как бы между прочим спросил банкир. Процесс торговли начался, уступать нельзя было даже в малом.

– Я? – удивился Алик. – Я – о деньгах? Да нет вроде бы. Это ты о деньгах говоришь постоянно, профессия у тебя такая. Ну, вспоминай, час назад ты мне позвонил, спросил, есть ли деньги, да вот у меня и на мобильнике твой звонок есть. Показать?

– Вот нудный ты, Алик. Ну хорошо, я говорил о деньгах. Чего к словам-то цепляться?

– Я не цепляюсь. Я за точность формулировок. Говорил и говорил. Говори.

– Чего говорить-то?

– Не знаю. Чего хотел.

– А, ну да. Так вот, о деньгах. Деньги нужны до февраля.

– Много?

– Чем больше, тем лучше, от миллиарда до трех.

– А зачем?

– Ну ты же видишь, как мы растем. ЦБ лютует, капитал опять наращивать надо, а бабки все в деле крутятся, и то надо объяснять, откуда они у нас взялись. Вот сейчас на заемные и наростим до десятки, а в феврале кредиты вернутся, так своими и заменим.

– А чего инвестора не привлекаете? Продайте дольку процентов в двадцать, и будет вам счастье. Я слышал, к вам очередь из фондов стоит.

– Да потому и стоит, что хитрожопые они очень. Знают, что вырастем за год в два раза, вот и хотят денег по-легкому срубить. Ну их в задницу, жопокрутов.

«Если слово «жопа» стало так часто употребляться, значит, Андрей не на шутку возбудился, о деньгах переживает, бедолага, жадничает, – подумал Алик. – Клиент созрел, пора было наносить удар». Пора? Пора!

– А что, если наша контора станет вашим акционером, миллиарда на два с половиной?

– Алик, – банкир улыбнулся пушистой улыбкой Абрамо-

вича и бросил на собеседника стальной взгляд викинга, – я же сказал, инвесторы не нужны. А кредиторы welcome! – Улыбка у Андрея стала совсем уж плюшевой, зато взгляд резал как бритва.

– Да ты не понял: как бы станем акционерами – до февраля или дольше, может, даже навсегда, но в любом случае – виртуальными. Вир-ту-аль-ны-ми. Understand? – по слогам, с издевкой, пародируя банкира, произнес Алик.

Все, немая сцена. «Ревизор». Гоголь нервно курит и грызет ноготочки. В голубых глазах предводителя уважаемых банкиров скакала чертиком вброшенная Аликом мыслишка. Там были деньги, строчки балансов, номера счетов, проводки. Там было главное – понимание. Жадность и уважение к Алику там тоже были.

– Понимаю, понимаю, а деньги, значит, в офшор хотите, чтобы мы вам отбросили, и долю в капитале нам же в управление отдадите навечно, так?

– Ну где-то так. Плюс, минус...

– Не-е, геморройно это как-то все. Сложно, неоднозначно, – с нарочитым равнодушием, растягивая слова, сказал Андрей.

«Все, поздняк метаться, дурашка, увидел я уже все в твоих глазах. Расслабься и получай удовольствие», – подумал Алик.

– Ну как хочешь, колхоз – дело добровольное, – вроде бы согласился он с банкиром и тут же пригрозил: – К Петьке

пойду в Уренгойхэппибанк, у него такое же говно с капиталом. Давно жаловался.

– А впрочем... – как бы не слыша Алика, продолжил банкир, – можно и попробовать, за деньги отчего же не сделать? Вы же нам заплатите за услугу процентов несколько. Да?

Алик молчал.

– Да? – с нажимом повторил Андрей. – Да?

Молчание Алика становилось неприличным.

– Нет, – коротко сказал Алик и улыбнулся. – Ну ты же серьезный, Андрей, человек, в костюме вон дорогом ходишь, денег у тебя много. Какая, к черту, услуга, это мы вам услугу делаем, деньги обеляем, капитал наращиваем. И за услугу эту – вы нам заплатите.

– Ага, а вы как будто деньги бюджетные не пилите? Два с половиной миллиарда! В попе не слипнется?

Андрей поплыл. Куда-то делся лощеный уважаемый банкир, и наружу вылез нервный, на измене, меняла, который еще не так давно таскал клетчатые челночные баулы с наличием от кукольных вьетнамцев к брутальным рыночным азерботам.

– Но-но, – строго сказал Алик. – Ты это... терминами не бросайся, разрешение на вхождение в капитал вашего банка подпишет лично товарищ министр с целью дальнейшего углубления, расширения и кредитования вашим банком, супер-пупер охренеть какой модернизационной отрасли народного хозяйства. А в попе у нас не слипнется, потому что

жопа у нас в соответствии с последними постановлениями партии и правительства и не жопа вовсе, а свет в конце тоннеля. Это, конечно, если изнутри смотреть. А мы и смотрим, Андрюша, изнутри. Потому что...

– Заканчивай мораль читать, сам все знаю. Короче, сколько?

Банкир юмора не оценил. Предстояла ожесточенная торговля. Алик вздохнул и закинул пробный шар.

– В Америке за легализацию двадцать процентов берут...

– Ага, и двадцать лет дают. Обалдел? Мы что, в Америке? Где ты тут Америку увидал?.. Три процента.

– Согласен, – обаятельно улыбнулся Алик, сделал паузу и, увидев радость на лице контрагента, издевательски добавил: – Пятнадцать.

– Четыре, – уперся рогом банкир.

– Двенадцать, – проявил дружелюбие Алик.

– Пять. Учти, это максимум, – сделал шаг навстречу Андрей.

– Учел. Восемь, – бросился ему в объятия Алик.

– Пять с половиной, и договорились, – вяло уклонился от объятий банкир.

– Семь с половиной и отгон в офшор по себестоимости, – как пылкий любовник, надавил Алик.

– Шесть, и отгону все в феврале.

Банкир почти сдался. В воздухе запахло консенсусом и любовью.

– Все то же самое, но в декабре. На подарки заинтересованным лицам. Сам понимаешь, Новый год скоро и все такое...

– И договорились?

– И договорились.

– По рукам?

– По ним, по лапам нашим загребушим.

– Ну, Алик, ты и жук. Чтобы так меня развести... да так талантливо.

– Тебе, Андрюша, только милостыню просить осталось. Попробуй, у тебя получится. Обул меня, как сироту казанскую. На четыре процента обул. Сам знаешь, что такая услуга десять стоит. Ладно, чего уж там о грустном, скажи своим, чтобы документы готовили. Через три дня юристов пришлю смотреть.

– Скажу обязательно, а кто кого обул, время покажет. Может, выпьем на дорожку за достигнутые договоренности?

– С удовольствием, но не могу, на службе я, при исполнении.

– И чего же ты исполняешь?

– Джигу, Андрюша, великую рыночную джигу.

Алик вел взятый на время в офисе «Мерседес» по улицам столицы, и ему казалось, что он король этого города.

«Да-а-а, мастерство-то не пропьешь, рановато еще на попойку, повоюем еще, всех сделаем, – думал он с довольным

видом. – Варит еще котелок, да еще как варит! Такой навар ожидается – пальчики оближешь. Это же надо, получается увести два с половиной миллиарда бюджетных денег на офшорные счета стоит – внимание, барабанная дробь – плюс шесть процентов! Не минус, прошу заметить, а плюс. Да еще как увести! Вчистую, через взнос в капитал крупного банка. И соус какой замечательный: кредитование инновационной отрасли экономики. Подпишут чиновники разрешение, никуда не денутся, еще и счастливы будут, что деньги бюджетные так грамотно распихали под конец года. Круто! Гениально! Волшебно!»

Он буквально наслаждался такими моментами. Вот именно такими – когда деньги возникали буквально из ничего. Из одного только его умственного усилия. Из его фантазий, наглости расчета и еще чего-то такого, названия чему не подобрать. В такие моменты он ощущал себя творцом. Иногда вечерами, потягивая стаканчик «Macallan» и вспоминая эти чудесные мгновения, Алик приходил к выводу, что, возможно, и вся наша вселенная возникла похожим образом. Из фантазии, наглости и умственного усилия, какого-то лихого, похожего на него пацана. Big Bang Business – называл про себя такие сделки Алик. И если есть на свете счастье, то в такие моменты он был счастлив. За фазой острого эстетического удовольствия обычно приходила чуть менее, но все же приятная фаза подсчета материальной выгоды.

«Значит, так, – думал он, – на рынке смыть более-менее

чисто бюджетные бабки стоит процентов пятнадцать. И вот именно более-менее... Здесь же чистота полнейшая, кристальная, можно сказать, чистота, могут и двадцать запросить, и двадцать пять. Но я же не сволочь, у меня же есть совесть, по крайней мере в современном корпоративном понимании этого слова. Я же честный московский фраер, а не какой-нибудь гопстопер из села Кукуева. Поэтому скажу шефу, что банк берет с нас десять. Шеф будет счастлив, еще, глядишь, и премию мне выпишет на радостях, тысяч сорок рублей... Ну да бог с ним. Он будет счастлив по-своему, а я по-своему, а чиновники по-своему. Все, короче, будут счастливы. Все будут веселиться, хлопать в ладоши, скакать зайчиками и покупать женам и любовницам бриллианты от Тиффани на Новый год. А жены и любовницы вообще будут писать кипятком и ласкать примутся своих мужиков с утроенной энергией. И мужики, глядишь, подobreют от их усилий, и мягче станут, и спокойнее, и мир, возможно, улучшится, и у кого-то наверняка родятся детки. А все потому что я, Алик Наихитрейший, добыл им это трудное счастье и не пожадничал, и поделился, и откатил кому сколько полагается. О себе, однако, забывать тоже не стоит. Итак, десять процентов, которые я скажу шефу, плюс шесть процентов, которые платит банк, итого шестнадцать процентов мне. С Андрюшей договорюсь без проблем, ему по фигу, куда платить. Да и договариваться не надо: просто дам ему два адреса для платежей, столько туда, а шестнадцать процентов сюда. И знать

никто ничего не будет. И главное, и не захотят знать, потому что многие знания – многие печали. И от печалей же тяга к знаниям и происходит. А вокруг все будут счастливы и довольны. Кстати, а сколько это, шестнадцать процентов от двух с половиной миллиардов? Это будет... это будет... это же будет... Четыреста миллионов рублей! Около тринадцати миллионов долларов! Ни хрена себе поработал!.. С учетом того, что есть сейчас, получается выше Планки... и намного выше... Все, к черту, проворачиваю эту махинацию и ухожу на покой, в пампасы, на острова, встречать восходы, провожать закаты, душу чистить да деток воспитывать. Книжку, может, напишу, ну не напишу, так прочту хотя бы (не читал уже лет десять). Мир посмотрю, воздухом чистым подышу. Много ли мне надо? Хороший дом (на Багамах, семь спален, бассейн, кинозал, вид на океан, прислуга из местных, участок в полгектара, до Штатов недалеко, гольф-поле за забором). Хорошая семья (трое детей есть, еще двоих можно родить, жена любимая, родная, все еще красивая, пара любовниц-мулаток не старше двадцати трех и еще одна полька под тридцать, но горячая, как исландский вулкан, чтобы не обижать европейцев) – это все, что нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость».

Алик ехал по московским улицам. И казалась ему, что весь мир стал нежно-розовым, как багамские закаты. А может быть, просто какой-то добрый друг незаметно поменял стекла в машине и он смотрит на серую ноябрьскую

Москву сквозь розовую тонировку. Не хотелось ему сейчас в этом разбираться. Жизнь была прекрасна, а будущее коково-воздушным, как ветерок с океана на островах. От полноты ощущений и близости такой еще недавно далекой мечты Алик запел любимую песню «ДДТ».

«Это все, что останется после меня,
Эээтоооо всееее, что возьму я с сссоообой...
Это все...»

Вдруг его лицо помрачнело.

«Нет, не все, – подумал он. – А вдруг Андрей кинет, вот возьмет бабки в капитал, а на офшор не отгонит. Тогда не на острова, тогда на Северный полюс бежать надо будет. И то не поможет. Разыщут. Да нет, зачем ему это нужно? – возразил он сам себе. – А репутация, а солидный бизнес, из-за каких-то двух с половиной миллиардов? Ни хрена себе каких-то! Да в этом славном городе сама мать Тереза за сумму на порядок меньшую зароет свою репутацию на ближайшей помойке. Да и репутация не пострадает, говорил я с ним один на один, доля в капитале в управлении у него навечно, скажет всем, что так и было задумано, а мне потом бегать всю жизнь. Не best. Нет, конечно, можно дробить суммы, брать расписки, заставлять клясться на коровьих черепах, только поможет все это мало. Хотя, с другой стороны, Париж стоит мессы, игра свечей, а Багамы – риска. Да и Андрюша вроде жулик правильный, с понятиями. Столько лет друг друга

знаем, не один миллион вместе заработали. Ладно, на такие шансы надо играть, придумаю что-нибудь потом», — успокоился он.

Все было вроде по-прежнему, но город за окнами автомобиля вдруг перестал быть розовым. Серым и грязным вновь стал город, а потом и вовсе стал темнеть и темнеть, пока не исчез окончательно. В темноте слышались сначала неразличимые, а потом все более отчетливые голоса, похожие на те, что он слышал утром. Неожиданно посреди темноты появилась крохотная световая точка. Она резко стала расширяться. Свет заполнил все вокруг. И Алик увидел...

...Самолет, точнее салон бизнес-класса. Двигатели ревели, машина готовилась к взлету. Прямо перед ним в огромном кожаном кресле сидел человек лет сорока пяти. Человек был одет в темно-синий, явно не дешевый костюм. В ногах у него стоял портфель из крокодильей кожи. Человек молчал, потел и периодически откашливался. Было видно, что ему очень страшно. Он смотрел прямо сквозь Алика и молился.

«Господи! Господи, спаси, сохрани и помилуй. Сделай так, чтобы эта чертова алюминиевая труба взлетела, и полетела, и долетела куда надо, и не разбилась, и села плавно. Господи, сделай так, чтобы пилот был трезвым, а двигатель исправным. Не хочу умирать, Господи! Рано мне, рано. Потом, Господи, на обратном пути, если хочешь, но не сейчас. Не сейчас, Господи. Только бы долететь! Господи, я знаю, я грешен, тварь я последняя, Господи, я знаю, знаю. Но я же

хороший, внутри, глубоко... Ну хорошо, ну очень глубоко, но ведь хороший? Это не я, это мир такой вокруг. Спаси, Господи, помоги. Только бы долететь, только бы долететь! Знаю, тварь я, знаю, прости меня, Господи. Я больше не буду. Жене изменяю с любовницей, любовнице с другой любовницей. Всем изменяю, себе изменяю. Никого не люблю. Прости меня. Спаси меня, Господи. Партнера кинул на бабки. Косорезю у друзей. Крыса я, Господи. Но ты же понимаешь – это не я, это мир такой. Это все ради детей, Господи. Кто о них подумает, кто их оденет, накормит, обогреет? Поэтому, Господи, спаси меня, ради них спаси. Только бы долететь! Нет, прости, вру я, ты же все знаешь, нельзя тебе врать. Не ради детей ужом вьюсь. Отмаз это дешевый. Нравится мне так жить, вкусно жрать, сладко пить. Ради этого все. Но я же не виноват, это ты нас всех такими сделал. Я исправлюсь. Честно, Господи. Я брошу пить, я откажусь от одной любовницы, я куплю жене шубу, я сыграю с сыном в футбол, я все сделаю, я храм построю. Только бы долететь! Верь мне, Господи. Спаси меня. Сволочь я мерзкая, гад, но я тоже жить хочу. У меня мама есть, она плакать будет, если я...»

Самолет взлетел, двигатели стали работать ровнее. Человек в кресле перестал молиться, вытер платком пот со лба и подозвал стюардессу.

– Принеси-ка мне односолодового виски грамм сто пятьдесят. Лед и колу отдельно. И смотри мне, не бодяжь там, я все равно почувствую. Знаю я вас.

– Что вы, что вы, не беспокойтесь, сделаем все в лучшем виде, – ответила стюардесса.

Человек довольно откинулся в кресле, хлопнул по тугой попке повернувшуюся девушку и стал насвистывать веселенькую мелодию. Самолет продолжал лететь. Двигатели гудели ровно.

Неожиданно Алик услышал стук. Видение самолета исчезло. Серая московская реальность стучалась в окно машины. Он открыл окошко. Реальность предстала в образе необъятных размеров гаишника с красной испитой мордой. Морда была такого густого рубинового цвета, что напоминала звезду на Спасской башне Кремля.

– Капитан седьмого отдельного батальона ДПС Николаев. Предъявите ваши документы.

– А? Что? – встрепнулся еще не очухавшийся от видения Алик.

– Не что, а нарушаем, товарищ водитель.

– Что? Где? Где нарушаем?

– Да вот же. Две сплошные, сами посмотрите.

Алик вышел из машины. Она стояла на перекрестке, наполовину действительно заехав на встречную полосу.

«Что это было? – подумал он. – С утра голоса, теперь вот молитва этого уроды. Что это значит? Что-то мне это все напоминает. Я что, схожу с ума?.. Не может быть. Вспомнил. Фильм такой был. «Брюс Всемогущий» с Джимом Керри. Там Бог на время с одним лузером местами поменялся. Мо-

жет, и я так же... Попробую?»

Алик подбоченился, принял какую-то немыслимо-трагическо-пафосную оперную позу, протянул вперед руку, грозно посмотрел на гаишника и сказал.

– Повелеваю, отъебись от меня, холоп смердящий!

Морда гаишника зажглась красным сигналом светофора.

«Не прокатило, – с ужасом понял Алик. – Ой, что сейчас будет!...»

– Ну, гондон, ну, товарищ водитель, тебе это дорого встанет. Будем протокол составлять. А с правами можешь попроситься, – став совсем уж помидорным, прошипел гаишник.

На извинения перед капитаном Николаевым ушло минут пятнадцать. Покаяние проходило в бело-синем «Форде Фокусе» стража порядка. Капитан долго не хотел ничего слушать и, стиснув зубы, остервенело оформлял протокол. В конце концов Алику все это надоело. Он вытащил из кошелька купюру в сто евро, бросил ее под ноги капитану, нагнулся, поднял купюру, ласково посмотрел на гаишника и сказал:

– Товарищ капитан, что-то у вас грязно в машине, нехорошо бумажками разбрасываться.

Мент смягчился, взял купюру, хитро улыбнулся и ответил:

– Вот это спасибо, товарищ водитель, вот это правильно. Только посмотрите повнимательнее, там еще одна такая же бумажка валяться должна, ну вот точно такая же, один в

один.

С Аликом случилась истерика, хохотал он минуты три без остановки. Смотрел на гаишника и снова хохотал. Немного успокоившись, он обнял капитана, дал ему еще стольник, забрал документы и вылез из машины.

– Ты все-таки того, поаккуратнее, – на прощание сказал гаишник, – а то странный ты какой-то. Может, тебе в больницу надо? Могу подвезти.

«Может, и надо», – весело подумал Алик. Он снова чувствовал себя прекрасно.

3

Примирение

В четверг Алик закончил работу пораньше и к семи часам стоял перед дверью в свои пятикомнатные покои, где покой уже дня три как отсутствовал. С момента Скандала месяца жена не проронила ни слова, дочка тоже не желала общаться. В первый день было еще ничего, выручали радостно щекотавшие близнецы и чувство огромного духовного подъема на фоне задуманной махинации с Магаданпромбанком. На второй стало хуже, Алик сделал вялую попытку помириться, приобнял жену, получил локтем под дых, выпил сто пятьдесят грамм виски и уснул. На третий день захотелось сбежать из дома.

...Тишина, жена молча подает ужин, мясо в соусе из обид и с приправой в виде чувства вины. Дочь на вопросы отвечает односложно.

— ...

— Хорошо.

— ...

— «Пять» по алгебре.

— ...

— Не хочу.

В подтексте — «отвали, козел, навсегда». Даже няня близнецов смотрит со сдержанным осуждением. Даже кровать,

в которую бежишь, чтобы забыть весь этот ужас, кажется, скрипит: «У-род». Начинаешь вертеться. Сон не идет. Кро-
вать скрипит при каждом перевороте:

- У-род (переворот).
- Ко-зел (переворот).
- Все про-срал (переворот).
- Де-бил.

И засыпаешь в какой-то нелепой позе. И орешь во сне. И всю ночь снятся кошмары. А утром слезливый омлет с женскими иллюзиями о том, что ты настоящий мужик, защитник женщин и детей. И небрежно брошенный на стол бутерброд с сыром и презрением. И ненавистью. И обидой.

Невыносимо. Это невыносимо.

Встаешь. Она спиной к тебе, моет посуду. Подходишь, обнимаешь ее, гладишь, говоришь:

– Ну послушай, ну я не прав, я не хотел... Но и ты тоже...
Ну пойми меня...

А в ответ тихий голос:

– Уйди, ты мне неинтересен.

И легкий, но обидный тычок локтем в середину живота. И уходишь, потому что понимаешь – да, неинтересен.

Алик стоял перед дверью в квартиру и пытался придумать план великого семейного примирения. Если сейчас, в четверг вечером, не помириться, то пятница будет испорчена, а за выходные взаимное отчуждение напитается соками и перельется на следующую неделю. Все станет сложнее. Это ска-

жется и на работе. Сорвется сделка с Магаданпромбанком. И тогда прощай, Багамы, три любовницы и океанские закаты. От расстройства он начнет пить, спустит все деньги. Потом инсульт, частичная парализация. Жена с детьми уйдет к маме. Нет, уйдет он, оставив им последние деньги и квартиру. Дети не должны нуждаться. А сам станет бомжевать... И вот наконец смерть, где-нибудь на помойке в районе Киевского вокзала. Все закончится тоскливым февральским утром, приедет труповозка, пьяные санитары брезгливо бросят туда его немытое тело. А в свидетельстве о смерти напишут: смерть от голода, холода и огромного разочарования в жизни.

«Нет, – в ужасе подумал Алик, – помириться нужно обязательно сегодня, иначе, как у Брэдбери, эффект бабочки и вся жизнь наперекосяк».

Как всегда от страха и выброса адреналина, мозг стал работать в режиме форсажа. Через несколько секунд в голове возник план.

1. Помириться с дочкой. Как Сашка говорит: «Это мамка тебе чужая тетка, а я самый родной человек». И она, безусловно, права. Время – 15 минут.

2. Совместный ужин – я, дочка, жена. Я общаюсь с дочкой, дочка общается с женой, жена со мной не общается. Уже какие-то ниточки натягиваются, жена перестает чувствовать поддержку дочери. Она в меньшинстве. Я делаю попытку с ней заговорить. Она, конечно же, меня посылает (сразу толь-

ко кошки рождаются). Я без скандала отступаю. Жене немного стыдно перед дочерью. Время – полчаса.

3. Обязательно попроситься на вечернюю прогулку с близнецами и Сашку с собой взять. Я играю с близнецами и Сашкой. Дети счастливы (не так уж и часто я хожу с ними гулять). Они смеются, щечки их покраснелись от легкого морозца и подвижных игр. Жена стоит в сторонке и понимает, понимает, дура, что мужик-то я хороший, отец замечательный, а закидоны... ну у кого их не бывает. Жена смягчается, тает жена. Дополнительный бонус. От игр и общения с детьми я тоже успокаиваюсь. Мне хорошо. А это важно, потому что впереди самый главный четвертый пункт. Время – 1 час.

4. Разговор с женой. Близнецов уложили спать, Сашка тоже заснула. Жена возится на кухне. Вхожу я и... не знаю, что «и»... Тут всегда по-разному. Точно одно – разговор будет тяжелым. Даже не хочу думать. Понадеюсь на два И, которые меня никогда не подводили, – Импровизацию и Интуицию. Время – один час.

5. И секс... для закрепления достигнутых результатов. Великий замирительный секс, после которого стираются обиды, рушатся стены, все встает на свои места, и даже иногда рождаются дети. Время... Хм, да это как пойдет, хоть до утра!

Алик позвонил в звонок видеодомофона. В кармане лежали ключи, но он позвонил.

«Хорошо бы дочка открыла», – загадал он про себя науда-

чу.

Дочка и открыла. Скользнула по нему обиженным взглядом, повернулась и молча пошла в свою комнату. Не раздеваясь, Алик пошел за ней. Перед дверью он плюхнулся на колени, широко раскинул руки в стороны и так ввалился в комнату дочери.

– Ладно, ладно, Сань, я согласен. Заслужил, согласен я...

– Ты чего, совсем офигел? На что ты согласен? – Дочь ответила грубо, но явно заинтересовалась его словами.

– В принципе, на все согласен. Заслужил, как говорится. А конкретно согласен на полстакана.

– Какие полстакана, совсем сбрендил?

– Ну как же, Сань, нехорошо забивки забывать. Мы же договаривались с тобой, когда я стану стареньким и силы покинут меня, ты поднесешь мне стакан воды. Нет, я, конечно, не ангел, да и веду себя безобразно, вон стол тебе сломал и вообще... Но ведь и не окончательное говно, правда? Люблю тебя, забочусь и все такое... Поэтому полстакана. Я согласен.

Момент был ключевым. Алик знал, что Сашка девочка добрая, отходчивая, любит его, а самое главное – очень смешливая. Расколоть ее ничего не стоило. Но и обидел он ее сильно. Дочка несколько секунд старалась сохранить серьезное, сердитое выражение лица, но не смогла. Она закрыла лицо руками, стала мелко трястись, а потом ритмично всхлипывать. Смеялась она, как молодая ослица, через равные промежутки времени выдавая заходящееся на вдохе

«Иа».

– Иа... Иа... Иа... Иа... – Из ее глаз текли слезы.

«Дурында малолетняя, – с нежностью думал Алик, – сиськи вон уже третьего размера, а смеется, как первоклашка».

– Да ну тебя, – попыталась снова обидеться дочка и даже махнула рукой куда-то в сторону, но по всему было видно, что обиды уже нет. Растворилась обида в смехе, в любви и еще в чем-то, чему современные люди давно не придают значения, а люди менее современные, близкие к природе, называют кровным родством.

«Прощен», – понял Алик и обнял дочку. И стал гладить ее по голове и шептать какие-то слова, что-то вроде «прости, извини, не прав». И смех сквозь слезы сразу превратился просто в слезы. И он сам чуть не заплакал – от любви и раскаяния. Что вот он, здоровый сорокалетний мужик, а обидел, напугал свою самую любимую родную девочку. И тварь он после этого последняя.

А потом они лежали обнявшись на диване. Дочка рассказывала ему о том, какая математичка идиотка, и как историк к ней придирается, и как Илюшка Мясоедов, дурак и известный в школе хулиган, шлет ей любовные послания ВКонтакте. А он ей сказал, что, может быть, скоро заработает много денег и они уедут жить на прекрасный остров в Карибском море. И учиться она будет непременно в Гарварде. И даже если денег не удастся заработать быстро, то Гарвард все равно ее с потрохами, потому что она – главное в его жизни, а

деньги на Гарвард уже давно есть.

Перед тем как выйти из комнаты дочери, Алик услышал брошенное в спину:

– Перед матерью-то извинись.

– Ну вот, Сань, как ты такое говоришь, сама же все видела. Она меня оскорбляла, била... А ей, по-твоему, не следует передо мной извиниться?

– Следует, конечно, оба вы хороши, но извиняться будешь ты.

– Почему?

– Потому что ты мужчина и ты виноват.

В голосе дочери послышался металл.

«Нда-а-а, – подумал Алик, – а муж-то у нее будет подкаблучник. Ну и пусть». Он еще раз внимательно посмотрел на Сашку и спросил:

– Помириться-то поможешь?

– Помогу, – ответила дочь.

Второй и третий пункты плана исполнились в точности, как задумывались. За ужином он мило беседовал с Сашкой о всяких пустяках. Добрая девочка старалась втянуть в разговор мать. И мать даже втягивалась, но с Аликом принципиально не говорила. Попытка обратиться к жене напрямую ответом удостоена не была. Однако стало заметно, что жена временами начинала уставать от ссоры. В такие моменты лицо ее прояснялось. Правда, длилось это недолго, как будто

бы иголкой кто-то тыкал, жена все вспоминала и снова ныряла в мутный и теплый океан обиды. За время ужина Алик заметил эти перемены четыре раза. Тенденция радовала.

На прогулке с детьми они играли в снежки, первый снег падал огромными белыми комьями, покрывал ноябрьскую грязь, налипал на ресницы. Дети визжали от радости, жена тоже смеялась, и стало понятно, что Новый год близко. Она даже один раз случайно, а скорее и не случайно, кинула в него снежком. Близнецы вошли в раж и стали изображать уток в полузамерзшей луже.

– Алик, вытащи их немедленно, – закричала жена, – а то домой сосульки принесем вместо мальчиков.

Это была почти победа.

Дети улеглись к двенадцати. В доме стало тихо, он зашел на кухню, жена в коротком домашнем платице колдовала над кастрюлями. Над плитой поднимался пар. Плиту заслоняла рельефная, в форме сердца, попа жены. От этой картины веяло таким уютом, что Алик даже подумал отложить разговор. Не хотелось портить момент.

...Ночь, месяц светит в окошко, дети сопят в кроватях, не юная, но все еще молодая и красивая женщина склонилась над очагом. Она готовит еду. Сзади мужчина. Это ее мужчина. Он пришел с мороза, он устал и голоден. Он рад, что в доме тепло и есть еда, и дети, его продолжение, спят сытые и здоровые. И женщина есть в доме, и она рада ему, и она накормит его, согреет, приласкает. Он осторожно подходит

к своей женщине сзади и...

«Вот так вот, наверное, все и было лет двести назад, – подумал Алик. – А сейчас не так, за цивилизацию, теплые туалеты и Ipad с мобильным Интернетом приходится платить. Попробуй сейчас подкрадись сзади, получишь по морде. И это еще не худший вариант. Можно и развод получить с полной обдиравкой до последней рваной рубахи. И поэтому разговор откладывать нельзя, какие бы идиллические картины ни пригрезились. Приходится быть хитрым».

Алик вздохнул и совсем уже собрался начать разговор, но вдруг понял, что не знает, о чем будет говорить. Два незамеченных И – Импровизация и Интуиция – пока молчали. То ли от напряжения, то ли от пара, валящего от плиты, сильно заболела голова. Он закашлялся, жена обернулась, посмотрела на него в упор. И тут... И тут наступила темнота, а потом появилась крохотная точка в темноте, которая через мгновение стала расширяться...

...Светлый длинный коридор, много дверей по бокам, стены бледно-зеленого цвета, белые двери. На бежевом диване у стены сидит женщина. На ногах у женщины синие бахилы. Больница. Она привезла сюда ребенка. Мальчик. Пять лет. Проглотил детальку от конструктора. Деталька застряла в горле. Он задыхается. Только что его увезли в операционную. Резать. Резать горло. Женщина плачет. Прядь черных волос приклеилась слезами к щеке. Она красива, наверно. Сейчас нет. Сейчас горе. Настоящее. Она молится.

...Господи! Господи! Я знаю, ты все можешь, все во власти твоей. Спаси его, сделай так, чтобы он жил. Я плохая мать, плохая жена и человек плохой. Но он, он же ангелочек, он ни в чем не виноват. Господи! Меня покарай, убей, накажи, но не его. Пускай уйдет муж, пускай усохнет грудь, пропадет красота, черт с ней, с красотой. Но пусть он живет. Сделай так, Господи! Он маленький, он такой маленький, пусть живет. Господи! Я грешница, я великая грешница. Меня есть за что наказывать. Вот и накажи меня, не его. Нельзя через ребенка, страшно это. Господи! Помоги ему, он такой добрый, смешной. У него мои волосы и глаза, а нос... Я сама не знаю, от кого он, от мужа или... или... А с массажистом было только один раз. Честно, Господи, я сама не знаю. Запуталась я... А муж его так любит. И мне стыдно, стыдно, каждый раз так стыдно, когда они играют. Но он-то ни в чем не виноват, это я шлюха, меня карай, но только не через него. Это жестоко, Господи! Убей меня лучше, Господи! Я не достойна жить. Мразь я, шлюха грязная. Да, шлюха. Я твоя шлюха, Господи. Я тебе все сделаю. Я умею делать приятно. Меня по-всякому можно. Только его пощади! Боже мой, боже мой, что я несу! Прости меня, Господи! Прости меня дуру. Но я не могу... я не вынесу, если... я с ума сойду. Он же ребеночек мой, плоть моя, дыхание мое, жизнь... Господи! Я обещаю, я клянусь, больше никогда, ни с кем... Я ведь и вправду люблю мужа, только его, а массажист, солдат, другие... Это так... так... Прости меня, Госпо-

ди, пощади ребенка моего, меня возьми, его оставь. Он читать только научился, он такой талантливый, он так рисует! Он красивый очень. А хочешь, он будет священником? Да, я клянусь, он будет священником, он будет служить тебе, Господи! Только пожалей его, пожалуйста, я умоляю. Я расскажу все мужу, все: и про солдата, и про друга его, про всех... Пускай убьет, пускай на улицу вышвырнет, пускай сына отсудит, пускай... Пускай я не увижу его никогда, сыночка моего. Я готова, Господи! Только бы он жил, дышал... жил...

Женщина молилась. К ней приближался мужчина в белом халате. Он только что прооперировал ее сына. Женщина заметила врача. Его лицо ничего не выражало. Женщина смотрела. Врач приближался... Вдруг картина застыла. Не то чтобы стала фотографией, а скорее стоп-кадром, как на видеомэгнитофоне «Электроника» в детстве Алика. Картинка слегка дрожала. Контуры людей и предметов были смазаны. «Что за хрень?» – подумал Алик, но не успел додумать мысль до конца, как на него обрушились другие видения. В одну секунду он понял про женщину все.

...Вышла замуж в девятнадцать. Почти подросток. По любви. Муж не бедный, ее обожает. Сидит дома. Прислуга. Путешествия. Скучно. Ебливая, но мужа любит. Начала трахаться со всеми подряд. Забеременела. Родила. Мать сумасшедшая. В ребенке души не чает. Заботится. Мальчуган классный. Может стать великим художником. Не от мужа. Она продолжает трахаться с прислугой, друзьями мужа, му-

жьями подруг. Гормональный сбой, наверное, нимфомания или что-то в этом роде. И любит мужа тем не менее. Муж не знает. Над ним все смеются. Если узнает, скорее всего, умрет. Инфаркт в лучшем случае. В плохом – суицид.

«Вот сука, – подумал Алик. – Стрелять таких надо. И мужик у нее хороший, и сын замечательный, и все у нее есть, а она... Пусть помучается, умрет ребенок и тогда поймет, что она дыркой своей грязной натворила. Хотя, с другой стороны, мальчишка-то замечательный. И мать она хорошая. И мужа все-таки любит. Но и мужа жалко. Он вообще ни в чем не виноват. Никто ни в чем не виноват, как всегда. А делать что-то надо... А хрен с ними, пускай живут как жили – ребенок растет, она трахается, а муж ничего не знает». Дрожащий стоп-кадр ожил. Врач наконец подошел к женщине.

– Ну что, мамаша, пляшите, спасли мы вашего мальчика. Хотя дело было серьезное. Вы уж следите за ребенком внимательнее.

– Доктор, миленький, спасибо вам, родной, – женщина бросилась к врачу, обняла его и стала целовать куда-то в шею, в халат, куда придется.

– Ну что вы, ну будет, будет. Все бывает.

Врач приобнял женщину и стал успокаивающе гладить ее по волосам и спине. Женщина почувствовала возбуждение и как бы нечаянно поцеловала доктора в губы. Доктор осторожно погладил женщину по попе...

Все исчезло. Алик снова сидел на кухне. От плиты валил

пар. Жена смотрела на него в упор.

– Что с тобой, тебе плохо? – спросила она.

«Плохо ли мне? – ошалело стал размышлять Алик. – Да уж, не хорошо, это точно. Вот так, наверное, и сходят с ума. Живешь, работаешь, бабки заколачиваешь, с женой поругиваешься... и тут бац – вторая смена. Welcome to Kaschenko, дорогой Алексей Алексеевич. Зачем мне это? И какого черта я вообще об этой дуре блудливой распереживался? Делать что-то надо, ля-ля, ля-ля. Не бог я, не б-о-г. Гаишник наглядно это доказал за мои кровные двести евриков. Что-то я больно рассудительный для сумасшедшего. Так, еще раз тогда. Зачем мне все это?»

– Алик, что с тобой, ты весь серый, ты меня слышишь? Может быть, «Скорую» вызвать? – снова забила тревогу жена.

«А вот зачем, – догадался он. – Как же я мог забыть. Спасибо, Господи, спасибо интуиция, подсознание или чего там. Шантаж здоровьем – это же так просто, и действовало всегда».

Теперь он знал, как построить разговор с женой.

Он сел на стул, прижал руку к сердцу, опустил голову и шумно выдохнул через нос.

– Нет, нет, Лен, все в порядке, все хорошо.

– Алик! Алик! Я звоню в «Скорую», сейчас же! – Жена потихоньку начала скатываться в истерику.

– Все хорошо, хорошо, не кричи, налей лучше валокор-

динчику, каплеь пятьдесят... нет, шестьдесят лучше.

Рюмка и пузырек с лекарством исполняли зажигательный танец в руках жены. Дзинь, дзинь. Ритм напоминал джазовый. Ленку колотила дрожь. Алик выпил капли залпом, как водку. Откинул голову, прислонился к стене и закрыл глаза. Жена сжала его руку своей ледяной ладошкой. Наступила мхатовская пауза. «Какой артист погибает», – мысленно повторил он изречение императора Нерона. Однако пережить тоже не стоило. Мнимый больной открыл глаза, поднял голову и снова шумно выдохнул, на этот раз через рот.

– Ну вот и все, отпустило, кажется.

– Правда отпустило?

– Честно, нормально уже все.

Жена в нерешительности застыла на месте. Было буквально видно, как ее рвет на части. С одной стороны, они в ссоре и разборка еще далеко не закончена, поэтому прочь из кухни. С другой – муж только что чуть коньки не отбросил, поэтому немедленно упасть на колени и греть, греть теплым дыханием похолодевшие ступни супруга. Не в силах определиться, Ленка начала перепрыгивать с ножки на ножку. Это было действительно смешно. На Алика накатило; пытаясь удержать ржач, он прикусил щеки, сморщил лицо, глаза его увлажнились.

– Что? Что, опять? Опять?! – в глазах жены заплескался ужас.

Сидящий Алик, притянул Ленку к себе и уткнулся баш-

кой в ее животик.

– Я вот подумал, – дрожащим то ли от смеха, то ли от подступивших слез голосом глухо проговорил он в пупок жены, – я подумал, мы же любим друг друга, зачем же мы так, для чего? Ты прости меня, Лен.

Получилось натурально. Кающийся грешник перед лицом смерти замаливает грехи. Жена погладила его по голове.

– Алик, давай не сейчас, завтра поговорим.

«Умная, – с уважением подумал он, – научилась за восемнадцать лет совместной жизни. Но учитель-то кто? Я. Я – прожженная скотина, манипулятор и аферист. Поэтому фигушки, не пройдет».

– Лен, не уходи, – слабым голосом произнес Алик. – Плохо мне без тебя, не могу я так.

Он задрал голову и снизу посмотрел на жену. Как всегда не вовремя включилась проклятая рефлексия.

«А я ведь и вправду скотина, – сказал он сам себе. – Рассчитал все, распланировал. Как государство наебываю, так и Ленку. Только она не государство, она любовь моя единственная, мать детей моих. Честная она. А я? Где я? Ау-у-у-у!.. Потерялся по пути к большим бабкам. Нет меня. Сожрали бесы мелкие, за три копейки сожрали».

От осознания собственной мерзости Алику нестерпимо захотелось отхлестать себя по щекам. Зато взгляд, обращенный на жену, получился кинжально искренним и полным раскаяния. Сопrotивляться такому взгляду даже не стоило

пытаться. Ленка рухнула к нему на колени, обняла и начала рыдать.

– Что ты, т-ты, ты де-ла-ла-лаеееешь. Ты, т-ты же, же у-убиива-ваешь-шь-шь все. Я же-же не м-м-огууу без т-т-тебя. И с с с с т-т-тобой-й-й не-не могу. Ты, ты другим бы-ы-ыллл. Аллииччка, роддненннький, в-в-вер-нннисьсь. Я же-же-же люблюю-б-б-б-лю-ю-ю т-т-т-бяаяя!

Она уткнулась ему в грудь, продолжая что-то неразборчиво бормотать и всхлипывать. Алик гладил ее по спине, крепкой попе и ляжкам.

«Может, прямо сейчас, – думал он, – прямо здесь, на столе, поставить точку? Перейти к пятому, самому приятному пункту плана. И все... И баиньки... Нет, рано. Пошло, грубо и некрасиво. Не в формате. Законы жанра нарушать нельзя. Отомстит жанр потом за это крепко».

– Леночка, Ленусик, Ленточка моя любимая, ну прости меня, пожалуйста, – голосом, соответствующим канонам жанра, взмолился он. – И пойми. Да, невыдержанный, раздражительный. Срываюсь на тебя. Ну пойми же. Это ты тут за мной в тылу как за каменной стеной. А я на передовой рублюсь. Сволочи все кругом. Куски друг у друга из глотки рвут. И я такой же. Ну я же ради тебя, ради Сашки, ради близнецов. Чтобы вы хорошо жили, ни в чем не нуждались. Это война, Ленка. На войне я. Сейчас день за пять идет, а неделя год кормит. Потерпи чуть-чуть. Уже скоро. Три месяца. Максимум полгода. И все, будет достаточно. Уедем на

хрен на острова и звонко встретим старость. Детей еще нарожаем. Я успокоюсь, все станет как раньше. Я обещаю, я смогу. Только потерпи чуть-чуть.

Он сам не знал, правду говорит или врет. Не до рефлексий ему было сейчас. Жалко ему вдруг себя стало очень, и Ленку стало жалко, и детей, и вообще всех жителей этого психованного города. Бегают они, суетятся, пытаются поймать удачу за хвост. А когда отловят наконец, оказывается, что и не удача это вовсе, а чертик вертлявый с рожками. И кирдык тут им наступает. Жалко.

Заплакал Алик, как давно не плакал. От души так заплакал, навзрыд, как в детстве. И Ленка, умница, все поняла и тоже заплакала.

А потом успокоились постепенно. Полегчало им. А после говорили долго. А потом устали.

– Ну, я пойду, помоюсь? – спросил он у жены.

– Может, лучше завтра? – неуверенно ответила Ленка.

Было между ними такое иносказание, эвфемизм по-научному. «Пойду, помоюсь» означало «давай трахнемся».

– Надо, Лен, – весомо сказал он и пошел в ванную.

В кровати лежали долго, не решаясь приступить. Не очень-то и хотелось. Опустошены были. Но оба знали: нужно. Пьесу нужно доиграть до конца. Что за пьеса без финала? И вот наконец касание, еще касание, пас, удар – Го-о-о-о-л! Завелись. И забыли обо всем. И понеслось. А потом лежали рядом. Дышали шумно. Остывали. Замирительный секс

оказался офигительным, как всегда. Смыло все, как дерьмо из унитаза. Как будто и не было ее никогда. Ссоры.

Совещание

Впервые за долгое время Алик проснулся без головной боли. Утро пятницы начиналось отлично. Настроение зашкаливало, мысли о деньгах не мучили проникотиненный мозг, мир в семье был восстановлен. Ленка приготовила какой-то изысканно-затейливый завтрак в средиземноморском стиле, мурлыкала что-то под нос весело, сочилась любовью и лаской. Даже близнецы буйствовали вполне умеренно.

Алик выкурил сигарету под чашечку эспresso, быстро собрался, поцеловал жену, потрепал кудрявые головки мальчишек и отправился на работу. На одиннадцать часов было назначено совещание по поводу махинации с Магадан-промбанком. Совещание – это громко сказано. Шеф повелел прийти Доверенному Юристу, Доверенному Человеку и Алику. ЛМ доверял немногим, а точнее, только этим троим, но и им он устраивал периодически перекрестные проверки, натравливая их друг на друга. Доверенным юристом был толковый парнишка Дима примерно тридцати лет. Умный, прогрессивный, хорошо воспитанный, не лезущий на первые роли и получающий за все эти достоинства вполне приличную, но не чрезмерную зарплату. Жил, однако, юрист совсем не по зарплате, катался на «Ягуаре», имел большую трешку в элитном доме и небольшую, но уютную дачку с бассейном

недалеко от Москвы. Объяснял он это несоответствие наличием подработок на стороне и огромными бонусами жены, скромной труженицы бухгалтерии ОАО «Роснефть». Как ни странно, ему верили.

Доверенный человек был личностью гораздо более интересной. Когда-то он сильно помог ЛМ с аферой по строительству завода на государевы бабки и с тех пор считался совестью компании, а также ее честностью и неподкупностью. По совместительству ему же была доверена черная касса. Все знали, что он крайне честный человек и денег у ЛМ не ворует. Но деньги у него почему-то все равно водились. И так много, что в свободное от работы время он строил в Калужской области собственный «свечной» заводик площадью 20 000 кв. м по производству 3D мониторов. Звали его нетривиально: Михай Эльдгардович Руссковец. Национальность его трудно определялась и сильно зависела от контекста. С ЛМ – безусловный еврей, для этого имелись длинные вьющиеся черные волосы, коротко подстриженная борода, благородная седина, большие антрацитовые глаза на бледном лице и ненавязчиво педалируемый хохляцкий акцент, издавна принимаемый за еврейский. Для большинства остальных случаев под застегнутой рубашкой висел огромный золотой православный крест, усыпанный рубинами. Для азиатов имелось увлечение буддизмом и йогой. Для чего или кого на правой руке Михай носил перстень с двухкратным бриллиантом, Алик даже боялся представить: совместная с

цыганами кража коней казалась все же маловероятной версией. Внешне Михай больше всего походил на разбитного сербского братушку-партизана, склонного к широким жестам и веселой балканской истерике, а внутри... Макиавелли работал бы у него референтом. Ни одно назначение на мало-мальски хлебную должность, ни один даже самый крохотный гешефт в компании не могли пройти мимо него. Впрочем, несмотря на тщательно культивируемый имидж отможенного честняги и цепного хозяйского пса, мужиком он был вполне адекватным, быстро думающим и живущим в рамках строгой экономической логики.

Трижды был прав мудрейший ЛМ, с такими доверенными людьми ухо надо держать востро. И проверять их постоянно, и ссраливать друг с другом. Одного он не учел – слишком узок их круг. А когда круг узок, он имеет тенденцию дружески смыкаться на почве общих интересов и любви к материальным благам.

Первым, еще в четверг, к Алику прибежал юрист.

– Привет, Алик, не занят?

– Как я для тебя могу быть занят? Я для тебя всегда свободен.

– Тут такое дело. Вызывает меня ЛМ, говорит, завтра в одиннадцать совещание, типа мы Магаданпромбанк покупаем, вроде ты в курсе. Что за тема-то?

За юриста Алик особенно не волновался. Ведь именно он сделал этого мальчика если не богатым, то уж точно состо-

ательным человеком. И «Ягуар», и элитная трешка, и дача под Москвой были куплены юристом на деньги, полученные прямо из добрых и ласковых Аликовых рук. Он рассказал юристу задуманную комбинацию. В глазах юриста зашипел коктейль из алчности и восхищения.

– Круто, хитро, здорово. Вот скажи, как у тебя это получается? Вроде бы все просто, а хрен додумаешься. А осуществить еще сложнее. А ты раз, два и готово.

– Давно живу, многих знаю...

– Нет, ну правда, скажи. Научи. Я тоже хочу.

– Отстань. Есть такая профессия – Родину воровать, сынок.

К жадности и восхищению во взгляде юриста примешалась легкая нотка обиды. Коктейль получался изумительным.

– Ну, не хочешь – не говори, но ведь и риски тоже есть. Например...

– Риски всегда есть, – строго сказал Алик. – Это же аксиома. Без рисков денег не бывает.

Замолчали. Алик рассматривал юриста. Лицо в общем симпатичное, правильное. Умное лицо молодого яппи и карьериста. Чем-то похож на Дмитрия Анатольевича Медведева, тоже юриста, кстати. Вот только нос... Кончик носа почему-то был загнут влево. Видимо, сломали в детстве. И в глазах алчность и обида, а восхищение куда-то испарилось. Впрочем, нет, не испарилось оно никуда, просто в результа-

те сложных химическо-финансовых процессов преобразовалось в зависть.

«А ведь он похож на крысу, – догадался Алик. – Точно крыса, одно лицо, точнее морда».

– Ну, это понятно, – робко, слегка заикаясь, произнес юрист. – Про риски. А вот там будет чего-нибудь?..

– Чего – чего-нибудь? – Алик сделал вид, что не понял.

– Ну это... деньги, – выдохнул юрист.

Алик ликовал. Вот и вылупилась из яппи крыса. В последнее время он не очень понимал, за что отстегивает юристу бабки. Острые углы юрист обходил вполне грамотно, жопу не подставлял, ничего не подписывал. Да еще на совещаниях щедро рассыпал вокруг себя всяческие «но», чтобы потом можно было сказать: «А я же предупреждал, говорил...» Страховался, короче, по полной. А денег хотел тоже по полной, сука.

– Деньги, говоришь... Какие деньги?

– Ну хорош издеваться, – взорвался наконец юрист. – Ну ты же заложил там чего-нибудь наверняка.

– Деньги, значит, – растягивая слова, повторил Алик, – деньги. Ну да, будут там деньги. Прав ты. Будут риски, будут и деньги. Только интересно у нас получается с тобой, как в сказке про вершки и корешки. Риски мои, а деньги наши. Так? Ты на совещании головой покиваешь, да еще и с оговорками – с одной стороны, с другой стороны, при условии «если» – а меня, чуть что не так пойдет, за яйца подвешат.

Так?

– Да ты не понял, Алик, – растерянно промямлил юрист. – Я не об этом, я же помочь хотел, схему проработать, риски снять. Ну, деньги – это вторично. Дашь, сколько захочешь, а можешь и ничего не давать. Это же моя работа.

«Вот так, – удовлетворенно подумал Алик. – Тень, знай свое место. Слабоват ты еще против меня, мальчик. Ишь ты, вымогателем заделаться вздумал, гаденыш... Ладно пускай дышит пока...»

– Все я правильно понял... не переживай, будут тебе деньги. «Ягуар» новый купишь, а то в старом пепельница небось уже полная.

– Алик, ну зачем ты... Я же как лучше хотел. Я же помочь...

– Все, проехали, чего не скажешь в шутейном разговоре. Ты пошутил – я тоже посмеялся. А за помощь спасибо. Вот завтра ЛМ акцептует схему, и тут же вместе за работу. А про «Ягуар», кстати, не шутка. Это чтобы ты понимал.

– Спасибо, спасибо тебе. Но ты не обиделся, правда не обиделся?

– Да как же я могу на тебя обидеться, дурачок? Ты же мой ученик, мое альтер эго, так сказать.

Алик встал, подошел к юристу и приобнял его за плечи.

– Просто ты молодой еще очень, не все понимаешь. Но я тебя научу. Вот закроем сделку с банком и все расскажу. Сам схемы клепать будешь, а мне, старику, процентик на пенсию

достойную засылать. Договорились?

– Спасибо, спасибо тебе. Правда спасибо. Если бы не ты, я... Да я без тебя...

– Ну все, все, иди работай, не до сантиментов сейчас. Завтра увидимся.

Алик еще раз посмотрел на юриста. В его глазах и правда стояли вполне себе искренние слезы благодарности.

«Какая же все-таки тварь двуличная человек», – грустно подумал он, еще раз похлопал по плечам юриста и выпроводил его из кабинета.

С доверенным человеком было не то чтобы сложнее, но интереснее точно. Изохрененный ум опытного интригана не позволял Михаилу Руссковцу задавать тупые вопросы типа «А деньги будут?», хитрый паук давно и прочно сидел в самом пыльном и теплом углу конторы. Ни одна добыча не могла миновать этот темный угол. Алик зашел в паучиное логово за полчаса до совещания. В приемной толпились люди, большинство с непрозрачными пакетами. У кого полные, у кого пустые, самые скромные вертели в руках конверты разной степени пухлости. Алик выразительно посмотрел на секретаршу, растолкал начавшую было собираться очередь из пакетноносцев и вошел в кабинет. Жизнь в кабинете кипела. Михай разговаривал по мобильному, второй мобильник вертел в руках, два стационарных телефона на тумбочке выводили заунывные трели. Одновременно он вытаскивал из открытого сейфа пачки пятитысячных купюр и складывал их

на стол. Со стола купюры смахивал в пакет небритый молдаванин в грязных джинсах и поеденном молью свитере. Вонь от молдаванина разъедала глаза. Увидев Алика, молдаванин вздрогнул.

– Свои, – быстро сказал Михай. – У нас интим?

Алик кивнул.

– Да не у нас, – прошептал Михай в мобильник. – У нас с вами не интим, у нас с вами дрим тим. Команда мечты по волшебным превращениям материи из безналичного в наличное состояние и обратно. Короче, обо всем договорились, высылаю курьера. Все, целую.

Михай перестал выкладывать пачки из сейфа.

– Все, здесь все, – сказал он молдаванину.

– Ну как же, а еще пятьсот, обещали еще пятьсот, как же так, еще пятьсот обещали, как же, обещали же еще, а еще пятьсот как же, обещали же... – быстро, на одной ноте затараторил молдаванин.

Фраза походила на молитву древнего молдаванина грозному молдавскому богу виноделия и шабашки, какому-нибудь Фетяске Ликострашному.

– Все, иди, иди, иди. Завтра, послезавтра, нет, в среду позвони. Все решим. Все, не видишь, я занят.

Молдаванин со скорбным видом удалился.

– Привет, Михай, – наконец смог поздороваться Алик. – Не помешал?

– Да ты что, дорогой, это они вот все мешают, а ты толь-

ко помогаешь. Достали все, и ЛМ достал тоже. Представляешь, звонит вчера в полвторого ночи, говорит, придет строитель, который баню мне делает, дашь ему три с половиной. А во сколько, спрашиваю, придет? В десять утра, говорит. А я говорю: ну пусть после обеда хоть придет, где я за ночь-то столько достану. А он: в десять, и все – и положил трубку. Пришлось свои отдавать. А мне ЛМ и так уже десятку должен с прошлого года. И возвращать не торопится. Достали... Этому дай, тому отдай. А как на решение вопросов с ментами, так денег никогда нет. Выкручивайся, Михай, как хочешь. А ведь мне ЛМ и так должен. Теперь тринадцать почти...

Перед важными, особенно денежными, разговорами Михай встречал Алика одним и тем же монологом о том, как его все задолбали, а больше всех ЛМ с его прихотями, семьей, любовницами, фаворитками, стройками и т. д. О том, что он взрослый, состоятельный, почти старый человек, а работает на побегушках у шефа непонятно кем и непонятно за что. А ему уже полтинник скоро.

«Если не остановить, будет плакаться до совещания, – подумал Алик. – Надо подыграть».

– Ну и вот зачем тебе это все нужно? Отстраивать надо всех. И ЛМ тоже, а то на шею сядет и ножки свесит. Послал бы ты его, ничего бы не случилось. Получил бы строитель бабки завтра, ну и что, мир бы рухнул?

– Легко тебе, Алик, говорить, вот ты пришел четыре года

назад, весь такой красивый, с образованием и связями. Для тебя ЛМ просто еще один шеф, сегодня вместе – завтра разбежались. А я с ним с самого начала почти, семнадцать лет скоро будет. Врос я в него корнями, а он в меня, сука, врос. Вот говорит херню какую-нибудь, и знаю, что херня точно. А у меня рефлекс – исполнить. Умереть, в лепешку расшибиться, а исполнить. Как у собаки Павлова. Плохо это для меня, а поделатъ ничего не могу.

Алик в очередной раз восхитился Михаем. «Молодец какой, – подумал он. – Как изящно расставил акценты перед важным разговором. Тонко показал, кто в берлоге главный. Мол, ты деляга бессердечный, а я волкодав верный, эмоционально к шефу привязанный. И про то, что вросли они с ЛМ друг в друга, здорово. Типа без его позволения здесь ни одна мышь не проскочит. А про то, что плохо это все для него, вообще шедевр, приглашение на тур финансового вальса. Мол, давай, друг, попробуй, предложи мне, а я послушаю, только много предложи, чтобы слушать интересней было. Придется ему за талант полпроцентика накинуть. Заслужил».

Дележ добычи между Аликом и Михаем происходил почестному. В стиле правильных русских пацанов. Схема называлась «В пополаме штрих». Добыча делилась пополам, но вес добычи определял тот, кто непосредственно завалил медведя, а не тот, кто помогал или, как чаще всего случалось, не мешал, соглашался с предложением главного охотника, что медведь нынче весит, допустим, сто кило, а не три-

ста, как давеча. Или не соглашался. В конечном итоге договаривались всегда. Несколько лет назад, когда Алик только пришел в контору, говорили они с Михаем за жизнь, что-то о судьбах России и принципах русского делового оборота. Высказал тогда Михай мысль, поразившую Алика своей исчерпывающей всеохватностью:

– Понимаешь, у нас в России все в точности как в козачестве. А структура эта хоть и жесткая, но, в принципе, сетевая. То есть заносить наверх надо ровно столько, чтобы не грохнули. Занесешь больше, в следующий раз захотят еще больше, потом все захотят, потом грохнут. Занесешь меньше – грохнут сразу. Поэтому искусство русского бизнесмена и состоит в точном определении этой границы. Знать ее невозможно, можно только чувствовать. Граница эта меняется под воздействием тысячи обстоятельств. Ни один компьютер не рассчитает. Поэтому только чувствовать. Она меняется, а ты чувствуешь, снова меняется – снова чувствуешь. Или не чувствуешь... Тогда кранты.

Крепко тогда запомнил он эти слова. С тех пор так и жили.

– Эх, Михай, собакой быть плохо, – печально произнес Алик. – Даже Павлова. Сидишь под столом, ждешь, пока косточку бросят. А ведь могут и не бросить. Могут на старости лет на улицу выгнать. Когда трюки перестанешь исполнять, добычу таскать хозяину.

Он давил на самую большую мозоль Михая. Ритуальный танец воинов древнего племени среднерусских пильщиков

достиг кульминации.

– А что делать? Как жить? Помоги, научи, вразуми? Ты же умный, Алик.

– Какой я умный, хватит подкалывать. Сам все понимаешь лучше меня в сто раз. А помочь, конечно, помогу, когда я тебе отказывал. Вот, кстати, тему с Магаданпромбанком знаешь?

– Да говорил чего-то ЛМ вчера. Я и внимания не обратил. Чушь какая-то очередная его. Интересно, кто ему идею подкинул?

«Нет, ну какой же все-таки умница, – опять восхитился им Алик. – Как все правильно делает. Опускает, прям как по методичке «Введение в распальцовку и основы понтокидания» на курсах юного олигарха».

– Нет, Михай, ошибся ты, не его это чушь – моя. И подкинул ее я.

– Тогда точно ошибся, – легко согласился доверенный человек. – Извини, и на старуху бывает порнуха. Так в чем там дело?

Алик рассказал.

– Интересно, – задумчиво произнес Михай, – интересно как. И красиво, и недорого вроде.

Он вопросительно посмотрел на Алика. Тот молчал, как рыба в плену у фашистов. Уж что-что, а паузу он держать умел.

– Интересно и недорого. – Снова вопросительный

взгляд. — И красиво... но... но... — Вопросительный взгляд. — Но я не знаю. Вот не знаю, как сформулировать. Что-то мне не нравится. Интуиция, или черт его знает что. Нет, ты пойми правильно, очень красиво придумано, ты молодец, претензий по сути нет. Все вроде хорошо... Но вот что-то... что-то смущает.

Михая обычно смущала комбинация трех обстоятельств — большие трудозатраты с его стороны, большой риск для его задницы и маленькая прибыль. В данном случае делал все Алик. Значит, только деньги. Пришло время бросить на стол козырного туза. Алик был немного разочарован. «Все хорошо сделал, — подумал он. — И цену себе набил, и опустил меня грамотно, а в конце поторопился. Что это значит: «не могу сформулировать, что-то не нравится, интуиция...» По-детски это как-то, тривиально, без фантазии. Поэтому 1 % за статус, полпроцента за талант и минус четверть процента штрафа за торопливость. Итого 1,25 % Михая. Миллион долларов, между прочим. Нехило. А поскольку все у нас пополам, то вес медведя на сегодня составляет 2,5 %. Два с половиной процента от двух с половиной миллиардов. Красиво звучит и правильно...» Алик верил в магию цифр и не верил в совпадения. Цифра ему понравилась. Он внимательно посмотрел на Михая и, как бы спохватившись, сказал:

— Да, совсем забыл, уболтал я банкира на 7,5 %. Два с половиной нам с тобой за труды, чтобы поводок у собаки Павлова был длиннее.

– Дело не в этом, – быстро сказал Михай.

Его задумчивое выражение лица никак не изменилось. Алик даже испугался, что дело действительно не в этом. «Наверное, я зря про поводок сказал, понтырщик хренов. Передавил».

– Не в этом дело, – продолжил Михай. – Просто что-то смущает. Честно. Не могу только сказать что. Как-то гладко слишком.

Алик уже совсем собрался предложить больше денег, увеличив вес медведя до 3,5, но Михай быстро продолжил:

– Хотя что я, как маленький. Не могу сформулировать, значит, и нет ничего. Померещилось. Но вот скажи мне, а ты ничего такого не чувствуешь?

«Уф-ф, слава богу, – у Алика отлегло от сердца. – А я еще себя считал хорошим актером. Учиться, учиться и еще раз учиться у старших товарищей».

– Ты знаешь, ничего я не чувствую. Знаю только, что будет польза конторе, ЛМ и нам с тобой.

– Ну тогда давай попробуем убедить шефа. Докладчик ты. Я повозражаю для вида, чтобы подозрений не было, а потом соглашусь. Как всегда, короче. Но ты точно уверен?

«И этот страхует, – расстроился Алик. – Хотя, с другой стороны, я и денег получаю больше на порядок. Все справедливо». Что-то было не так в их разговоре, неправильно. Он засомневался. «А вдруг Михай искренне, правда что-то чувствует? Интуиция-то у него ого-го, иначе не продержался бы

здесь столько лет...»

Внезапно захотелось отменить сделку, послать банкира, сказать Михая «не уверен» и уехать в отпуск на Карибы. Карибы... Багамы, счастливая беззаботная старость, гольф, любовницы и солнце... Он вспомнил мечту. Мечта лежала близко, руку протяни. И из-за глупых сомнений все бросить? И торчать в этой серой психованной Москве, пока не посадят? И терпеть эту власть? Этих людей вокруг? Эту вечно гнетущую думу о завтрашнем дне? И ловить крошки с высоких барских столов? И сдохнуть от перенапряжения в пятьдесят? И все это потому, что у Михая что-то там шевельнулось, а может, просто показалось или вообще ничего нет, кроме торговли и желания прикрыть свой зад.

Он поднял голову, посмотрел прямо в глаза Михая, улыбнулся и сказал:

– Точно, уверен, зуб даю... коренной.

Обычно совещания проходили в помпезной круглой переговорной. Если вопрос был интимный – в кабинете ЛМ. Если степень интимности приближалась к предельной – в комнате отдыха при кабинете, на желтых диванчиках. Когда воровали деньги, собирались в личной туалетной комнате шефа и включали воду. Допущенный в тубзик шефа – это была высшая ступень социальной иерархии в конторе. Как и любая традиция, эта содержала в себе немало мудрости.

«Ну правильно, – часто думал Алик, – позанимался гряз-

ными делами, тут же и подмыться можно, не отходя от кассы, так сказать».

Для одного шефа туалетная комната была более чем просторной. Четырех человек вмещала с трудом. ЛМ закрыл крышку унитаза и, как глава компании, расположился на самом козырном месте. Справа от него, на бортике джакузи уселись Михай и Алик. Юрист, как самый молодой член коллектива, стоял. ЛМ посмотрел на юриста, тот все понял без слов и включил воду. Шеф удовлетворенно хмыкнул.

– Ну что ж, начнем, пожалуй, – сказал он и развел руками. – Вот видите, в каких условиях приходится работать. Молоко бы за вредность давали. Ладно... Береженого бог бережет, а не береженого государство охраняет. Лучше уж бог, он хоть и строгий, но справедливый, а государство у нас совсем уж поганое.

Все дружно засмеялись. И не из лести. Чувство юмора у шефа было хоть своеобразным, но было. Насладившись эффектом от шутки, ЛМ продолжил:

– Тут у нас одна проблема возникла. Да и не проблема в общем, наоборот скорее. Задача, так это назовем. У Минсвязи осталось на конец года два с половиной миллиарда неосвоенных денег. Предложили помочь освоить. Что делать будем?

Михай откашлялся, скромно посмотрел на шефа, чуть ли руку не поднял, как школьник, и елеинным голосом, на два тона выше, чем обычно, сказал:

– Леонид Михайлович, тут мы предварительно с Аликом обсуждали. У него есть предложения. Давайте послушаем.

– Да, да, пусть Алик скажет, пусть он скажет, пусть, – в манере шакала из Маугли (а мы пойдем на север, а мы пойдем на север) добавил юрист.

Шеф благосклонно кивнул.

– Говори, Алик, ты мне рассказывал, но давайте вместе послушаем.

– Спасибо, Леонид Михайлович, спасибо, коллеги, – поблагодарил всех Алик и начал речь.

Речь строилась по классическим канонам офисно-бюрократического искусства. Сам товарищ Путин частенько не брезговал пользоваться этим каноном. Точнее, почти все его речи писались по этому принципу. Вкратце схема выглядела так: сначала показать, как все плохо, ужасно и беспросветно. Это чтобы слушатели поняли сложность и почти невыполнимость стоящих перед страной, компанией, человеком (нужное подчеркнуть) задач. Потом аккуратно, где-то вдалеке показать надежду. Потому что делать что-то надо, и никто, кроме нас, ЭТО (удвоить ВВП, снизить инфляцию, повысить прибыль, стырить денег – нужное подчеркнуть) не сделает. Дальше показать решение проблем, не забыв изящно выпятить свою скромную роль. Мол, работал, как раб на галерах, не спал, не ел, не срал, мозги кипели, жопа дымилась, уходил с работы за полночь, приходил затемно, ночевал на скамейке у офиса. Далее неплохо бы найти объект для

сравнения. Типа, в то время как в других странах, компаниях, преступных группировках (нужное подчеркнуть) безработица, ВВП, инфляция, норма прибыли, обнал (нужное подчеркнуть) составляет... (нужное вписать), у нас все то же самое в разы – выше, ниже, крепче, сильнее и глубже (нужное подчеркнуть). И в конце, конечно, проявить скромность, поблагодарить товарищей за поддержку и сказать, что без помощи «Единой России», команды единомышленников, российского народа, всех сотрудников компании, братвы из Ростова (нужное подчеркнуть) ничего бы не удалось сделать.

Алик строго выдержал классический канон презентации: то, что нужно, подчеркнул, где надо – усугубил, где положено – закошмарил. Особенно удалось сравнение. Он заметил, что тупой тривиальный обнал нынче стоит 6 %, а он вот так лихо обошелся с государевыми бабками, и всего за 10 %, включая отгон в офшор. Закончил он тем, что если бы не громадная инфраструктура в виде высокоэффективного производства, созданного лично многоуважаемым, да что там, великим Леонидом Михайловичем, с небольшой, но существенной помощью коллег, то никому они не были бы интересны: ни банку, ни Минсвязи. И предложенной схемы бы тоже не было. И появление млекопитающих на земле, возможно, было бы под большим вопросом, твою мать! Последняя фраза была произнесена оглушительным криком, но благоразумно – про себя. Речь тянула на пятерку с минусом. Минус он поставил себе на всякий случай, чтобы не сглазить.

– Что скажешь? – спросил ЛМ у юриста.

– Отличная идея, Леонид Михайлович. Мне все очень нравится. И недорого, и безопасно, и не придерешься. Но объективности ради должен отметить некоторые узкие моменты. Во-первых, мы отдаем купленный пакет акций в управление, а зачем мы его тогда покупали? Чтобы в управление отдать? Где экономический смысл? И главное, а где гарантия, что деньги за купленные акции они нам вернут? Впрочем, я, конечно, уверен, что Алик давно знает этих людей и не допустит такой ситуации.

«Падла, тварь, крыса, сука хитрожолая, гондон упитанный, яппи штопанный! – ругался мысленно Алик, при этом снисходительно улыбался и ласково смотрел на юриста. – Ладно, обосрыш юркий, сам напросился...»

– Что касается экономического смысла, даже странно слышать слова такие обидные. Экономический смысл, он ведь в чем? – Алик вопросительно посмотрел на юриста. Тот молчал. – Вот ответь мне, в чем экономический смысл?

– Да, действительно, в чем? – заинтересовался ЛМ.

– Вообще или в данном случае? В данном случае я его не совсем вижу.

– Да бог с ним, с данным случаем, – отмахнулся Алик, – ты в принципе скажи. В чем экономический смысл всего?

Юрист молчал.

– Ну чего ты, Дим, не тушуйся, скажи, – вставил свои пять копеек в анальное отверстие юриста Михай.

– Ну, не знаю, – растерялся юрист. – Чтобы выгодно все было, чтобы хорошо...

– Хорошо – это когда гондон на шалаве лопнул, а трипак она вылечила за неделю до этого несчастного случая. Вот это хорошо, Дима. А экономический смысл это немножко другое... – сказал Алик.

Первым заржал ЛМ. С армейских времен он высоко ценил солдатский юмор и глумеж над черпаками. Михай ценил все то, что ценил ЛМ, особенно в его присутствии. Смеялись хором. Бедный юрист выглядел полным дебилом. Причем даже непонятно почему, вещи-то он говорил более-менее дельные. Вот она, волшебная сила харизмы. У Алика харизма была, а у юриста не было. Зато у него была обида. Не дав доржать до конца, он дрожащим голосом спросил:

– Ну так а в чем же все-таки экономический смысл всего?

– Да не обижайся, Дим, ты и не должен этого знать. Экономисты понимают экономический смысл, а юристы, видимо, юридический, – пнул несчастного напоследок Алик.

– Нет, а ты все же скажи. В чем он, экономический смысл всего? – не унимался юрист.

– Экономический смысл всего...

Алик сделал паузу, интерес слушателей достиг апогея. Из крана лилась вода, холодный цвет люминесцентных ламп отражался в кафеле. И показалось всем на секунду, что вот сейчас, вот здесь, в этом продвинутом нужнике и раскроется самая главная тайна Мироздания.

– Экономический смысл всего... в деньгах.

Все облегченно выдохнули, а ЛМ даже пробурчал:

– Это ты, Алик, верно подметил. Не поспоришь.

– Я не шучу, Леонид Михайлович – в деньгах. А деньги мы так любим, что не только купили крупный пакет перспективного банка в расчете на многократный рост его стоимости в среднесрочной перспективе, мы еще настолько жадные, что отдали этот пакет в управление. И получаем три копейки в год по пути к этой радостной перспективе. Да еще и кредиты халявные как акционеры рассчитываем брать. С банкирами я договорился, зашлем им три копейки сбоку и тут же обратно получим, как дивиденды с управления, им нетрудно.

– А че, по-моему, прав Алик, все логично. Ты как думаешь, Дим? – спросил ЛМ.

– Ну я же не знал, что Алик уже договорился, – стал оправдываться юрист. – Так-то, конечно, нормально.

– Ну а если нормально, может, примем схему за основу? – попытался закончить совещание шеф.

Юрист был раздавлен предыдущим шоу с его участием. ЛМ улыбался. Михай молчал. Алик очень надеялся, что на этом все закончится.

– А как насчет второго Диминого вопроса, по поводу гарантий возврата денег? – спросил в тишине Михай.

– Да, кстати, как? – оживился ЛМ.

Алик ожидал такого вопроса. Но он предполагал, что вопрос задаст юрист. На фоне всеобщего веселья и опущенного

Димы проканал бы любой ответ. Но эта яппистая рохла расклеилась так, что забыла все на свете. И вопрос задал Михай. Это было плохо. Очень плохо.

– Вот в этом Дима прав. Проблема действительно есть. Да, я знаю этих людей давно, и, кстати, работаем мы с ними уже три года по разным темам, и сбоев, слава богу, не было. Но мне кажется, что это проблема как раз юридическая. Надо составить с ними понятийное соглашение. Я это обговаривал. Вот Дима, я уверен, блестяще справится, а я помогу, если что.

ЛМ выслушал ответ вполне благосклонно. Зато лицо юриста стало цвета люминесцентной лампы с легким синим оттенком. Понял, гад, что вся ответственность легла на него. И не отвертеться. Михай сосредоточенно рассматривал свой маникюр. На секунду показалось, что обойдется. Михай оторвал взгляд от ногтей и тихо сказал:

– Ты чего, Алик. Давай по-взрослому. Деньги-то большие, правда. И все эти понятийки можно засунуть в одно место. Вот в то, на котором Леонид Михайлович сидит. Скажи прямо, можешь за людей поручиться?

– Ну если по-взрослому... Поручиться-то я могу, говна вопрос. Только что с моего поручительства? У меня что, деньги такие есть? Два с половиной ярда. Все, что у меня есть, – это репутация да голова светлая. И та чего-то стоит, пока ее не оторвали. Так что и мочить меня в хреновом случае бессмысленно. Я, конечно, сделаю все, что от меня за-

висит. Обложусь бумажками, разобью сумму на транши. И уверен я в банкире почти на сто процентов. Но гарантии дать не могу. Просто потому, что не будут они исполнимы в любом случае. Так что вам решать, Леонид Михайлович.

Знал Алик, что не любит ЛМ, когда вопрос ставят ребром. А любит, когда все происходит плавно, весело и непринужденно, со смешочками и перемигиванием. Но по-другому сейчас было нельзя. Никак.

– Да-а-а, дилемма, – протяжно выдохнул ЛМ, прикусил губу и стал быстро качать головой, как болванчик на присоске в дешевых корейских автомобилях.

Алик вдруг представил, какая сумма стоит на кону. И не сумма – сама жизнь. Его будущее и будущее его детей зависело от решения этого человека. Либо сладкое безделье на райских островах, мулатки, багамский загар, гольф с инвестиционными банкирами и лучшие университеты для детей. Либо бесконечная серая мутота, головная боль по утрам и тяжелые мысли о поддержании пресловутого уровня жизни, будь он проклят. Сердце стучало, как УБЭП в железную дверь обальной конторы. В голове будто туго натянули струну. Во рту пересохло. «Помолиться?» – тоскливо подумал он. Помолиться не удалось, свет в комнате померк, в темноте снова появилась яркая точка, она стала расширяться, и Алик увидел...

Маленькая, обшарпанная комнатка, перегороденная шкафом. За столом у электрической плитки сидит мужчина его,

Алика, возраста, выгоревшие глаза, желтая сухая кожа, треснувшие мозоли на руках. Напротив него – женщина лет тридцати пяти. Она похожа на половую тряпку. Тряпка когда-то была красивым платьем, а теперь вот... За шкафом играют дети. Погодки. Девочке восемь, мальчику семь. Мальчик спрашивает:

– А сколько у тебя час стоит?
– Сто монет... и коробочку конфет.
– Это, это... с этим... с ка... с каналом?
– Все что хочешь, дорогой, – кокетливо отвечает девочка.
– Тогда на, – мальчик протягивает ей осыпавшийся фантик от карамельки. Девочка берет бумажку и радостно хлопает в ладоши.

– Ура! Здорово! Теперь куплю куколку, поесть и шоколадку. И будет у нас с куколкой Новый год.

Мальчик несколько секунд смотрит на сестру, потом бросается к ней и пытается вырвать фантик.

– Отдай, отдай, я тоже хочу шоколадку, я тоже хочу Новый год, отдай...

Дети начинают драться. Женщина смотрит на мужа, в ее глазах слезы.

– Ты слышал? Ты это слышал? Зачем мы приехали в эту страну? За какой такой хорошей жизнью? Это – хорошая жизнь? Ну чего молчишь?

– А что, дома было лучше? Там вообще стреляли.
– Ну и что, пускай стреляли, пускай убили бы. Но там моя

девочка не играла в проститутку. Ну что ты молчишь? Что ты все время молчишь? Другие мужики как мужики, а ты только молчишь. Вон соседи наши и квартиру приличную сняли, и дочке шубку купили, а ты... молчишь.

Мужчина опускает голову, обхватывает ее руками и смотрит в стол.

– Скажи что-нибудь, сделай что-нибудь, я не могу больше так, – женщина срывается на крик. – Сделай! Ну хорошо, если так... если я мужик в нашей семье... Хорошо, я не допущу, чтобы дети играли в такие игры. Я сама на панель пойду, сейчас оденусь и пойду!

– Да кому ты нужна, – устало произносит мужчина. – В зеркало на себя посмотри.

Женщина на секунду замирает. Потом и вправду мельком глядит в зеркало. Лицо ее кривится, из глаз текут слезы.

– Мама, мамочка... все прошло, все сломалось. Почему? За что? Ма-ма-ч-к-а-ааа!

Мужчина зажимает уши ладонями, закрывает глаза и начинает молиться.

– Господи! Послушай меня. Я никогда тебе не молился, я в тебя даже не верил. А теперь молюсь, поэтому послушай меня, Господи. Я стараюсь, я очень стараюсь, Господи. Я работаю по шестнадцать часов... На стройке... и еще на одной стройке. Но они мне не платят, Господи. Господи, они обманывают все время, суки. Я учу этот гребаный птичий язык. Я выучил уже восемьсот слов. А это нелегко – учить слова,

когда так хочется спать. Господи, дай мне поспать, пожалуйста... Нет, спать потом. Послушай, Господи, дай мне немного денег, я даже не у тебя прошу. Тебе не придется тратить-ся, Господи. Сделай так, чтоб эти суки выплатили мне долги. Они плохие люди, а я это заработал. Сделай так, Господи. И тогда я куплю жене платице, дочке куклу, а сыну шоколадку, и все будет как раньше... Как раньше. Ну если я плохой – меня накажи, а детей-то за что и ее, дурочку несчастную. Не надо, Господи. Только не понимаю я, чем уж так плох. Я же врач от бога, от тебя, Господи. Так на родине говорили. Я же людям помогать хотел. Ни с кого копейки не взял. Всех лечил... потому что помогать... А жена говорит, что я дурак... поэтому мы нищие. А вокруг все такие хорошие. Господи, демократия у них, машины красивые и дома. Только не поможет никто, сам, говорят, виноват, и бьют еще иногда... молодые, и обманывают. Помоги мне, Господи! Дай немного денег, чуть-чуть, чтобы полегче... А то она правда на панель пойдет, и ее там тоже обманут, как меня. Здесь всех обманывают. Что ты молчишь, Господи! Если молчишь, то мы к тебе... мы сами к тебе придем. Уж лучше к тебе, чем жизнь такая. Это быстро, деткам будет не больно. Я им помогу, а потом сам, сам... Жди нас, Господи!

Мужчина открывает глаза и кладет руки на стол. Жена катается по ободранному линолеуму в истерике. Дети дерутся за шкафом. Мужчина видит на столе нож... робко трогает его, потом ласково гладит лезвие, потом берет в руки.

– Стой, стой, дурак! – закричал Алик и... вывалился в реальность туалетной комнаты шефа.

ЛМ все так же болванчиком быстро качал головой. Михай и юрист застыли в позе почтительного ожидания. Алику стало страшно.

«Это ведь есть, – подумал он. – Это ведь точно есть, я где-то слышал, читал или видел. Такое бывает. Может быть, даже сейчас, в эту секунду. А я? Багамы, мулатки, инвестиционные банкиры... Сердце стучит, жизнь решается. Как же так? Как жить-то дальше? Кто я? Кто все мы?»

Незаметно для себя Алик начал молиться.

«Господи, за что мне это? Я же просто хотел жить хорошо. Это разве преступление? Все хотят жить хорошо. И ЛМ, и Михай, все. Почему же я один это вижу? Зачем ты меня так, мордой в грязь. Я же живой, мне больно. Я просто человек. Я, когда маленький был, всех жалел. А мне говорили: «Ну а в Африке негры от голода умирают». А я и негров жалел. Не понимал я, почему их жалеть не нужно. А потом понял. А потом стало не жалко. Убили кого: «Ну а в Африке негры от голода умирают». Посадили: «Ну а в Африке негры от голода умирают». Самолет упал: «Ну а в Африке негры от голода умирают». А сейчас я сам это говорю дочке. Она мне: пап, дай денег, у подружки мать тяжело болеет. А я ей: «Ну а в Африке негры от голода умирают». Она не понимает пока, но скоро поймет. И будет говорить своим детям. А знаешь почему, Господи? Знаешь? Потому что тот, кто не по-

нимает этой истины, тот не может жить в созданном тобой, да, тобой, Господи, мире. По крайней мере, не может жить хорошо. Умирают такие быстро и потомства не оставляют, как правило. Хотя бабушка мне говорила, что бог возле себя говна не держит. Не держишь ты говна возле себя? Понимаю, кому же захочется. Вот только кто мы здесь? Говно? Да, наверное, наверное – говно».

Внезапно ему стало так стыдно, как никогда до этого не бывало. И не отхлестать себя по щекам захотелось, а сгореть, исчезнуть, а лучше не рождаться вообще никогда.

«Да пошло оно все!» – решил Алик, набрал в легкие побольше воздуха и быстро, чтобы не передумать, выдал:

– Леонид Михайлович, а может, коллеги правы? Деньги огромные, давайте откажемся от греха подальше.

Михай и юрист одновременно поперхнулись. ЛМ перестал раскачиваться и удивленно посмотрел на него. Алик вдруг понял, что на эмоциях совершил страшную ошибку. Так бы ЛМ еще, может быть, и подумал, поколебался бы пару дней, а потом, накрутив себя, действительно послал на хер стремную сделку. Но когда инициатор схемы включает заднего, значит, надо делать. Значит, косорезит инициатор весьма умеренно. Значит, не сговорились доверенные люди и грызутся вполне прогнозируемо. И работать будут аккуратно, пылинки сдувая с острых углов. За страх и за совесть работать будут. И все под контролем, значит. Логика старого разводилы была очевидной.

«Что я наделал?! – в ужасе подумал Алик. И тут же без перехода навалилось другое чувство: – Какой я молодец, умница, гений. Я его сделал, я всех их сделал. Пошли они в жопу, эти моральные метания. Что я, в самом деле, как голубой воришка. Что же до мужика с ножом... «Ну а в Африке негры от голода умирают». Может, и нет никакого мужика... Пригрезилось».

– Ты что, с дуба рухнул? – немедленно подтвердил его правоту ЛМ. – От денег отказываться. Не поймут нас там, – ЛМ показал указательным пальцем вверх. – А не поймут – значит, не простят. А не простят – значит, закопают. А я жить хочу. От таких предложений не отказываются. Короче, схема, конечно, не идеальная, но другой-то все равно нет. Или есть?

Все скромно промолчали.

– Тогда делаем. Но хочу предупредить, всех хочу предупредить, а особенно тебя, Алик. Гарантии мне твои не нужны, конечно, что с тебя взять. Но только и не я, если что, брать буду. Люди там, – ЛМ опять тыкнул пальцем в зеркальный потолок, – непростые. И действуют они по своей государственной логике. Если что не так пойдет, могут и посадить лет на десять. И даже я вряд ли смогу вас прикрыть. Так что работайте аккуратно.

– А если все как надо будет, тогда что? – спросил Алик и внутренне восхитился грамотному нематериальному стимулированию шефом сотрудников.

– Ну тогда будем премировать.

Все, включая Леонида Михайловича, беззлобно рассмеялись. Фраза «будем премировать» давно уже превратилась в шутку. Шеф никогда никого не премировал, зато позволял доверенным людям умеренно, с его точки зрения, обогащаться. Таким образом, доверенные люди работали под тройным гнетом. За деньги, потому что обогащаться, естественно, хотели. За страх, потому что, если облажаешься по-крупному, сразу вором станешь с волчьим билетом. Ну и за совесть, потому что стыдно, конечно, воровать у такого во всех отношениях приятного и нежадного человека.

– Ладно, посмеялись и хватит. Совещание закончено. За работу, – объявил ЛМ, встал с унитаза и, открыв дверь туб-зика, выпустил всех на волю.

5

Релакс?

«А ведь это не шутки, – думал Алик, сидя в своем кабинете после совещания. – Вот эти все видения, переходы от испепеляющего стыда к ликованию и жадности, отказ от сделок, сулящих миллионы, – это все далеко не шутки. Происходит со мной что-то странное. Необычное происходит. Так и с катушек слететь недолго. Если уже не слетел. Может, к психологу сходить, таблеток сожрать успокоительных на всякий случай? Нельзя мне сейчас с катушек, никак нельзя. Вот закончу сделку с банком, тогда хоть в монастырь, грехи замаливать. А сейчас – нет».

От печальных мыслей отвлек звонок. Звонила секретарь.
– Алексей Алексеевич, к вам Наталья рвется, начальник отдела рекламы. Пустить? В расписании на сегодня встречи нет.

– Пустите, раз рвется.

В кабинет вошла Наташа, ладно скроенная девушка двадцати восьми лет с выдающимися работоспособностью и грудью. Алик ценил ее и за то, и за другое. За другое даже больше. Потому что трудолюбия в этом мире полно, а грудь такую еще и поискать надо. Плюс ко всему Наташа была девушкой гордой и пробивной. Приехав в Москву из Саратова, она в восемнадцать лет без протекции поступила на филфак

МГУ, окончила университет с красным дипломом и устроилась на работу в крупное международное рекламное агентство. С престижной работы ее сдернул шеф, в надежде получить радости не столько бизнесового, сколько интимного характера. История о том, как Наташа ему не дала, вошла в анналы мифов и легенд конторы. При этом она умудрилась остаться с ЛМ в отличных отношениях, что говорило не только о ее выдающихся сиськах, но и о недюжинном уме. Он симпатизировал гордой и хваткой девушке и даже позволял ей иногда красть с рекламных бюджетов сотню-другую тысяч. Рублей, разумеется. Наташе тоже Алику нравился. На многочисленных корпоративах она тянула его танцевать, шептала всякую ерунду на ухо и всячески показывала, что если Алику не прочь, то и она не против. А Алику был совсем не прочь, он был за, двумя руками и еще одним своим веселым органом за, но... Но главный корпоративный принцип «не живи там, где живешь» настолько крепко втемяшился ему в башку, что ни одни сиськи, даже такие прекрасные, выковырять его оттуда не могли. Приходилось любоваться издалека.

Наташа вошла в кабинет. На ней было простое синее платье чуть ниже колен, синие же колготки и стильные красные туфельки на каблуках. Платье вроде строгое, офисное, но облипало Наташины формы так, что стриптизерши по сравнению с ней казались Валентиной Матвиенко. На груди имелся небольшой, однако завлекательный вырез. Синие, цвета пла-

тъя, глаза широко распахнуты. Веселый орган Алика нервно заерзал в штанах, сердце забилося быстрее.

«Вот глупая штука эта женская красота, – подумал он. – Все эти сиськи, попки, губки, ножки. А ведь лечит, еще как лечит. Если инстинкты в порядке, значит, не все потеряно, может, еще и выздоровлю».

– Здравствуйте, Алексей Алексеевич, извините, что так неожиданно, без записи. Знаю, что вы этого не любите, но дело очень срочное.

– И что же вас, Наталья, могло так взволновать? Забеременели? Выходите замуж? Влюбились? Подцепили олигарха из списка «Форбс»? Говорите, Наташенька, мне можно. Я за вас по-стариковски порадуюсь.

– Какой же вы старик, Алексей Алексеевич, не кокетничайте. Вы мужчина в самом расцвете сил, звезда, можно сказать, нашей конторы, тайная мечта всех девчонок из моего отдела.

– Ах, Наташа, если бы я не разучился краснеть, то работать бы мне сейчас светофором на Рублевке. А так... Я вас внимательно слушаю. Что вас волнует?

– Дело в том, что с нового года меняются прайсы на радио и в журналах. А бюджеты у нас уже утверждены. И мы не влезаем...

– Так вас волнуют бюджеты?

– Да, очень волнуют.

– Господи, куда катится мир! Что происходит на этой пла-

нете. Прекрасную девушку волнуют не мужчины, не любовь, не бриллианты наконец. Ее волнуют бюджеты! Я правильно вас понял?

– Ну, почти... – Наташа засмеялась и лукаво стрельнула глазками на Алика.

– Ладно, флешку с собой принесли? Давайте сюда, я посмотрю.

Он взял флешку и начал загружать файл. Наташа стояла рядом с ним, слегка нагнувшись к экрану.

– Я вам сейчас все объясню, – сказала она интимно.

Провоцировала она его почти всегда. А он не велся. Это было нечто вроде игры, в сущности вполне невинной. Но в этот раз с ним случился такой стояк, сопротивляться которому он не смог бы при всем желании. Алик буквально впился, почти укусил ее за оголенную грудь.

– Алексей Алексеевич, вы что, с ума сошли, вы что. Алексей Алекс...

Он опрокинул Наташу к себе на колени и не поцеловал даже, а просто закрыл ее рот своим. Просунув руку под платье, Алик с удивлением обнаружил, что не колготки на ней, а чулки. Это существенно облегчало дело. Пошуровав некоторое время в ее промежности, он понял, что девушка, как пела Земфира, созрела. Каким-то немислимым, но очень красивым и точным движением он встал, одновременно поднял Наташу, развернул ее к себе спиной, уложил грудью на стол и задрал платье. Следующим движением он сдернул с Ната-

ши трусы, расстегнул ширинку на брюках и освободил орган, который несколько последних минут ему очень мешал.

– Нет, не так, по-другому, не здесь. Пожалуйстаааааа! – завопила девушка, но было уже поздно.

Трахал он ее жестко, если не жестоко. Периодически шлепал по большой белой заднице. Наташа уткнулась лицом в важные бумаги на столе и тихонечко выла, как будто собиралась эти бумаги сожрать. Обо всем забыл в эти минуты Алик, о совещании, видениях, о Багамах и миллионах. Весь мир для него сузился до вот этой молодой девки и ее такой красивой, слабой и манящей задницы. Только где-то на самом краю угасающего сознания еле пульсировала гнусная, портившая кайф мыслишка. Что вот трахает он человека, со своими горестями, заботами и переживаниями, что разговаривал он с ней недавно, и шутил, и интеллект проявлял, и ее шутки слушал, и файлы экселевские смотрел. А сейчас ему насрать на все это, на ее горести и радости, и на экселевские файлы насрать, и не любит он ее, и любить никогда не будет, и не человек сейчас она для него, а нужна ему только ее большая белая жопа и щель между ног. Чтобы избавиться от гнусной мыслишки, Алик решил сменить позу. Он перевернул Наташу на спину, задрал платье до самого подбородка, а получилось – натянул на голову, и освободил из лифчика шикарные сиськи. Помогло. Сиськи плавно тряслись в такт его движениям. Туда-сюда, туда-сюда, как волны на море. Из-под натянутого на лицо Наташи платья доносились

странные звуки. Она то ли плакала, то ли стонала, то ли кончала, то ли все сразу. Алик заворуженно смотрел на это зрелище. Мозг отключился, мысли исчезли.

– Суууууууууукаааа, – протяжно застонал он и кончил.

А потом, тяжело дыша, отвалился от нее. Наташа осталась лежать с широко разведенными ногами. Красивые красные туфельки валялись на полу, на них из самого центра девушки капала сперма. Наташа медленно стянула платье с лица. Лицо было в слезах и слюнях, потекшая тушь размазалась по щекам. Девчонка посмотрела на него широко открытыми синими глазами, закусила губу, отвернулась, рухнула животом на стол и громко, не сдерживая себя, по-бабьи, по-деревенски почти, заплакала. Огромные сиськи выглядывали из-под худой спины, руки обхватили растрепанную голову, ягодицы с красными следами от шлепков мелко тряслись. Алику стало не то что стыдно, бывал он и большим негодяем с девками, но неловко как-то. Удовольствие прошло быстро, а в сухом остатке имелся один, но зато огромный вопрос: зачем? Надо было выправлять ситуацию.

– Ты от счастья плачешь или из меня такой хреновый любовник?

Алик подумал, что это смешно, типа пошутил. Но по реакции Наташи сразу догадался, что ошибся. Рыдания усилились.

– Почемуууу тыыы эттооо сде-сделал? Я же-же не-не шал-шаллава. Я бы-бы тебббе самммаа да-да-дала. Нра-нра-вил-

ся ты-ты м-ммне. Я-я-я не-не-не так-так-такаааяяя!!!

– Конечно, не такая – это я такой. Свинья я, ну, правда, прости меня. День сегодня дурацкий, совещание тяжелое, бури магнитные. А хочешь, все забудем? Как будто и не было ничего.

Наташа взметнулась, как салют на Девятое мая, а глаза ее загорелись намного ярче салюта. Она метко плюнула Алику между глаз и для верности отвесила мощную пощечину.

– Дерьмо, козел, тварь, значит, поймел – и все забудем, ублюдок волосатый. Да что ты о себе возомнил, урод престарелый. На себя посмотри внимательно, дебил!

«И это все за то, что она хотела мне дать сама, а я взял не тем способом? – удивился Алик. – И что теперь делать? Забыть все – плохо, не забывать – еще хуже. Хрен разберешься в этих бабах».

Утираясь от плевка и массируя избитую щеку, он пробормотал:

– Вот это правильно, Наталья Владимировна, вот это хорошо, вот это по-нашему, по-бразильски, так мне и надо козлу старому...

– Сволочь, еще издеваешься, мразь самовлюбленная. И не прикасайся ко мне, – с ненавистью прошипела Наташа, начиная одеваться.

Он и не думал прикасаться. Прикоснулся уже, куда уж больше. Наташа приводила себя в порядок долго и трудно. Алик вообще сомневался, что ей это удастся. Он вытащил

сигарету, прикурил ее фильтром, выбросил, закурил другую. Надо было издавать какие-то звуки, а не хотелось.

– Наташ, серьезно, ты мне очень нравилась всегда. Прости меня, правда, не хотел тебя обидеть. Ты же знаешь мои принципы – на работе ни с кем. А вот с тобой не удержался. Ну что мне сделать, чтобы ты меня простила?

– Сдохни.

Разговор не клеился. Алику стало обидно. Чего он, собственно, такого сделал? Она с ним заигрывала, сиськами трясла перед носом и удовольствия получила наверняка не меньше, чем он. А он во всем оказался виноват. А в чем это во всем?

«Вот как выкручивать надо, Евина школа, древняя, стиль бешеной телки. А я еще себя манипулятором считаю. Да пошла она...» Словно почувствовав его мысли, Наташа снова зарыдала.

– Я же думала, ты не такой, как все, я же почти любила тебя, у меня фотография твоя есть с корпоратива, а ты, а ты...

«Влюбилась, – обалдел Алик, – похоже, правда влюбилась дура. Вот только этого не хватало. Ко всем моим проблемам, видениям, заморочкам и махинациям не хватало только этого – большой и чистой любви красивой саратовской дуры. Бинго. Десятка. Яблочко. Вот я попал...»

Ситуацию усугубил мобильник. Поставленный еще на совещании в режим вибровзвонка, он противно, как бормаши-

на в советском детстве Алика, гудел и подпрыгивал на столе. На дисплее высветилось совсем неуместное сейчас, короткое и емкое слово «жена». Наташа тоже увидела это слово, всхлипнула, из ее носа вывалилась большая зеленая сопля.

«Резать, – подумал Алик. – Резать, не дожидаясь перитонита. Рубить концы на хрен. Сейчас, или потом будет поздно». Он посмотрел на Наташу, неторопливо взял телефон и нажал на зеленую кнопку.

– Здравствуй, любимая.

Жена испугалась, Алик никогда так ее не называл, тем более по телефону.

– Ты что, заболел? Что случилось, у тебя УБЭП в кабинете?

– Да нет, все нормально, просто соскучился. Виноват я перед тобой, но ты все равно знай: я очень тебя люблю.

Он в упор смотрел на Наташу, лицо ее покрылось красными пятнами, на скулах заплясали желваки. Механически, как робот на конвейере, она водила помадой по губам. Не попадала. Рот стал как у вампирши, напившейся свежей крови.

– Правда не УБЭП? – продолжила взволнованно жена. – Если обыск, ты прямо не говори, ты намекни только.

– Да все у меня хорошо. А знаешь, почему хорошо?

– Говори, говори почему, я все пойму, намекай.

Версия с УБЭПом крепко застряла у Ленки в голове.

– Потому что ты у меня есть, глупенькая. Я вот сейчас сидел, вспоминал вчерашнюю ночь, как мы с тобой... и захо-

телось мне тебя очень сильно.

Этих слов Наташа вынести не смогла. Она яростно стерла помаду с губ, вскочила и побежала к выходу.

«Беги, беги, дорогая, – подумал Алик, – лучше так, больно и быстро, чем...»

У самой двери Наташа вспомнила, что она босая. Красные туфельки валялись под столом у Алика. Она развернулась и пошла обратно.

– А как ты меня хочешь? – наконец отбросила версию с УБЭПом жена.

– Я хочу тебя долго, нежно. Хочу видеть твои глаза и целовать их...

Наташа подошла к сидящему на кресле Алику и наклонилась за туфлями.

– Я хочу трахать тебя и знать, что не просто какая-то девка раздвигает ноги, а моя самая любимая, родная женщина, мать моих детей. Я хочу, чтобы ты мне еще родила... девочку, как Сашку, маленькую и красивую, похожую на тебя.

Алик почувствовал какую-то возню вокруг своей ширины. Он опустил голову и увидел, как Наташа берет в рот его член. Это было слишком даже для него. Впервые в жизни он целиком понял смысл слова «кошунство». Так, наверно, чувствовали себя религиозные крестьяне, когда под револьверами революционной чрезвычайки плевали в икону Божьей Матери. Что-то лопнуло у него в груди, дышать стало нечем, пальцы закололо. Он резко поднял руку, собираясь ударить,

оттолкнуть эту бесстыжую стерву. Наташа смотрела на него своими огромными синими глазами. Сосала и смотрела. Ее голова равномерно двигалась, размазанная помада раз в секунду пачкала брюки, но взгляд от Алика не отрывался. И было в этом взгляде столько покорности, столько понимания своей незавидной горько-сладкой бабьей доли, что он опустил руку.

– Ну чего молчишь, – игриво поинтересовалась в телефоне жена, – раз в сто лет говоришь слова такие приятные и молчишь.

И тут Алик понял значение другого слова. Всю жизнь он думал, что знает, что это такое, а оказалось, нет. Его накрыла такая похоть, которую и похотью-то уже назвать было нельзя. Черная, с красными огненными прожилками лавина обрушилась на него. Там было все: и стыд, и страх, и осознание собственной подлости, и возбуждение, и преступление, и святотатство, и жизнь, и слезы, и любовь. Он положил руку на затылок Наташи и стал тянуть ее на себя, прижимая, не отпуская, не давая вздохнуть. А потом все же отпускал, а потом снова тянул. Наташа тихонечко, чтобы не было слышно в телефоне, покашливала, из уголков накрашенных вампирских губ сочилась слюна.

– А еще я люблю только тебя, и любить буду только тебя, и трахать буду только тебя, всегда, всюду: и в рот, и везде... – прерывисто говорил Алик жене.

На этих словах он особенно сильно притянул голову Ната-

ши к ширинке. У нее начались рвотные позывы. Она терпела сколько могла, а потом отстранилась, метнулась под стол, закрыла рот руками, чтобы приглушить звук, и стала надрывно кашлять. Когда приступ прошел, Наташа снова начала насаживать свою голову на его член. Девочка пыталась задержаться подольше у ширинки. Девочка старалась...

– Хочу, чтобы ты в рот брала, – продолжил он, – глубоко, прямо в горло, хочу кончить туда...

– Ну, чего-то ты разошелся сегодня, как будто из армии вернулся.

– Нет, просто мне очень нравится, как ты сосешь, просто...

Он сам не знал, кому это все говорит. Наташе, жене, или черной лавине, которая уже почти сбила его с ног, или всему этому миру с его аферами, несправедливостью, радостями и подлостями. Только показалось ему на миг, что взял он этот мир за его глупые, отвислые теплые уши и заставил отсасывать у себя, и кончит он сейчас в самую глубину ненасытного, вечно жрущего горла этого мира. И навечно станет его хозяином, властелином, богом. Сдерживаться больше было нельзя. Огромным усилием воли ему удалось сказать жене: «Ладно, Лен, ко мне люди зашли, потом...» – и положить трубку.

Наташа почувствовала приближение финала и так вжалась лицом в ширинку, что ему стало больно. «Как у нее все только там помещается, – напоследок удивился он. – Ничего,

потерпит, должна терпеть, будет...»

Черная, с красными огненными прожилками лавина окончательно сбила его с ног, закружила, завертела, что-то внутри порвалось. Он увидел вжатый в ширинку сморщенный носик Наташи и ее огромные синие глазищи, из которых текли слезы. Глазищи приближались, становились больше и больше, потом заполнили все вокруг. И оказалось, что не глаза это, а море. И Алик понял, что спасение там, в море, и нырнул туда. И черная, с огненными прожилками лавина отступила.

Кто-то пытался наблевать Алику в ухо. Он находился в абсолютно темном помещении, прямо над ухом раздавались страшные звуки: уаааа, уаааа, уаааааау. Потом стали бить по щекам. Потом он открыл глаза.

– Алик, Алик, что с тобой? Просыпайся, давай же...

Наташа стояла над ним и пыталась привести его в чувство. Периодически ее сотрясали рвотные позывы, лицо было измазано в сперме пополам с поплывшей косметикой. Смотреть на нее было и стыдно, и страшно. «О господи, – подумал Алик, – лучше бы я сдох». Вспомнилось все, а особенно разговор с женой под Наташин минет. «Какая же я тварь, я даже не подозревал, что я такая тварь. Теперь придется с этим жить. И знать это про себя...»

Он поднялся с кресла, подошел к Наташе, обхватил руками ее голову и закричал.

– Что, довольна? Отомстила старому козлику? Отомстила, да? Выебала, подлецом сделала, да?

– Прости меня, я не хотела, я не доставлю тебе хлопот, честно.

Алик недоверчиво посмотрел на Наташу. Вроде бы искренне говорит.

– Честно, мне ничего не нужно, я знаю свое место. Хочешь, забудем все, а хочешь, приходить к тебе буду сюда, когда позовешь.

– А как же «уйди, козел... на себя посмотри, урод»? И зачем ты полезла, когда я с женой разговаривал. Унизить хотела? Власть свою показать? В грязь втоптать?

– Прости меня. Дура я, все мы, бабы, дуры. Я ни на что не претендую, прости. Тебе удобно со мной будет.

– А зачем я тебе нужен, скажи, зачем? Ты же права: я похотливая старая скотина. Я на деньгах помешался, я не люблю никого. Я женат, у меня дети, я из семьи не уйду никогда. Бесперспективен я для тебя. Ты шефу не дала, об этом все знают, но у него хоть денег куры не клюют, квартиру тебе мог бы купить и вообще помочь. А я даже этого не сделаю, потому что тварь я, людей использую на халяву. Ну зачем тебе я такой?

– Честно ответить или наплести что-нибудь?

– Честно, честно давай.

– Потому что ты умный, потому что ты честный, потому что у тебя совесть есть, немного, но есть, потому что другие

еще хуже. Потому что я мазохистка, наверное. Потому что я люблю тебя.

– Уууу, вот этого точно не надо, вот не надо меня любить.

– Да не бойся ты, я же все поняла. И почему с женой так ласково говорил, поняла, отвадить меня хотел, любви боишься?

– Боюсь.

– Не бойся. Моя любовь – мои проблемы. Тебе не мешает. Не совсем уж я идиотка. Как встречу мужика подходящего – только ты меня и видел тогда. А пока не встретила, лучше уж с тобой, лучше так... сосать сюда приходиться да на столе перепихиваться. Чем с этими, которые думают, что все купить могут. Лопаются они от собственного величия, а людей брызгами их вонючими обдает. Спасибо, пробовали уже. Так что не бойся. Подумай...

Закончив говорить, Наташа несколько секунд смотрела на Алика, потом надела туфли, прикрыла объемной сумкой лицо и выбежала из кабинета.

Такая вот пятница

Жизнь шла вразнос. Моральные устои трещали, стальные балки принципов со звоном лопались, в тщательно запечатанные казематы совести просачивались потусторонние миры. Впереди маячили призрачные миллионы, кокосовые Багамы, а может – казенные дома или даже жирный кладбищенский суглинок. После сумасшедшего утра пятницы Алик нуждался в отдыхе. Неторопливый мужской разговор за бутылочкой виски в обществе приятных уму и сердцу джентльменов по эффекту равен курсу лечения у модного психоаналитика. У всех свои проблемы, свои заморочки, свои бабы (в количестве от двух до бесконечности), все ребята непростые, со своими отъевшимися тараканами в холеных, тщательно ухоженных головах. Слет Василис по обмену премудростями, групповая терапия, точнее. В нынешней Москве подобных соратников по групповой терапии принято называть друзьями. У Алика таких друзей-соратников было немного: четыре-пять максимум. Встретиться сегодня могли двое: Сема Гарин и Федя Ваганов. Им он и позвонил. Собраться решили в модном ресторане на Кутузовском, а там как пойдет.

– Только без баб, – попросил обоих Алик, и просьба была принята с пониманием.

Федя и Сема отличались многим, но многое их и объеди-

няло: Федя выродок из хорошей московской семьи потомственных дипломатов и шпионов, с прекрасным воспитанием, английским языком и образцовой внешностью русского Джеймса Бонда. Выродком он считался, потому что не служил государству в тяжелых условиях латиноамериканских прерий, как его отец генерал, а тупо зарабатывал бабки. Федя не был в этом виноват. Не повезло ему – родился на сломе исторических эпох. Сначала Перестройка и компания полувреев-полуфарцовщиков, где его быстро научили, как блестящее знание английского конвертировать в англо-американскую же валюту. Потом девяносто первый год и первые, уже почти легальные, валютнообменные операции всё с той же веселой компанией в общежитии МГУ. Потом нал, обнал и кто кого обогнал с бандитскими крышами середины девяностых. После – конфликт с ФСБ по поводу якобы отмытых чеченских денег, улаженный с помощью родственных связей и любви рыцарей плаща и кинжала к вражеской валюте. Тогда Феде показалось, что они так сильно любят доллары, потому что очень уж люто ненавидят Америку. Хотят как бы собрать все баксы мира в одну большую кучу, спалить ее на Красной площади и радостно бегать вокруг кострища, потрясая грозными ксивами. Поскольку огня в Кремле не наблюдалось со времен нашествия Наполеона, а плащи у рыцарей кинжала становились все больше от Brioni и Valentino, Федя отбросил версию как ошибочную. Под воздействием новых фээсбэшных друганов в начале двухтысяч-

ных пришлось закрыть старую лавочку и пойти наемником в новую, при солидном государственном банке, опекаемом рыцарями в гламурных плащиках. Нынче Федя гордо именовался инвестиционным банкиром, но занимался все тем же любимым делом – высокотехнологичным отгоном денежных знаков за кордон. И правильно, потому что лучший совет, который может дать честный банкир в России, – это закопать деньги в землю. В швейцарскую землю, например.

Сема был полной Фединой противоположностью. Родился он на окраине старинного русского города Тамбова. В крепкой и дружной семье. Отец – алкоголик, мать – коня на скаку остановит. А уж в горящую избу приходилось входить частенько. Семин батя, когда нажирался, имел привычку слегка подпаливать родовое гнездо. Здоровое провинциальное детство обучило Сему грамоте и основам древнего боевого искусства под названием «мочилово жестокое». Потом армия дала недостающие знания об окружающем мире. И быть бы ему честным работягой на местном заводе или, при удачном стечении обстоятельств, мог бы по партийной линии пойти (голова-то у него была всегда светлая, а темперамент бешеный). Но тут что-то хрустнуло в Российском царстве, и Семина жизнь съехала с колеи. В отличие от других своих сверстников, тихо спивавшихся в разваливающихся избах, он участвовал в жизни страны по полной. Сначала наперстки и три листа на привокзальной площади, потом работа проктолога для первых кооператоров (основным ин-

струментом являлся паяльник), потом перегон и легализация ворованных немецких тачек, угоны эшелонов с алюминием и мазутом, гастроли в сопредельные регионы, Москву и Питер. Потом знаменитое ледовое побоище с псами-рыцарями Бичи Батумского (закончилось боевой ничьей и объединением в одну дружную интернациональную банду). Далее кровавые крестовые походы за акциями предприятий атомной промышленности. Вынужденная эмиграция в Англию, пока все не устаканится. Получение от скуки МВА в Кембридже, увлечение современной французской философией. Как бы случайное знакомство с неприметным полковником ФСБ на пляже в Ницце. Отказ от идей Сартра и Камю под напором железного аргумента фээсбэшника: «Ну мы же русские люди, братан». (Вместе с французской заумью из жизни Семы ушла и половина акций, добытых в крестовых походах на заводы.) Возвращение на родину и превращение в уважаемого бизнесмена, руководителя и совладельца неслабого холдинга по сервисному обслуживанию энергоблоков на АЭС.

Федя и Сема вошли в ресторан одновременно. При всей разности обстоятельств жизни и судьбы выглядели они как братья-близнецы. Оба без галстуков, в джинсах и пиджаках по случаю пятницы. Оба с лакированным загаром, то ли еще морским, то ли уже горным. Уверенные, холеные мужики, кое-чего добившиеся в этой жизни.

Это люди только думают, что они разные. Может, рождаются они и разными, а потом жизнь обтачивает, как вода камешки, и раскладывает их по полочкам. И стоят они на этих полочках ровнехонько, и на другую полочку не перескочить. Потому что камни не скачут.

– Рок-н-ролл, – вскинул два пальца вверх Сема.

– Ні, френдище, – поздоровался Федя.

– Шалом, уроды, – вежливо кивнул Алик.

Приветствия происходили родом из юности и символизировали суть каждого. У Семы лихое криминальное прошлое и погоняло Сема Рок-н-Ролл, когда-то гремевшее на все Нечерноземье. У Феди изысканный жаргон фарцы конца восьмидесятых. Алик в юности был панком, слушал «Аукцион» и зачитывался Хармсом. К пятому десятку у всех троих увлечения юности остались позади, и сердце успокоилось на выдержанном односолодовом виски. Его и заказали. Выпили по первой, как полагается, за встречу. Закурили. Помолчали.

– Что-то ты неважно выглядишь, – заметил Федя.

– Правда, хреново, – поддержал его Сема. – Мужчина должен быть пьян, весел и беспечен, особенно в наши годы. А ты трезв, печален и загружен. Ты чего, у нас же молодость, третья по счету уже и еще двадцать молодостей впереди. Рок-н-ролл, твою мать.

Алик рассказал им все: и про сделку с банком, и про видения, и даже про Наташу-рекламщицу.

– Ну офигенно! – обрадовался Сема. – Бабки на горизонте, телка на вертеле, жизнь бьет ключом.

– А как же видения? – спросил Алик.

– А видения – это побочные эффекты, – успокоил Федя. – Все имеет свои побочные эффекты. Вот выпили, к примеру, мы, хорошо нам – весело, спокойно. А завтра что будет? Сами знаете что. Голова трещит, жена ворчит, во рту насрали. Побочные эффекты.

– Ты за всех не говори. У меня похмелья не бывает. У меня рок-н-ролл вечный. Врубишь «Рамштайн», и никакого похмелья, жить хочется. Убить кого-нибудь. Изнасиловать. Уmmm, сказка, – сказал Сема.

– Хорошо, не похмелье, – согласился Федя. – Допустим, телку ты снял в клубе. Хорошую такую, в платье блестящем, с сиськами, и зажигаешь всю ночь с ней. А потом в гостиницу везешь и там тоже все получается славно, несмотря на литр выпитого. А утром просыпаешься.

– Похмелья у меня нет, я предупреждал, – повторил Сема.

– Нет, нет, у тебя похмелья, понял я... Так вот, просыпаясь, а рядом с тобой такое идолище поганое лежит, что мать моя женщина! А потом еще и трипак...

– Это да, это бывает, – кивнул Сема.

– А я что говорил. Побочные эффекты.

– Точно, Федь, прав ты. Вот я помню, когда заводы у чуреков отбивали, весело так было, драйвово. Из чуреков чебуреки сделали. Все так удачно прошло. И чувство у меня та-

кое появилось, как у Чингисхана на лошади Пржевальского в степи. Всех порвать мог. А потом налоговая, менты, прокуратура, казни египетские. И три года в Лондоне откисать пришлось. Побочные эффекты. Вот как это называлось? Надо кентам рассказать, пусть поржут, – сказал Сема.

– Да что вы заладили об эффектах?.. Что я, эффект от реального геморроя отличить не могу? Я этих молящихся не в 3D вижу. А как вас сейчас. Живые они для меня. Я вам серьезно говорю. Проблема это, а вы стебаетесь! – воскликнул Алик.

– Эл, дружище, что я тебе лекцию читать буду? – мягко улыбнулся Федя. – Перенапрягся ты. Куш впереди замаячил приличный. А ты же у нас романтик: Багамы, закаты, соскочить хочешь из нашего вертепа. Накрутил ты себя, расслабься. Съезди в Париж на выходные или в Амстердам травки покурить. Возьми телку с собой и зажги там как следует. Отпустит тут же.

– Тем более, – поддержал Федю Семен, – соскочить навсегда – не вариант. Нет, на уик-энд с телкой в Париж поезжай, конечно. Милое дело. А насовсем – не получится.

– Это почему же? – спросил Алик.

– Уж поверь мне, я там три года мучился. От тоски чуть не сдох, – ответил Сема.

– А я потоскую, что-то мне весело слишком стало в вертепе нашем зажигательном, – пожал плечами Алик.

– А там точно такой же вертеп, только представление

длится подольше. И достало это шоу уже всех: и актеров, и зрителей, и режиссера. И скучно им там всем смертельно. А пукают в нос там точно так же, только через тряпочку и соггу при этом говорят. И улыбаются оптимистично. Но и это не главное. Зачахнешь ты там, потому что все мы здесь наркоманы адреналиновые. А там любая дурь есть – удолбись, пожалуйста, а вот с адреналином напряженка. Так что расслабься, отпусти ситуацию. Все равно жизнь кардинально изменить не получится. Сколько бы бабла ни украл.

– Гад ты, Сема. Последней мечты лишаешь.

В словах друзей имелся смысл. Алик бы и сам говорил нечто подобное, если бы слышал свою историю со стороны. Но это со стороны, а он внутри этой истории, в самой ее середине. И поэтому умные слова не каналы.

– Давайте выпьем, – после паузы предложил он. – Чтобы все понятно было, как в школе, на политинформации перед классным часом.

– За понимание! – поднял стакан Федя.

– За понятия! – присоединился Семен.

Выпили каждый за свое, подумали каждый о своем и погрустнели. Алик в очередной раз понял, что человек рождается один, живет один и помирает один. И никто никому помочь не может. Ничем. В принципе. Не желая мириться с такими мыслями, а наоборот, наперекор им, он спросил:

– Хорошо, вы все правы. Жизнь не изменить, деньги не помогут. Побочные эффекты. Нужно расслабиться. Ладно,

все так, а с Наташей как быть?

– А в чем проблема? – удивился Сема.

– Как в чем? Я не люблю ее, я ударить ее хотел, когда она... а я с женой разговаривал в это время. А потом понравилось... грязненько так понравилось, по-свинячьи, зато сильно.

– Подумаешь, проблема, девка дала с первого раза, да еще зажигательно как. Вот мне вторая жена год не давала, я чуть стены грызть не стал. Я, может, и женился на ней поэтому. Из спортивного интереса практически. Развелись потом быстро. Вот это проблема. А это... – Сема презрительно махнул рукой.

– Не скажи, – возразил Федя. – Была у меня на работе одна такая зажигалка. Пиарщица. Похоже все. Сначала весело. Где мы только с ней не упражнялись! В кабинете само собой, в туалетах при кабаках тоже. Даже на колесе обозрения в парке культуры. До групповухи дело доходило в разных комбинациях. Одна беда: не любил я ее, потому как точно понимал: сука она похотливая и ничего больше. Вы же знаете, я человек семейный, жену люблю, с остальными только сношаюсь. Любить-то я жену люблю, а трахать ее не мог тогда. Только зажигалку. Пресная жена показалась после нее. Засосало меня.

– Меня засосало красивое хлебало, и жизнь моя жестокая игра, – начал глумиться Сема.

– И чего дальше? – прервал его Алик.

– Да ничего. Месяц с женой не трахаемся, полтора. Напряглась она, по телефону лазить начала. Эсэмэски прочла. А там такие эсэмэски – маркиз Де Сад отдыхает. Короче, решили пожить отдельно некоторое время. Снял я квартиру через две улицы. А детям сказали, в командировку папа уехал надолго, бизнес налаживать в филиале, – сказал Федя.

– А дальше? – спросил Алик.

– А дальше все плохо. Живу один. Детей вижу раз в две недели по выходным. Скучаю, страдаю. На зажигалку смотреть противно. Жена нос воротит. Комплекс вины жрет постоянно. И главное, обвинять некого, только себя и пипиську свою неразумную. Полгода так жил. Жене ноги лизать хотел, лишь бы назад пустила. Еле помирились.

– А с женой-то смог после всего этого? Ну, в интимном плане... – поинтересовался Сема.

– Да я после этих шести месяцев в интимном плане и с белым медведем бы смог. Наказание я себе придумал такое тогда. Пока не помирюсь – ни одной бабы. Только дрочил иногда...

После такого финала истории не заржать было невозможно. И заржали.

– С белым... медведем... с белым... – ухохатывался Сема.

– Дрочил... редко... – почти плакал Алик.

Вместе получилось: с белым медведем дрочил иногда. Компания пидерообразных метросексуалов за соседним столиком оживилась, стала перешептываться и тыкать в них

пальцами. Сема заметил это, повернулся и бросил на мальчиков взгляд из арсенала боевой криминальной юности. В девяностых после таких взглядов обычно стреляли. А сейчас ничего не произошло. Мальчики все поняли и с утроенным усердием сосредоточенно и молча стали ковыряться в крабовых клешнях.

– Спасибо, Федя, повеселил, спасибо тебе, дорогой, – поблагодарил товарища Сема.

– Да ну вас, я вам тут душу, можно сказать, открываю, опытом делюсь, а вы...

– Правда, спасибо, – успокоил Федю Алик. – Я все понял. Главное не дрончить с белыми медведями. Остальное переживаемо.

Федя, не успев обидеться, рассмеялся. На компанию накатил вторая волна веселья. Метросексуалы за соседним столиком, наученные горьким опытом, даже не шелохнулись.

– Я вот вам что скажу, – подвел итог, отсмеявшись, Сема. – Бабы – существа такие летучие...

– Какие? Сучьи? – скаламбурил Федя.

– И это тоже, но и летучие, как газ или вода, чтобы понятнее было. А газ и вода, они какие?

– Какие? – попытался вникнуть Алик.

– Физику помните за шестой класс? Вода принимает форму сосуда, в котором находится. А если сосуда нет, то вода растекается во все стороны, а газ вообще улетучивается и стремится занять все доступное пространство. Так же и с ба-

бами. Не поставишь рамки, и заполнят они собой всю твою жизнь, и захватят тебя, и беду принесут. Поэтому строгий контроль и дисциплина. Сможешь поставить рамки для Наташи, так и развлекайся на здоровье, хоть по-свинячьи, хоть по-крокодильи. А не сможешь – как у Феди получится.

– Прав ты, Сема, как всегда, – согласился погрустневший Алик. – Но как же тогда любовь? Какие сосуды для любви, какие рамки?

– Ну, во-первых, Наташу ты не любишь, сам сказал.

– А во-вторых?

– А во-вторых, любовь – это когда бьются все сосуды, рамки и объемы. И голый ты, и заполняет девка всю твою жизнь, а если взаимно, то и ты ее. Редко, но бывает. Получается, тогда у вас один общий объем на двоих. Вырастает он в тысячу раз. Но все равно есть. Потому что люди существа конечные. Беспределен только Бог. Это как Большой взрыв. Сначала горячо очень, Вселенная расширяется, и кажется, всегда так будет... А потом остывает и сжиматься начинает. Значит, пределов объема достигла. Хорошо, если сдохнешь до этого. Тогда любовь у тебя, считай, бессмертная.

Алик задумался. То, что говорил Сема, походило на правду. На печальную правду жизни. С годами он заметил, что правда бывает только печальной. Это ложь всегда радостна и оптимистична, обещает заманчивые перспективы, зовет за собой.

– Хорош, парни, – решительно прервал раздумья Федя. –

Хватит, куда-то вас не туда понесло. Знаю, чем это все закончится.

– Чем? – в один голос спросили Сема с Аликом.

– У меня последний раз путь был такой. Перечисляю со всеми промежуточными остановками: философия, грусть, текила, трава, потом не помню, снова текила, коктейль «Оргазм в прериях», девка какая-то чужая в туалете, драка, опять текила, потом не помню, очнулся через два дня дома и заблеванная комната дочери.

– А при чем здесь комната? – поинтересовался Сема.

– С туалетом перепутал.

– А, помню, – повеселел Алик. – Жена твоя рассказывала. «Вхожу, говорит, в комнату Аленки, а у нее все учебники заблеваны и Федя стоит вдребадан». Я ему: «Что ж ты, тварь, делаешь?», а он мне: «А ты, сука, кто такая?»

– А вот этого уже не помню. Хотя возможно. Поэтому, парни, философию на этом заканчиваем и переходим к более нейтральным темам. О бабах уже поговорили, футбол пропускаем по случаю наступившей зимы. Предлагаю поговорить о работе и бабках. Ну у Алика все о'кей, на Багамы нас скоро позовет, я надеюсь. А вот у тебя, Сема, как дела? – спросил Федя.

– Все офигенно, по Салтыкову-Щедрину.

– Это как? – уточнил Федя.

– Воруем... а у тебя как?

– Да так же в общем...

– Ну чего, поговорили о работе? Много новостей узнали? У всех одно и то же. Только скажите мне, почему мы, три здоровых неглупых мужика, занимаемся тупым, ну хорошо, даже не тупым, высокоинтеллектуальным пускай, но все равно воровством? Мы для этого родились на белый свет? Я вот, например, писателем в детстве хотел стать, – сказал Алик.

– А я разведчиком, как Штирлиц, – мечтательно произнес Федя.

– А я на Марс хотел полететь.

Все опять погрустнели. Контраст между детскими мечтами и действительностью вышел какой-то пошлый. «И это еще повезло, – подумал Алик, – а мог бы и офисным рабом стать, пресмыкаться за ипотеку в Балашихе».

Не сговариваясь, все приложились к стаканам и уже после того как выпили, смутившись, чокнулись. Молча. Без тоста. Лицо Семы перекосилось. Он грохнул стакан об стол и закричал.

– Вы меня извините, конечно, а можете и не извинять, но достали эти мудовые рыдания. Вот вы, мальчишки московские, мажорные, спецшколы, книжки, родители на «Жигулях» любящие. А в моем Мухосранске за чекушку черепа кроили. Детей, как козликов, на чужие огороды пастись отправляли. А любовь... да там и слова-то такого не знали. Для меня воровство – это огромный шаг в эволюции, как выход рыб на сушу. Не знаете вы народа нашего. Темный он, завистливый и тупой. С ним если по-честному – разнесет он

все на хер. А потом нажрется водяры и заснет с чувством выполненного долга. А наутро проснется и с похмелюги будет тихий такой, смирный, виноватый, так что драть его можно будет во все щели еще лет пятьдесят, пока очередные наивные дурачки вроде вас опять по-честному не захотят. Поэтому воровал, ворую и буду воровать, и другие пускай воруют; не убивают – уже спасибо. А народу – крошечки, постепенно, чтобы заворот кишок не случился. Сначала кредиты на телик, потом ипотеку, чтобы рыпнуться в сторону не мог, а потом и денегат можно подкинуть немного, лет через двадцать. А потом и свободы, чуток.

– Вы прослушали четвертый сон Веры Павловны, ой, простите, пятый сон Владимира Владимировича из цикла «Сны о чем-то большем», – попытался обратить все в шутку Федя.

Почему-то смешно не было. Даже никто не улыбнулся.

– Сем, – тихо спросил Алик, – а на Марс ты полетел?

– Какой, на хрен, Марс, я завтра в Куршавель лечу с певичкой, с этой... как ее... сисястая такая...

– Но ведь Куршавель не Марс, а певичка – не инопланетянка.

Сема помрачнел, налил полный стакан виски, выпил его в два глотка, оплыл, сдулся и прошептал почти:

– Не инопланетянка... куда ей...

– Сем, вот ты мне тут сказочку страшную рассказал, про народ наш; может, и правда это. А давай я тебе свою расскажу.

– Давай.

– В одной далекой холодной стране жили-были люди. Нормальные такие, тихие, спокойные, даже добрые люди. Охотились, рыбу ловили, выращивали там что-то – в общем, жили не тужили. Но на их беду, место, где они жили, было очень удобно расположено в плане логистики. Буквально на перекрестке всех путей. И шли через это место караваны богатые с товаром всяким. Сначала добрые люди даже обрадовались, кормить начали караванщиков, услуги всякие оказывать, разбогатели слегка и зажили еще лучше. А потом с севера пришли злые бандосы, отморозки конченные, поделили дорогу на участки и сказали: «Теперь это наша поляна, и за проезд надо платить». Ну, ты помнишь, у нас так в девяностые Минку от Бреста до Москвы поделили. У бандосов старший был Рюрик Балтийский, и бригадиров с десятков, и пехота. Все как полагается. Сначала стригли караванщиков, а потом, как водится, и на добрых людей переключились. Люди сначала повозмущались, но они же добрые. А бандосы им быстро объяснили, что возмущаться – не по понятиям. Зато по понятиям порядку больше. Согласились люди. И стали бригадиры называть себя князьями, а старший – князем всех князей, великим князем то есть. Понты отросли, сам понимаешь. Так и образовалось государство русское. Людей стали стричь нещадно, тяжело им стало. А где тогда было легко? Средние века все-таки, лихие Средние века. И все бы ничего, но потом с юга черные поперли, ну звери прям, по-

хлеще северных оказались. Ты ведь понимаешь, Сем, сам с чуреками воевал. Только эти монголами назывались. Ну и разборки, конечно. По результатам огребли северные от южных по полной программе. И тут самое страшное случилось. Ты же знаешь чуреков, ленивые они до ужаса, работать не хотят, им бы глотки только резать. Сказали они бандосам: ладно, дышайте пока, стригите кого можете, но под нами ходить будете и долюну львиную засылать регулярно. А чего бандосам было делать? Так и повелось. Только вот людей добрых в четыре раза больше стричь стали. Ничего не попишешь, нагрузка-то двойная. И стали люди хорошие сначала не такими добрыми, а потом и вовсе злыми. А кто бы не стал? Любой скурвился бы от житухи такой. Зато сильными и закаленными стали люди. Выхода ведь не осталось. Тут либо сильный и терпеливый, либо копыта сразу отбрасывай. Некоторые все же бежать пытались на восток, в болота да леса дремучие. Некоторым удавалось, но все равно потом догоняли, а они дальше бежали, почти до самой Японии добежали, но в море уперлись. Триста лет чуреки мазу держали, а потом люди стали настолько злые, что в злости самих чуреков обогнали. И навалили им. Не мне тебе, Сем, рассказывать, это ты специалист по укрощению черных. И, казалось, тут бы и зажить, но привыкли за три века северные к порядкам южным и схеме «подстриг – отстегнул» выучили четко. А бывшие хорошие люди стали такими терпилами, что не четыре, но три шкуры с них драть можно было спокойно. И поэтому вот тебе,

боярин, воеводство на кормление, но чтобы все по-тихому, и доляну не забудь занести. Пряма как сейчас губери, один в один, согласиись, Сем. Короче, не изменилось ничего с тех пор. Нет, пробовали, конечно, и свободу людишкам давать. Постепенно пытались, рабство позже всех в мире отменили, реформы всякие Столыпинские. Пробовали и сразу, одним махом, как в семнадцатом или девяносто первом. Только не получалось ничего. Говнище сразу переть из народа начинало струей тугой. Но оно и понятно, тысячу лет дерьмо копилось. Прав ты, Сема, кнут наш народ понимает лучше, чем пряник. Взнуздаешь его покрепче, он тебе и книжки напишет, и поле вспашет, и споет, и спляшет, и человека в космос запустит, и войну выиграет. Одна беда: раз в сто лет говнище из народа переть начинает. Но тут ничего не поделаешь, только утираться. Работа у элит такая. И еще проблема: людей, которые летать могут, все меньше с каждым веком становится, а которые могут и хотят, тех вообще почти не осталось. Вот и мы с тобой, Сема, не полетели.

Алик замолчал, его стакан был пуст, на доньшке литровой бутылки оставалось грамм сто жидкости. Он взял бутылку и прямо из горла прикончил остатки.

– Не полетели, не по-ле-те-ли, – обхватив голову руками, по слогам сказал Сема.

– А мне, лета-а-ать, а мне лета-а-а-ть, а мне лета-а-а-а-а-ть охота, – гнусавя, пьяненьким голосом запел Федя, посмотрел на Алика и, нарочито усугубив свою якобы нетрезвость,

спросил: – Ну ты же летишь, на Багамы, кажется? Ребята, кто-то из нас сегодня летит на Багамы, с баблом... Только вот кто?

– Не полетели, не по-ле-те-ли, – не обращая внимания на Федино шутовство, причитал Сема.

– Спокойно. Будем рассуждать логически. Я лечу? Я не лечу. Нет, хочу, конечно, но не лечу. Бабла у меня столько нет.

– Не по-ле-те-ли.

– А вот у Семы есть. Он, конечно, может.

– Не по-ле-те-ли.

– Но не хочет, сам видишь, Алик, не хочет Сема на Багамы. Так что поздравляю, летишь ты. Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море бабла-а-а-а, – интимным шепотом запел Федя. – Давайте вместе: главное, ребята, денег напереть, сесть в огромный «Боинг», взять и улететь...

– Не ерничай. Алик прав. И не полетели мы, и не полетим, и выхода нет.

– Предупреждал я вас, что философия до добра не доведет. А выход всегда есть. Вон, смотри, выход из ресторана. А вон пожарный выход. А на самый пожарный паспорта у всех в кармане вторые. Это тоже выход. Да гори она синим пламенем, страна эта огромная. Хрен с ней. Не переделать нам ее. Полетели, не полетели – какая разница, – сказал Федя.

– А как же мы, как же люди?

– Вот о себе подумай, о детях, о родителях. А люди? Ну,

знаешь, в Африке тоже негры от голода умирают. И что? Мы здесь хоть сытые и пьяные в данный момент.

«Я же не рассказывал им о неграх. Точно не говорил, – подумал Алик. – Что же это делается? Откуда он знает? Кто-то смеется надо мной? Страшноватенько. Надо прекращать». Он потряс головой, фыркнул, как будто выныривая из ледяной проруби, и преувеличенно бодро сказал:

– Так, господа, приношу свои глубочайшие извинения за то, что засрал вам мозг на ровном месте. Обязуюсь в следующую встречу молчать как рыба и послушно впитывать любое дерьмо из ваших уст. А сейчас в лучших традициях народных сказок предлагаю три варианта продолжения банкета. Налево пойдешь – к шалавам попадешь, направо пойдешь – в клуб попадешь, прямо пойдешь – в караоке пойдешь. Деньги теряются во всех трех случаях. Голова, надеюсь, останется на месте.

– Нет, подожди, подожди, Алик. Выход-то где? Не шути сейчас. Рванет же все...

– Я тебя умоляю, Сем, как друга прошу. Давай не сегодня...

– Нет, ну ты-то знаешь? Начал, так договаривай. А то после твоей сказки у меня виски в горло не льется, на баб не встает и песни не поются.

– Хорошо, я скажу. Только давай забьемся. Я говорю, и тема на сегодня закрыта.

– Забились, – кивнул Сема.

– Америки я, конечно, не открою, но думаю так: пора уже с народа не три шкуры драть, а хотя бы две. Я не против воровства, сам такой. Пускай стригут – караванщиков, трубу, бюджет, что угодно. Россия богатая, выдержит, а без крови прекратить это не удастся. Но людей в покое оставить надо. Пускай себе копошатся, как та лягушка. Лапками из сметаны масло взбивают. Вспомни, Сем, когда бизнес лучше всего развивался? После девяносто восьмого, когда государство обосралось по полной программе, не до людей ему стало. А если поглубже копнуть, то и НЭП вспомнить можно. После Гражданской войны за три года страну подняли. Народ у нас сильный и ушлый, выдюжит. А если еще и в тех, кто летать пытается, из рогаток перестанут пулять... Вообще сказка. Увидят людишки птичек невиданных, глядишь и сами начнут головы в небеса почаще задирасть, а там и полетят, может. Ну не они, так детки их. Главное – реально все, как ни странно. Верхние, при трубе, с баблом да Рублевкой остаются. А нижние сами все сделают. Средних только, типа мент – пожарник – домуправ, приструнить надо будет. Так, кстати, во всем мире устроено. Даже в Штатах.

– А чего же у нас не делают?

– Да бояться. Не верят в тонкие методы настройки. Ссут, что людишки взлетевшие срать на них будут, аки птички божьи. И будут, потому что тупые они, все эти комсомольцы да гэбэшники бывшие. Вот они – самое большое быдло и есть. А были бы поумнее... И вообще мы же забились, Сем. Сво-

рачиваем тему. Или пацан слово не держит?

– Пацан сказал – пацан сделал, молчу.

– Базара нет, командир. Короче, добры молодцы, какой дорогой вечер продолжим? – спросил Алик у друзей.

Федя поморщился и, изображая бурный мыслительный процесс, задумчиво произнес:

– Ну, шлюхи – пошло, караоке – громко, может в «GQ» или еще куда-нибудь?

– А чего, в GQ шлюх нет? Давайте уж сразу к шалавам, там и попоем, – возразил Сема.

– Предлагаю компромисс, – помирил их Алик. – Едем в караоке. Там и шлюхи, и песни, а громкость звука снижается с каждым выпитыми ста граммами. К утру, Федь, гарантирую – никого слышать не будешь. Зато тебя слышать будут все.

– Эх, опять Аленке учебники новые покупать.

– Почему так?

– Заблую, – грустно вздохнул Федя и засмеялся.

В караоке приехали к одиннадцати. По пути всех развезло. Нетвердой походкой вошли в бордельного вида зал и плюхнулись на красные плюшевые диваны. Федя сразу прилепился к компании симпатичных девок. То ли первокурсниц, то ли многостаночниц, поди их разбери сейчас. Сема, пробормотав «ща все будет», активно эсэмэсился со знакомыми женского пола. Алик затянул древнюю балладу Прин-

да Purple Rain. Вечер развивался как обычно. К часу ночи народ забил зал до отказа. Приехал отряд накачанных Семикиных девок.

«Морские котики, блядь, – зло подумал Алик, – спецназ по отсосам и боевому массажу простаты».

К отряду присоединилось свежее пополнение Фединых подружек. Подружки стали петь «ВИА Гра», эротично показывая бедрами. Испытанные бойцы из Семиной армии трясли сиськами и отвечали им бронебойной Успенской:

– «А я сяду в кабриолет и уеду куда-нибудь...»

«Уезжай, уезжай уже, – с ненавистью думал Алик, – достала».

Девочек хотелось прикончить с особой жестокостью. Алик не любил быдло-песни, быдло-девочек, а в быдло-шлюх готов был стрелять из гранатомета. Чтобы успокоиться, приходилось много пить. Мысли начали путаться, а потом и вовсе исчезли. К трем часам ночи Алик достиг того состояния, ради которого он и ходил в подобные заведения. Не мешало уже ничего: ни девочки, ни громкая музыка, ни бронебойная Успенская. Мир стал призрачным и цветным, и Алик был весь в этих смазанных красках, бликах от хрустальных шаров и сливающихся звуках. А внутри его не было – только пустота. И когда одинокий, хорошо поющий мужик за соседним столиком запел «Конфисса» Челентано, у него потекли слезы. Слезы вопреки законам физики текли не из глаз, а внутрь – в глаза, и дальше, в одурманенный алкоголем мозг, в уста-

лое сердце, до самых кончиков пальцев на ногах. Отпускало его медленно, но неотвратно. А потом совсем отпустило. И в этот момент свет в зале погас. Посреди сцены вспыхнула светящаяся точка и сразу превратилась в небольшой шар.

– Нет, только не это, не надо сейчас, – успел ужаснуться Алик, ожидая увидеть очередного молящегося.

Все было намного хуже. Шар еще увеличился, приблизился к Алику и засосал его в себя. Оказавшись внутри шара, Алик все понял. Вообще все. И про всех. И стал всем. Стал каждым человеком в отдельности и всеми людьми сразу. В одну секунду он переживал тысячи смертей, оргазмов, удуший, радостей, влюбленностей, печалей, сотни самоубийств, десятки озарений и много, очень много боли. Все это складывалось в один мощный, хрустальный аккорд. И он звучал: минорный и мажорный одновременно. Алик пульсировал. Миллионы раз за миг он то растворялся, умирал, исчезал в слепящем белом свете, то возникал вновь. Смерть была ужасна, но воскресение было невыносимо. Темнота – вспышка, темнота – вспышка, темнота – вспышка. И во время вспышки только две мысли: «Я только что умер» и «Я сейчас умру». Время исчезло, да его и не существовало никогда. Это люди придумали. Все правила, концепции, морали, формулы, законы – все придумали люди, и все оказалось ложью. Один только закон существовал. «НИЧТО НЕ ИСЧЕЗАЕТ В НИКУДА, НО ВСЕ БЕРЕТСЯ ИЗ НИОТКУДА». И не слово вначале было, а воля. И это была его, Алика, во-

ля. В момент, когда он это понял, пульсация прекратилась. Темнота ушла, свет перестал быть слепящим, и Алик начал жить. Он снова состоял на 80 % из воды, кровь снова стала соленой, на теле снова росли волосы, а в голове жила неутолимая жажда денег и красивой жизни. Одно изменилось – теперь Алик ЗНАЛ. И знание это было столь невероятным, невозможным и пугающим, что он предпочел сойти с ума. И сошел. И ему стало легче.

Когда – он не помнил когда. Зачем – он не знал зачем. Как – не имел понятия как. Во всем еще предстояло разобраться. Но он, Алик, создал Вселенную. Не ту вселенную, где он жил, хитрил и крутился как уж на сковородке в холодной и дурной Москве. Другую, очень похожую, но все же другую Вселенную он создал. И была там планета, а на планете люди. И был он для людей этих богом. Это их молитвы он видел в последнее время. При этом Алик на сто процентов знал, что на земле он самый обычный человек. Ну, может, чуть похитрожепой большинства. А там – бог, и ему все подвластно.

«Бог, – мысленно хихикнул он. – Масштабно. О Наполеонах слышал, Путиных в Кащенко вообще завалились, а я бог. Ну-ну, посмотрим...»

Сквозь шар стали слышны чьи-то вопли. А потом и видно стало: человек стоял на коленях, закрывал лицо руками и пронзительно визжал.

– Прости, прости, хватит, пощади, хватит, прости меня!
Перед человеком вздымалась огромная стена, вроде ико-

ностаса. Стена исчезала где-то в темной вышине и состояла из икон в тяжелых серебряных окладах. В центре каждой иконы мерцали выпуклые полусферы разных размеров. Все они излучали свет разной интенсивности. А в огромном зале было темно. Свет почему-то не хотел уходить от источников полусфер. Как будто звездное небо встало на дыбы перед маленьким и испуганным человечком. Красиво, но страшно было в этом зале.

– Чего он орет, мрачновато, конечно, но не настолько же, – озадачился Алик.

Ответ пришел мгновенно. Мужчина двадцати восьми лет. Зовут Антуан. Пришел в храм Великого Нечто. Чтобы помолиться всеблагому ЧТО-ТО-ТАМ ЕСТЬ о смерти ближнего своего. Антуан не был плохим парнем. Любил родителей, свою девушку, собирался жениться. Но жизнь поставила его в тяжелое положение. Работал он кем-то вроде главы департамента урегулирования убытков в крупной страховой компании. Зарабатывал, кстати, неплохо. А хотелось больше. Потому что женитьба на носу, ипотека впереди и родители старые. И вообще по местным понятиям хотеть больше – это не грех, а наоборот совсем, двигатель прогресса. Антуан решил заставить работать этот двигатель в режиме форсажа. И стал химичить что-то там с убытками и их урегулированием. А это по местным понятиям великое богохульство и нарушение святой заповеди свободной конкуренции: «НЕ УВЕРЕН В СВОЕЙ БЕЗНАКАЗАННОСТИ – НЕ

ОБГОНЯЙ». Тех, кто нарушал эту заповедь, жестоко карала другая заповедь о правовом государстве: «КТО ПОЙМАН – ТОТ И ВОР». Кары небесные пришли в департамент Антуана в виде внутренней проверки и кислого въедливого старикана из центрального офиса. Старикан быстро раскопал немудреный шухер-махер и объявил несчастному молодому человеку, что завтра все доложит начальству. Оставив пребывать Антуана в состоянии ступора, старикан надел свой серый немодный плащ, вышел из офиса на оживленную улицу, где и попал благополучно под машину. В данный момент он завис между жизнью и смертью в реанимационном отделении больницы. А Антуан пришел в самый пафосный храм города, чтобы склонить сложившееся хрупкое равновесие в свою пользу. За смерть старого пердуна он обещал богу никогда больше не воровать, бросить курить, усыновить ребенка-инвалида и десять, максимум пятнадцать, процентов всех своих заработков отдавать на нужды храма.

Алик из любопытства решил посмотреть, что за человек этот старикан. О чем речь-то вообще идет? Старый пердун и вправду оказался вредным властолюбивым гадом.

«А чё, – задумался Алик, – столько всего доброго за жизнь никчемного ублюдка, нормальная тема, только пускай двадцать процентов отдает на храм».

И тут он окончательно понял, что сошел с ума. Причем изысканно так, сразу в двух измерениях. Во-первых, какой он, на хрен, бог, разве боги так рассуждают? А во-вторых,

убивать человека за лишние пять процентов на храм, это ж как на деньгах подвинуться надо? Бред в бреду и бредом погоняет. Белая горячка в лучшем случае. Алик стал бить себя по щекам, жмурить глаза, кусать до крови губы. Не помогало ничего.

– Прости, Господи, грешен я. Не убивай. Пощади! – орал благим матом скорчившийся Антуан.

Алик понял, что орет он отнюдь не от раскаяния. Просто в его понимании одна из полусфер отделилась от иконы и бог сошел на землю, чтобы покарать грешника. И слепит его бог, и жжет, и выжжет скоро дотла. И по ветру развеет.

Алик вылез из светящегося шара, погасил его и подошел к валяющемуся парню. Надо было что-то говорить. Что-то величественное желательно, подобающее случаю и высокому статусу.

– Чего орешь, debil, уши скоро лопнут, – раздраженно сказал он.

– АААААА, Господи, это ты, слава тебе, Господи, прости меня, раба твоего, пощади, Всемиловитый...

– Чего орешь, я сказал! Тише говори. Не бог я, понимаешь. Я это... как его... инопланетянин. Understand? Параллельные миры, гиперпереход, звездные войны, Star Trek и все такое. Понимаешь?

– Нет, – пришибленно ответил Антуан. – Не понимаю. Неисповедимы пути Господни. Непонятны простому смертному. Зачем ты меня испытываешь? Я, конечно, виноват,

грешник я большой. Но пощади меня, прости, аааааа, пощааааади, Госссспоооди!

Парень опять впал в истерику и закричал еще громче.

– Да заткнись ты, истеричка чертова, тюфяк. Ладно, я сейчас тебе докажу... – Алик выпрямился, принял для контраста торжественную позу, развел руки в стороны и грозно изрек: – Да будет свет!

Зал осветился ровным неярким светом.

– Да будет дождь!

С потолка обрушился ливень.

– Да будет снег, – ошеломленно пробормотал он.

Завыла метель, и на полу выросли искрящиеся сугробы.

– Да будет, да будет... да не будет уже.

Все вернулось к исходному состоянию полумрака. «Так вот, значит, какие здесь правила. Не отвертись... Ладно, посмотрим, кто кого».

– Господи, Господи, спасибо тебе, я знал, я верил, поэтому и пришел сюда. Прости меня. Ведь ты простишь. Ты же добрый?

– Я не добрый, Антуан, я справедливый. Но первое испытание ты прошел. Так что надежда есть.

– А что, будет и второе?

– Будет. Вот скажи мне, как ты узнал меня? Как понял, что я бог твой?

– Ну как же, Боже. Все как в книжках написано, огненный слепящий шар, жарко стало...

– Хорошо, а когда я вышел из шара? Я же как обычный человек выгляжу.

– Выглядишь, да, как обычный, но сразу понятно, что Бог, даже без чудес понятно.

– А сейчас понятно? – спросил Алик и одновременно про себя несколько раз повторил: «Я просто человек, я просто человек, я человек».

– Сейчас непонятно, но я все равно знаю. Это ты специально сделал, чтобы не видно было.

– Молодец, Антуан, умный. Говори, чего хочешь.

Антуан совсем собрался что-то сказать, но в последний момент остановился, часто задышал и расплакался:

– Гад я, Господи, сволочь. Не достоин я жить. И прощения не достоин. Убийца я корыстный. Если бы не ты... Поэтому об одном прошу: покарай меня, Господи. Убей, уничтожь, сожги. Молю тебя...

Антуан стал на колени, склонил голову и замолчал.

– Прощен, – хрипло сказал Алик, подошел к парню поднял его с колен и обнял. Глупый мальчишка прижался к нему, как к мамке, и, горько всхлипывая, заплакал. У Алика подкатил ком к горлу.

– Ладно, хватит, хватит уже, расплакался, как маленький, возьми себя в руки. Слушай меня внимательно. Воровать больше не будешь, ребенка усыновишь, как обещал, а деньги... отдавай сколько можешь, только не на храм, а детям больным. Медицина у вас, небось, платная?

– Плат-на-я, – шмыгая носом, ответил Антуан.

– Ну вот видишь. И не бойся ничего, я тебе помогу. И старик жив останется, не волнуйся.

– Господи, спасибо тебе, недостоин я милости твоей, но я отслужу, я изменяюсь, я уже изменился, понял я все. Спасибо, Господи. – Парень опять бухнулся на колени, нагнулся и стал целовать дизайнерские ботинки Алика из страусиной кожи.

Ботинки отличные, спору нет, но не до такой же степени. Это было уже слишком.

– Ты это, хорош, друг, хватит. И вообще, услуга за услугу. Встань, послушай, что скажу.

Антуан тут же вскочил и уставился на Алика.

– Давай договоримся, мы просто друзья. Не надо всего этого – Господи, Боже Всемилостивый и так далее. Называй меня просто... ну, к примеру, Алик. Давай посидим, выпьем, поболтаем, расскажешь мне о том, как вы тут живете, а то я давненько к вам не заглядывал, отстал чуток от трендов последних. Дела были в соседней галактике.

– Хорошо, Господи, как скажешь.

– Какой, на хрен, Господи, мы о чем договорились?

– Хорошо... – Антуан запнулся и с трудом произнес: – Алик.

– Вот и отлично. Есть у вас приличные места в городишке, где посидеть можно спокойно, выпить, расслабиться?..

– Самое лучшее – это бар «Ванильные небеса». Я там не был, там только богатенькие тусят. Да и попасть трудно.

Фейс-контроль жесткий.

– Фейс-контроль, говоришь? – усмехнулся Алик. – Ну, я же все-таки бог, как-никак. Фейс-контроль, конечно, дело серьезное. Но сладим какнибудь...

Антуан не выдержал и засмеялся. Досмеивался он за лучшим столиком бара «Ванильные небеса», на сто сороковом этаже самого высокого в городе небоскреба. Обычно подобные пафосно гламурные места не признают полутонов. То есть бывают либо черными, либо белыми. В этом, видимо, очень толерантном мире бар походил на шахматы. Белые столы стояли на черном полу, сверху над ними нависали монструозные люстры из черного хрусталя. Стены, естественно, были стеклянными, а вид – захватывающим. Почти фиолетовое, с легкой рыжиной, солнце опускалось в зеленоватое, с проседью волн, море. И солнце и море преломлялись в стеклянных призмах небоскребов. Лучи отскакивали от темных зеркальных стен и падали вниз, на изумрудные лужайки. Между лужайками петляли узкие, почти средневековые улочки, сливающиеся в просторные площади с дворцами из желтого камня. Коктейль «Антанта»: треть Нью-Йорка, треть Праги, четверть Кембриджа и совсем немного Багамских островов.

– И они еще о чем-то переживают, – удивился Алик, – воруют, суеются. Жили бы, дураки, спокойно. Наслаждались бы all inclusive пейзажем.

Антуан наслаждаться пейзажем явно не мог. Молился ше-

потом неразборчиво, кусал ногти, трепетал.

– Хватит трястись, раздражаешь! – прикрикнул Алик и одарил его взглядом гневливого еврейского бога с картин итальянских мастеров. Мама Алика так на него в детстве смотрела, когда он шалил. Не помогло. Тогда попробовал лаской. Улыбнулся нежно. Сказал:

– Парень, расслабься, тебе нужно выпить. Закажи чего-нибудь. И на мою долю возьми.

– Да-да, конечно. Официант!

Подошел официант в черно-белом костюме. Правая сторона черная, левая белая, лицо раскрашено наоборот.

– Принесите нам, пожалуйста, виски беспохмельного, самого лучшего.

– Другого не держим, господа, – презрительно сказал официант. – Это вам не забегаловка для миниумов.

Антуан покраснел. У Алика появилось много новых вопросов. Но сначала надо было разобраться с хамоватым халдеем.

– Пошел вон, урод, а то в жабу превращу, черно-белую.

Официант приготовился возмутиться, даже открыл рот, но неожиданно сказал: «Ква-а-а-а», встал на четвереньки и запрыгал в сторону барной стойки.

– Беспохмельное виски – это то, о чем я подумал?

– Ну да, виски, от которого не бывает похмелья.

– Я создал рай, – обалдел Алик. – Лучше, чем мусульманский. Семьдесят гурий – на фиг нужно, хлопотно слиш-

ком. А беспохмельное виски – это реально круто. Может, я и в правду умер и попал в свой собственный персональный Эдем? А чё, мне здесь все нравится, я здесь бог. И виски беспохмельное опять же. Надо проверить.

– А скажи мне, Антуан, будь добр. Кто такие миниумы?

– Это такие люди, такие... – замялся Антуан, – с менее чем одной десятой голоса.

– Какого голоса?

– Ну, на выборах. Муниципальных там, парламентских.

– А почему у них так мало голоса?

– Как это объяснить-то, Господи, – совсем растерялся Антуан. – Ой, прости, Алик. Это люди такие... экзамен они завалили на интеллект. Образование у них слабое, воспитание... Денег поэтому немного.

– Быдло?

– Что ты, нельзя так у нас говорить, – испугался парень. – В смысле, тебе можно, конечно, а нам нельзя, штрафы большие, до года нерукожата дать могут.

На рай это было непохоже. Какие штрафы в раю? И еще нерукожат... Неизвестные термины множились быстро. Алик за ними не поспевал. Очень кстати, на цыпочках, стараясь быть незаметным, подошел черно-белый офицант и поставил на стол большие стаканы с виски.

– Выпьем, Антуан, за человека. Может, и не стоит, но все равно выпьем. Это я тебе как бог говорю.

– Спасибо тебе, Го... Алик. Спасибо, что ты есть.

Виски потрясало и душу, и тело. Лучше Алик в жизни ничего не пил. Или при жизни? На этот вопрос стоило найти ответ. Или умер, или сошел с ума, третьего варианта не просматривалось.

— А теперь, Антуан, спокойно и подробно расскажи мне, как у вас здесь все устроено. Я, конечно, и так знаю, но мне интересна твоя версия. Так что говори.

И Антуан заговорил...

Страна, в которой он жил, называлась Либеркиберия. По сути, это была единственная страна на планете. Только на севере и на юге оставались еще разрозненные племена и квазигосударства Сырьесранцев. Они вели между собой непрекращающиеся, умеренно кровавые АИБ войны. АИБ, потому что главный вопрос войны заключался в том, кто же все-таки будет сидеть на трубе А, И или Б. Сырьесранцы поставляли Либеркиберии природные ресурсы, на что и бухали, и жили, и воевали. Идеологией их было Право Срания в различных вариациях. Южные сырьесранцы отстаивали свое право срать на северных, а северные, соответственно, наоборот. Обе ветви Права Срания сходились только в одном — святом праве и почетной обязанности поднасрать ненавистой Либеркиберии. Парадоксально, но при этом главной мечтой сырьесранцев было свалить в тысячи раз обосранную страну. Богатые отправляли туда своих детей учиться, а бедные пытались проникнуть в качестве гастарбайтеров. Из-за

иммиграции, войн и антисанитарных условий жизни поголовье сырьесранцев катастрофически сокращалось, и дело шло к тому, что лет через сто они должны были исчезнуть окончательно.

Ученые-обществоведы определяли политический строй Либеркиберии как постиндустриальную киберлиберкратуру, основанную на интеллектуальной баблодиктократии. Население делилось на три категории: миниумы, среднеклассики и пробабленная элита. Антуан, например, был типичным среднеклассиком, но в будущем мог стать и пробабленным. Для этого было необходимо много и тяжело трудиться, повышать свой интеллектуальный и культурный уровень или просто украсть кучу денег и не попасться. Можно выиграть в лотерею или удачно жениться. В общем, способов имелась куча. Современная либеркиберийская мечта состояла в том, чтобы родиться в семье миниумов, а лучше сиротой. Хлебнуть в детстве изрядно дерьма, проявить блестящие способности в школе, поступить в хороший университет, придумать или украсть какую-нибудь супер-кибер-приблуду, развести под этим соусом окружающих среднеклассиков и пробабленных на деньги, выйти на IPO и остаться там навсегда.

Даже правосудие для всех было разным. Исследования местных ученых позволили выяснить, что на миниумов действуют только физические наказания. Поэтому их пороли. За мелкие нарушения, типа две сплошные или неуплата налогов, полагалось от двух до сорока ударов палкой по жо-

пе. За убийство – публичное отрывание яиц с последующим расстрелом. В промежутке – различные сроки каторги. Местное быдло крепко держали в ежовых рукавицах. Среднеклассиков не били. Основными видами принуждения являлись штрафы, различные сроки нерукожата, конфискация имущества и низвержение в миниумы. Нерукожат хоть и давали за мелкие преступления, но наказанием это было страшным. Работу не найдешь, соседи не разговаривают, друзья отворачиваются. Остается только пахать на нескольких черных работах, чтобы окончательно не рухнуть в миниумы. Пробабленную элиту наказывали исключительно штрафами. Либеркиберийские социоматематики блестяще доказали теорему Сингулярности Правосудия. Теорема звучала так: «ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПОРОГОВОГО ЗНАЧЕНИЯ БАБЛА У ИНДИВИДУУМА ПРАВОСУДИЕ СЖИМАЕТСЯ В ТОЧКУ СИНГУЛЯРНОСТИ И СТАНОВИТСЯ НЕВОЗМОЖНЫМ В ПРИНЦИПЕ. ВОЗМОЖЕН ТОЛЬКО ОТКУП». За доказанное убийство без отягчающих элита наказывалась на полбабла. Если оставшееся количество денег превышало пороговое значение, пробабленные продолжали жить своей обычной сладкой жизнью. Зато, если денег не хватало, они тут же опускались в среднеклассики. Там им сразу впендюривали пару лет нерукожата и громадный штраф. Было несколько случаев, когда бывшие пробабленные скатывались аж до самых миниумов и их пороли на центральной площади города. Такие перфомансы очень лю-

было транслировать в прямом эфире местное телевидение. Низшие классы это зрелище вдохновляло и доказывало, что справедливость существует, а пробабленных заставляло задуматься о том, что зарываться все же не стоит. Как ни странно, система работала. Все чего-то боялись, все к чему-то стремились. Поэтому вели себя более-менее прилично. Намного приличнее, чем в известных Алику земных условиях.

Главным событием в жизни либеркиберийцев был выпускной экзамен в школе. Он же экзамен на аттестат гражданской зрелости. Сдавать приходилось Литературу, Историю, Математику, нечто вроде IQ-теста и практическую Толерантность. Последний экзамен был самый экстремальный. Типичный билет содержал задания вроде: поцеловать пидораса в губы, искупаться в бассейне с явно ссущими туда неграми, приласкать инвалида и так далее. По результатам экзаменов либеркибериец получал право голосовать, поступал или не поступал в университет и определялся либо в миниумы, либо в среднеклассики. В элиту сразу после школы не попадал никто. Если баллов до среднеклассиков не хватало, родители выпускника могли заплатить огромную сумму налога на тупость, и чадо все-таки включали в заветную категорию. Этим как бы подчеркивалась архиважная роль денег в общественной жизни. Понятно, что дети пробабленных миниумами почти не становились, а в среде среднеклассиков со временем укоренилась устойчивая идиома – отложить деньги на тупость. Избирательное право после экзаме-

на обретали все. Но у каждого имелся свой поправочный коэффициент. У миниумов не могло быть больше одной десятой голоса. Среднеклассики имели на каждого примерно по одному полноценному голосу (до трех голосов максимум). Потолок голосов пробабленной элиты ограничивался сотней на человека. Антуан, например, имел 0,8 голоса. Если бы он владел недвижимостью и был женат, стало бы 0,9. Каждый несовершеннолетний ребенок прибавлял по одной десятой голоса. А каждая сотня тысяч баблайков на счету – по полторы десятых. Баблайками местные деньги назывались благодаря круто развившимся интернет-технологиям и становому закону местной жизни: **НРАВИТСЯ – ПЛАТИ**. Так что когда в здешнем Facebook ставили лайк, это означало не просто знак симпатии, это означало реальные бабки. Голосовали, кстати, тоже баблайками. Лозунг всех без исключения избирательных кампаний звучал так: «Думай головой, решай сердцем, голосуй баблайком». Это снова подчеркивало важнейшее место баблайков в жизни людей. Демократия в Либеркиберии процветала. Раз в три года выбирался Верховный Манагер и сто формуляторов в странное подобие парламента. Формуляторы не голосовали за законы, а формулировали их. Голосовали избиратели по Интернету, и, конечно же, баблайками. Коррупция в высших эшелонах власти не наблюдалась. И Верховный Манагер и формуляторы были очень богатыми людьми. Причем на совершенно законных основаниях. Избиратели голосовали баблайками прямо на

счета виртуальных кошельков кандидатов. Победитель кампании в качестве бонуса забирал все баблайки поверженных соперников. Таким же образом выбирались власти провинций, судьи и шерифы. Чем больше голосов имел гражданин, тем больше баблайков тратил на различные выборы и голосования. А чтобы гражданин имел много голосов, ему снова нужны были баблайки. Колесо крутилось исправно, белки старались бежать быстро.

Статус человека пересматривался ежегодно в соответствии с вновь открывшимися обстоятельствами (количество детей, собственности, баблайков и т. д.). Раз в десять лет экзамены повторялись. Даже статус минимума не являлся приговором. Тупой, но честный и неагрессивный трудяга лет за десять безупречного поведения и самоотверженной работы говночистом вполне мог заслужить звание старшего говночиста и звание среднеклассика в придачу. Хотя тяжелее всего как раз среднеклассикам и жилось. Давило их с двух сторон. С одной стороны, очень страшно опуститься в минимумы и получать по жопе палкой даже за самые невинные шалости. С другой – очень завистно смотреть на беззаботную жизнь пробабленной элиты. Среднеклассиков подкашивал подпольный алкоголизм, скрытые депрессии и необходимость откладывать деньги на гипотетическую тупость отпрысков, старость и болезни. Многие не выдерживали и почти добровольно уходили в минимумы. Таких называли ми니다уны и палкой били не сильно. Жалели. У пробабленных

имелись свои проблемы. Чтобы элита не застаивалась, существовал закон о росте капитала. Согласно ему, капитал должен расти темпами, значительно превышающими рост экономики. Если не получалось, то в ход шли огромные штрафы. Три-четыре неудачных года – и баблайков на счетах становилось меньше порога пробабленности, тогда добро пожаловать в среднеклассики снова. Ротация в элите была, конечно, меньше, чем в других категориях, но все-таки была. В целом общество выглядело достаточно гармоничным. Никто не голодал, все жили достаточно неплохо. Даже миниумы. Кто хотел работал, кто не хотел, получал палкой по заднице и имел низкий социальный статус. Интеллект ценился, движуха была бодрой. Коррупция низкой, законопослушание высоким, но не чрезмерным, чтобы не убить инициативу. В итоге выходил циничный такой хардкор Рай, умело спекулирующий на несовершенствах человека во имя всеобщего достатка и прогресса.

Алик на секунду закрыл глаза и отчетливо понял, что так оно все здесь и есть. Оставалось выяснить лишь один вопрос.

– Хорошо говоришь, друг, – задумчиво произнес он. – Может пророка из тебя сделать? Будешь глаголом жечь сердца людей.

– Я не хочу... жечь, – заволновался Антуан.

– Да ладно, не ссы, глаголом – не паяльником. За это не сажают. Не напрягайся, пошутил я. Юмор у меня такой... божественный. Скажи-ка мне лучше, как вы меня тут почи-

таете. Все ли верят? А если не все, то во что верят остальные? Есть ли у вас свобода совести? Про совесть, заметь, не спрашиваю, и так все ясно.

– Я не знаю, Господи... В смысле, Алик. С теологией у меня всегда проблемы были. Не все помню.

– Ты давай не менжуйся. Рассказывай. Если что, я вдохновлю.

– Странно мне тебе рассказывать о том, как все было.

– Неисповедимы пути мои, сын мой. Повелеваю, говори.

Антуан преобразился, лицо его побледнело, глаза зажглись, уста разверзлись.

– Ну чистый пророк, – удивился Алик. – А впрочем, я же сам приказал. Ничего, так слушать даже веселее.

– Слушай меня, Господи, ибо твоими словами говорю, твоими глазами вижу и духом твоим живу, – начал высокопарно Антуан. – Когда-то, очень давно не знали люди Бога. И были они все сырьесранцами. И жили согласно Праву Сражения. И срали они друг на друга. И был человек человеку жопою. Кто сильнее был, тот и прав. А мозги ценились только обезьяньи и то лишь в охлажденном виде, засахаренные. Но сжалилось Великое Нечто над тварями неразумными и явило себя вождю сырьесранцев Аларму Великому. Аларм, как и все сырьесранцы, был жестокой и тупой скотиной. А поскольку он был вождь, то самой жестокой и тупой. От остальных вождей он отличался тем, что очень любил спорт, а конкретно нечто вроде футбола. Только играл он не мячом, а го-

ловами неудачливых претендентов на власть. Однажды, отрубив очередную башку конкурента, он собрал вокруг себя самых преданных головорезов и устроил соревнование: кто больше всех прочеканит башку левой ногой. Начал Аларм первым, девяносто девять раз подкинул он башку, не давая упасть ей на землю, а на сотой башка запылала белым пламенем и заговорила человеческим голосом.

– Что же ты, придурок, делаешь? – укоризненно спросила башка и зависла перед Алармом, не желая опускаться.

– Ты чего, опухла, падаль? – попробовал наехать на башку немного обалдевший вождь. – Я сейчас пацанам скажу, говно свое жрать будешь.

– Борзый ты, – отвечала башка. – И тупой к тому же. Как же я говно свое жрать буду? Я же башка, а не задница... Как ты. А что касается пацанов... гляди сам.

Башка запылала ярче и превратилась в большой огненный шар. У пацанов неизвестно откуда появились в руках палки, и они начали колотить ими друг друга. Отсюда потом и пошло основное наказание для миниумов. Начал тогда Аларм догадываться, с кем имеет дело. И уже более миролюбиво, даже испуганно спросил:

– Ты кто вообще такой, уважаемый?

– За уважаемого спасибо, конечно. А кто я такой, не твоего собачьего ума дело. Даже не думай об этом, и дети твои пусть не думают, и внуки, и правнуки, и дальше. Называйте меня просто – Великое Нечто.

– Хорошо, о Великое Нечто.

– Умница, другое дело, – похвалил вождя светящийся шар и поведал ему истины высокие. Сказал шар Аларму, что они все не сами по себе тут с горы спустились, а он их создал, по своему образу и подобию, хотя, наверное, и не в самую лучшую минуту своего существования. Что вышли они все из него и в него вернутся.

– А зачем ты нас создал? – спросил у шара вождь.

– Хороший вопрос ты задал, хотя и придурок, – изрек шар. – Разочаровался я в вас, свинтусах, в шредер уже хотел выкинуть, но за этот вопрос прощаю. И помогу даже. Законы дам. Жизни научу. Но на вопрос не отвечу. Сами догадаться должны. А если тупыми окажетесь, явлюсь еще раз, может, и расскажу тогда.

Понял после этих слов Аларм, что бог перед ним, и пал на колени, и затрепетала душа его. Испугался он шредера огненного, рубящего грешников на куски мелкие в вечности холодной, и зажил жизнью праведной. А бог еще много раз приходил к Аларму. И передал он ему заповедей множество. А именно 333. 166 запретительных, 166 повелевающих и еще одну заключительную. И звучит заключительная заповедь так: «КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ, Я НЕ ВИНОВАТ». А первой заповедью была заповедь «НЕ УБИЙ». А второй...

Антуан стал перечислять заповеди по порядку. Большинство из них были вполне традиционные, но попадались и необычные. Восьмой заповедью шла заповедь «НЕ ТУПИ».

Четырнадцатой – «НЕ ПОПАДАЙСЯ». Дальше – уже известная Алику «НЕ УВЕРЕН В СВОЕЙ БЕЗНАКАЗАННОСТИ – НЕ ОБГОНЯЙ». Была даже заповедь «НЕ БЗДИ, КАПУСТИН ПОДЕРЖИТ И ОТПУСТИТ» (из-за этого треть мальчиков в Либеркиберии носила имя Капустин). Под номером тридцать один значилась заповедь «НЕ КАНЮЧЬ». И сразу за ней – «НЕ ПЕЙ ОДИН. НЕ ЧАВКАЙ. НЕ ШМЫГАЙ НОСОМ» и «НЕ СУЕТИСЬ ПОД КЛИЕНТОМ». Из повелевающих заповедей новыми были идущие подряд – «ДУМАЙ. ПЫТАЙСЯ. РАБОТАЙ. СТАРАЙСЯ. УЧИСЬ. СОМНЕВАЙСЯ» и последняя на сакральном, но разгаданном местными теологами языке заповедь – «JUST DO IT»¹. Алику снова стало страшно. Весь этот разговор бога с отможенным царьком. Все эти дурацкие заповеди. Все было в его обычном придурковатом стебном стиле. Он узнавал руку мастера в каждом слове. Свою руку. Если это и был бред, то очень логичный и правильный.

«А бред обычно таким и бывает, – попытался успокоить себя он. – Посылка изначальная неверна, а все остальное не придерешься. Тем более мужик я тертый, отмазы за долгие годы научился лепить грамотно. Так что не доказывает это ничего. Сбрэндил я, с катушек съехал, крышняк уплыл. И слава богу, что так. Потому что если не так, то...»

Додумывать мысль не хотелось. Вместо этого Алик щелкнул пальцами перед носом не на шутку разошедшегося про-

---

¹ Просто сделай это (англ.).

рока и громко сказал:

– Понял я все. Понял. Подробности не нужны. Скажи мне лучше, есть ли у вас атеисты или верующие в другого бога?

– Всех хватает, только дураков мало.

– А при чем здесь дураки?

– А при том, что только полный идиот согласится добровольно платить тринадцать процентов налога на ересь. Большинство и без налога верит, что там наверху что-то есть. А это и является основным постулатом нашей, ой, прости, твоей, конечно, церкви. К тому же обряды соблюдать или в храм ходить никто не заставляет. Как сказано в одиннадцатой заповеди – «ТАМ, ГДЕ ЧЕЛОВЕК, ТАМ И ХРАМ. ИБО ЧЕЛОВЕК И ЕСТЬ САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ХРАМ БОЖИЙ».

«Хитро, – уважительно подумал Алик. – Я всегда знал, что смесь экономики и идеологии творит чудеса, но чтобы настолько...»

– Алик, разреши обратиться к тебе не как к другу, а как к Господу моему. Потому что вопрос, который хочу задать, самый важный для нас.

– Ну если важный – валяй.

– Господи Великий, Всеблагий и Справедливый, скажи мне, сыну твоему недостойному, а зачем ты нас все-таки создал?

– Неужто не догадались?

– Версий много было. Типа для любви, для радости, для созидания. Но я так разумею – это все ДЛЯ чего. А Аларм

спросил ЗАЧЕМ. В смысле на кой мы все тебе сдались?

– Правильно разумеешь. Но я разочарован. Чтобы за пять тысяч лет не найти ответ на такой простой вопрос... Видать, я с похмелюги вас делал. Мозги забыл вложить в головы ваши пустые. Ладно, чего уж теперь, мой косяк. Слушай...

Не успев договорить, Алик почувствовал, как все органы внутри него неловко подпрыгнули, услышал громкий хлопок, глаза ослепил яркий свет, и он снова оказался на красном плюшевом диване в полумраке караоке-клуба.

Обстановка вокруг не изменилась. Зеркальные шары, ровные и блестящие, как гламурные силиконовые сиськи, распыляли искусственные солнечные зайчики. Одинокий мужик хриплым голосом допевал Челентано. Семины бабцы и Федины многостаночницы перемешались между собой до состояния полной неотличимости друг от друга. Они облипали тела друзей словно мокрые, чуть желтоватые банные простыни. Одна девка сидела у Алика на коленках. Другая – скребла коготками его волосатую грудь. От обоих пахло такой тяжелой и пряной гадостью, что Алик никак не мог собрать мечущиеся в голове мысли хоть в какое-то подобие последовательности.

– Что же это?.. Я не... Бред явный... Происходит... Да нет... Станный мир... А если нет?.. Теперь как же?.. Вот это да!.. А разумно ли?.. Бог не человек... Храм... Здесь-то как?.. Нет, не может?.. Если только... Не бог... С ума... Смерть – это... Зачем?.. Сделка теперь... Дети как?.. А там

они... Что же...

Мысли распадались, закольцовывались, и Алик почувствовал, что еще секунда – и он сойдет с ума. Причем свихнется он не тем обаятельным и логичным бредом, существовавшим в мире, который он якобы создал, а самым отвратительным и мерзким способом, когда изо рта течет слюна, из носа выдуваются пузыри и не можешь сформулировать ни одной мысли, но все время думаешь, думаешь, о чем – и сам не поймешь, и мычишь что-то невнятное. И тогда одно спасение – лежать, привязанным к койке, обколотым убойными транквилизаторами, и ждать избавительной смерти.

– Спасибо большое, – бодро затараторил диджей, – бурные аплодисменты нашему одинокому гостю за прекрасное исполнение бессмертного хита Челентано. А мы продолжаем наш вечер, и право песни переходит к следующему столу.

Микрофон взяла девка, до этого висевшая на Феде. Томно посмотрев на своего, как, видимо, считала, мужика и глупо хихикнув, она объявила диджею:

– «Ты мой транзитный пассажир»... Аллегровой.

Невероятным усилием Алик стряхнул с колен сидящую бабу, ломаным жестом вырвал у несостоявшейся певицы микрофон и, как немой, только что научившийся говорить, простонал:

– «Ма-а-а ме-е-е». Па-а-а ве-е-е-ел Во-о-о-ля-я-я-я.

Зазвучал незатейливый бит. На экране плазмы зажегся текст песни. Читать – не думать. Читать он еще мог.

«Ненавижу поезда, если сразу зашел, уснул – да.
А если не хочется, и что-то типа одиночества?
И вроде много лавэ, купил СВ.
Ну, сигареты, тамбур... и мысли в твоей голове.
И мысли... мысли... мысли в твоей... голове».

С каждой строчкой голос Алика креп. Он приходил в себя, он понимал, о чем поет. И его накрывало чувство огромной несправедливости, произошедшей с ним, а, может, и со всем миром.

«...А бывает иначе, пытается стать богаче.
Жена вечерами плачет,
Младшую Оленьку на заднем сиденье
старой «шестерки» укачивает,
Сын студент считает сдачу, получает получку,
выпивает с соседом по даче, по случаю...»

Алик как будто спорил с кем-то, протестовал, вытаскивал фигу из кармана и кидал ее в чью-то равнодушную, тупую морду. Голоса в зале смолкли, даже пьяненькие девки заткнулись и замерли, приоткрыв накачанные губищи.

«...А есть непьющие, некурящие,
Вообще ничего не употребляющие.
По крайней мере, они так думают.
Молодцы, если че, от души респектую...

...Главное, чтобы эта песня нравилась моей маме,
Моей... маме... маме... нравится моей... маме...»

Алик выкрикивал «маме» на выдохе. И это был его личный бунт против несправедливости, пошлости и хитрожопости мира. И этого, и того, который он якобы выдумал. Против себя самого. Тишина в зале установилась звенящая. У мужика за столиком напротив толстая сигара обжигала пшеничного цвета усы. У одной из девок кусок суши упал из раскрытого рта в надутые сиськи. Алик в абсолютной тишине продолжал выплевывать простые слова:

«Маме... маме... Нравится моей...
Эта песня нравится моей маме... маме...»

Немудреные философствования зажавшейся звезды, едущей в вагоне СВ на очередной чес, постепенно превращались в революционную песню протеста, в «Марсельезу» почти что.

«Нравится моей маме, моей маме... маме
Маме... нравятся моей...»

Вдруг Алик почувствовал, что кто-то хлопает его по спине. И не хлопает даже, а почти бьет.

– Слышь, братан, заткни фонтан. Не нравится эта песня

никому. Не пацанская она...

Алик обернулся и увидел такой фейс, что срочно захотелось найти ближайший тейбл и больно стукнуть этим фейсом о найденную мебель. Глаза на фейсе были цвета грязного талого снега с пятнами коричневой ржавчины, бесформенный нос нелепо приклепнут к круглому смазанному лицу, волосы цвета не имели и липли к узкому бараньему лбу. Мужик был среднего роста, с огромными перекачанными руками, небольшим пузцом и короткими кривыми ножками. На лице отпечаталась экстремальная убежденность в собственной правоте. Раздувшаяся грудная клетка выталкивала мутные облака перегара. Алик видел это лицо тысячи раз. Он встречая его у мужчин, женщин, даже детей. Русских и не русских, красивых и уродов, оно было разным и вместе с тем все время одним и тем же.

– Это пидорская песня, понял, петушок? Понял, чё я сказал?

Первый раз Алик повстречал эту рожу в детском саду. Ее обладателя звали Миша Дмитриев. Здоровый пятилетний битюг, отпрыск местного участкового и продавщицы винного магазина. Он держал в страхе всю группу, отнимал игрушки, сдергивал с девочек трусы и каждое свое действие заканчивал присказкой: «Поняли, ёпать?» А когда бил мальчишек, говорил: «Хуякс». Сначала говорил «хуякс» и тут же бил. Его боялись, уважали и хотели с ним дружить. И Алик хотел. А Миша ни с кем просто так не дружил. Только за

подарки. Вся группа таскала ему нехитрое детское богатство – солдатиков, фломастеры, ластики, ленточки, цветные хрусталики, а когда переставали таскать, Миша говорил: «Ху-якс» и бил. А потом спрашивал: «Поняли, ёпать?» И Алик понял. Он попросил отца научить его драться. Вечерами он колотил своими кулачками огромную папину ладонь и учился бить крюка. Снизу, от пояса и в подбородок. Проблема была только одна. Ладонь Алик научился колотить хорошо, а вот как ударить живого человека, да еще по лицу, он не представлял. Человек же живой, ему больно будет, как же можно? Метания длились несколько месяцев, пока Дмитриев не надел тарелку с кашей на голову друга Алика, хорошего еврейского мальчика Глеба Меламеда, ходившего постоянно с зеленой соплей в носу и извиняющейся, растерянной улыбкой на губах. Алик совсем не разозлился, просто в этот момент он наконец все для себя решил. Без эмоций, даже сердце не застучало, он подошел к Дмитриеву, с любопытством посмотрел на него, как на диковинное насекомое, и дал ему крюка. Дмитриев упал, захныкал, изо рта у него пошла кровь и вывалилась пара молочных зубов. Больше он никого не обижал. Зато на следующий день некоторые дети принесли Алику подарки. Он с благодарностью подарки принял, но в ответ тоже подарил каждому какую-то детскую чушь. Так в его группе кончалась традиция феодальной дани и начались вполне себе капиталистические менялки. История имела продолжение во взрослой жизни. Через чет-

верть века младшего брата Алика посреди Ленинградского проспекта остановил разожравшийся, в лопающейся на животе форме гаишник, поглядел на права и задал только один вопрос.

– У вас, случайно, нет брата тридцати двух лет по имени Алик?

– Конечно, есть, – обрадовался младший, решив, что встретил знакомого брата и за превышение скорости ему ничего не будет...

– Ну, тогда передай ему привет от Миши Дмитриева, – сказал гаишник и изъял права.

Выкупали права по большим связям и за немаленькие деньги. «Вот гад, – думал Алик. – Мало я ему тогда дал, а впрочем, было неисправимо».

И вот сейчас такая же рожа дышала своей зловонной пастью прямо на Алика и что-то говорила, говорила... В песне был проигрыш. Алик попытался отойти от быдлотного мужика подальше, но тот догнал его, выхватил микрофон и замычал в него на весь зал.

– Хуюшки, петушок, хуюшки. Михайлова давай, Стасика...

После эпизода с Дмитриевым к следующей встрече с быдлом Алик был готов намного лучше. Произошла она снова в детском саду. Тогда ему было уже почти шесть. К ним в группу пришла новая воспитательница. Тамара Федоровна – рыхлая пергидрольная блондинка, ненавидевшая детей лю-

той ненавистью бесплодной сорокалетней бабы. Алика она иначе как «мешок с говном» не называла. Щедро раздавала детишкам подзатыльники. А орала постоянно, с маленьким перерывом на тихий час.

«Ударить ее, как Дмитриева, нельзя, — думал перед сном Алик, — она вон какая большая и жирная, а я вон какой маленький, не дотянусь. Да даже если и ударю, больно ей все равно не будет, толстокожая она. А меня изобьет, наверно, до смерти. Родители плакать будут. Жалко».

Проблема казалась неразрешимой. Алик засыпал, но и во сне видел исполинскую Тамару Федоровну, и она орала ему: «Эй ты, мешок с говном, пошевеливайся, уродец малолетний». Очень хотелось покарать противную воспитательницу. Отстоять свое право быть хорошим мальчишкой Алькой — любимцем родителей, бабушек, дедушек, дружков, таких же хороших ребят, а не каким-то безымянным мешком с говном. Когда очень хочешь — все получается. Особенно если мозги от природы заточены на всякого рода мошенничества и комбинаторику. Через несколько недель напряженных размышлений он придумал. Однажды зимой их группа вышла на прогулку во дворик детского сада. Они катались с ледяной горки, лепили снежную бабу и строили крепость маленькими железными лопатками с деревянными ручками. Алик вел себя примерно. В конце прогулки он с виноватым видом подошел к воспитательнице и ангельским голосочком пробле-
ял:

– Тамара Федоровна, а Тамара Федоровна, нагнитесь, пожалуйста. Мне нужно что-то сказать вам на ушко.

– Что, мешок с говном, опять в штаны наделал?

– Нет, Тамара Федоровна, это тайное. Я хочу вам кое-что про Глеба Меламеда рассказать...

И когда тупая сволочь, привечавшая стукачей, нагнулась и подставила ухо, Алик со всей дури, от всей своей детской, но широкой души врезал ей железной лопаткой по подставленному уху и чуть не перерубил его. Кровищи, по крайней мере, было много. Он продумал все, даже пути отхода. Пока сволочная баба очухивалась, он быстро взобрался на крышу веранды, где они обычно прятались от дождя и стал смотреть, как Тамара Федоровна выла в бессильной злобе, ругалась матом и прикладывала к раздувшемуся уху белый холодный снег, который быстро становился красным. Алик смеялся, показывал ей язык, первый раз в жизни тогда он испытал настоящее, взрослое, осознанное и выстраданное счастье.

А потом было много всего.

И первая учительница, дорогая Нина Павловна. Он попросил ее на перемене застегнуть ширинку его форменных брюк после туалета. Брюки были на пуговицах, а до этого все его штанишки имели молнию. Добрая женщина выставила Алика перед всем классом и сказала:

– Смотрите, какой интелехентный мальчик. Читать умеет, считать умеет, а ширинку застегивать – нет.

И дети краснопресненских рабочих заливисто заржали над этой веселой шуткой, а после стали называть его одно-
яйцевым интелехентом. Алик дрался с веселыми детишками
каждый день в течение года, пока те не поняли: с этим пси-
хованным лучше не связываться.

И первая институтская девушка Ира. Ласковая блондинка
с голубыми глазами из Домодедово. Она жила в большой че-
тырехкомнатной квартире, в новом панельном доме вместе с
родителями и древней, перманентно умирающей бабушкой.
Когда он ее навещал, ее родители тактично уходили гулять,
мечтая, что наконец сбегрят свою созревшую досю хороше-
му мальчику из интеллигентной семьи с квартирой на Патри-
арших. А досю гостеприимно распахивала свои упругие ляж-
ки перед Аликом. И он любил ее. Любил до тех пор, пока
однажды, во время постельных игр, не услышал из комна-
ты бабки страшный хрип и не почувствовал нехорошую хо-
лодную волну, несущуюся по квартире. Он долго уговари-
вал Иру пойти посмотреть, а она отказывалась. «Давай за-
кончим сначала», – говорила. А потом пошла. Вернулась по-
веселевшая, увлекла его в свою девичью постельку и про-
должила прерванное. Где-то перед самым финалом, между
«сильнее... быстрее... ох... ах... люблю...» она мутными от
подступившего оргазма глазами посмотрела на Алика и, до-
стигнув финала, заорала:

– А бабка-то сдохла. Сууууукааа!

Алик по инерции сделал еще несколько движений, а по-

том соскочил с распалившейся девки и, похватав вещи, почти голым выбежал из квартиры. На железнодорожной станции его чуть не загребли в милицию. Блевал он на перроне так, как человек блевать не может. Никогда больше Алик не возвращался в этот город. Только в аэропорт Домодедово иногда приезжал. Да и то старался большей частью летать из Шереметьево.

А еще были первые большие деньги, заработанные вместе с председателем фонда инвалидов-доминошников в девяносто четвертом. Председатель, козлобородый хромой старик, сидел на Старой площади и отмывал через фонд охрентельные бабки для генералов из администрации президента. А Алик с партнерами консультировал его по разным вопросам, помогал с инфраструктурой и обналом. Старик любил выпить и поговорить, поэтому приходилось периодически с ним бухать в «Метрополе». Небольшой геморрой за хорошие бабки, которые получал Алик с ребятами. Только очень скоро он с партнерами стал разыгрывать в кости, кто пойдет на очередную пьянку. И счастье, если идти выпадало не ему, потому что любимой темой козлобородого инвалида был рассказ о том, как работал он в советские времена руководителем станции юннатов (юных натуралистов) в Ботаническом саду. И приезжали к нему пионеры, а особенно пионерки со всех концов необъятного Советского Союза. Сочные такие пионерки 11–12–13 лет, с грудками, как недозревший плод лайма. А дальше инвалид-доминошник

во всех подробностях, смакуя детали, описывал, что он вытворял с юными натуралистками. И нужно было сидеть, кивать и цокать языком в особо патетических местах. Хорошие деньги они зарабатывали тогда, даже очень хорошие. Год работы с инвалидом – и он мог бы достигнуть Планки, еще тогда, в девяносто пятом. Но было настолько противно слушать о том, как он ебал детей и так и сяк, и друзьям своим ебать давал, и членам ЦК, и зарабатывал на этом нехило, что Алик вежливо поблагодарил инвалида за сотрудничество и соскочил с темы через три месяца.

Много всего было. Алик вспомнил всех. Сотни, тысячи рож, все на одно лицо. С изумлением он понял, что если в детстве он всегда давал быдлу отпор, то с годами незаметно перестал это делать. Сначала сторонился, потом убегал, потом стал вести дела с быдлом, бухать, деньги давать, откупаться. И вот сейчас очередная скотина отобрала у него похамски микрофон и истерически орет.

– А, бля, зассали, петушки сладкожопые. Стасика слушать будете, Стасика Михайлова. Настоящего мужика, а не этого Волю, бля, педрильного. Стасика хочу, Стасика, на хуй, включай... «Без тебя, без тебя»...

«А я отхожу в сторону и охраны жду, – ужаснулся Алик. – И это после песни, которую я пел, после гимна практически в защиту человека и человечности. Я же бог, ну не бог пусть, пусть даже сшедший. Но у меня есть свой мир, свой. Не идеальный, да, хитровыкрученный – да. Но человеческий. Не та-

кой, как у этого. Там такие палкой по заднице получают и сидят смирно. А здесь? А здесь я в сторонку отхожу. Да я малышом был в сто раз смелее и правильнее. Что со мной стало? Кем я стал? Я такой, как этот? Это почему так стало, из-за денег? Из-за страха? Нееееет!»

Все события предыдущей недели, весь стресс, в котором он жил, в одно мгновение переплавились в ослепительно-белый, раскаленный гнев. Он поднимался снизу от уставших, со вздувшимися венами стоп, и стопы становились крепкой звенящей сталью, он растекался по рукам, и кулаки сжимались, превращаясь в чугунные кувалды. Он заливал белым расплавленным металлом мозг, и Алику казалось, что он – атомная бомба и сейчас взорвется. И взорвался... Перехватив левой рукой микрофон, правой он вмазал в самый центр ненавистной быдлотной хари. Мужик отлетел к противоположной стене и рухнул на завизжавших девок. Краем глаза Алик успел заметить мчавшегося к нему от дальнего столика мужика с такой же, как и у первого, хамской рожей. Отойдя чуть в сторону, он встретил его заученным в детстве крюком справа. Мужик подлетел на полметра верх, звонко ударился башкой о зеркальный шар и рухнул на пол. Сема и Федя вскочили, готовясь встретить многочисленных товарищей уделанного быдла. Разборка длилась не более двадцати секунд. Почему-то Алику было очень важно допеть песню до конца. Проигрыш закончился, и на плазме зажглись слова последнего куплета. Он запел, сначала с надрывом, а в конце

тихо и задумчиво.

«Ненавижу поезда, если сразу зашел, уснул – то да.
А если не хочется и что-то типа одиночества?
И вроде много лавэ, купил СВ.
Ну сигарета, тамбур, и мысли... в твоей голове.
И мысли... мысли... мысли... в твоей голове».

Несколько секунд стояла тишина. Замерли Федя с Семой. Застыла на полушаге бегущая охрана. Онемели с перекошенными ртами визжавшие девки. Даже поверженное быдло перестало стонать, как будто проглотило свои стоны. А потом раздались аплодисменты. Сначала одиночные хлопки, потом больше, потом весь зал захлопал, и кто-то даже закричал «браво». Картинка ожила. Охрана клуба наконец добежала до места происшествия и столкнулась там с подоспевшей группой поддержки быдла. Два побитых мужика пытались отскрестись от пола. Девки повизгивали и делали вид, что сейчас хлопнутся в обморок. Гнев Алика улетучился. Ему даже стало жалко несчастных пьяных идиотов. А еще появился страх за последствия. Вдруг он им чего-нибудь сломал или убил, не дай бог. Из-за этих дебилов жизнь себе калечить?

«А потому что сам дебил, руки распускать вздумал, с ветряными мельницами повоевать захотелось. Тоже мне, Дон Кихот выискался», – презрительно подумал о себе Алик и увидел спешащих к нему Федю и Сему.

– Молодец, друг, молодчага, – обнимая Алика, восторженно сказал Сема. – Я бы тебя в девяностые бригадиром взял. Достоин. Вот это я и называю адреналином. Где ты в Лондоне столько счастья найдешь сразу. Где, а?

– Эл, дружище, что это было? Прям какая-то Марсельеза пополам с геноцидом русского народа. Не лучшие, конечно, его представители, но от тебя не ожидал.

– Да я сам от себя, Федь, не ожидал. Не дрался уже лет десять. Накатило вдруг. Достало все. И потом, вы видели, они сами...

– Да, да, Алексей Алексеевич, мы все видели, – успокоительно зашебетала подошедшая хостес. – Приносим вам свои извинения, что вовремя не удалили перебравших гостей. Ваш счет оплатит заведение. Правда, эти дураки пьяные грозятся ментов вызвать, но вы не волнуйтесь, я все улажу...

Сема рванулся к окружившему раненых бойцов быдлу.

– Это кто там о ментах вспомнил? Вы, уёбки обосравшиеся? Как быковать, так герои, а как по соплям получили, мусарню кличете?

Кто-то из быдловой компании, прикрываясь охранниками, решился ответить.

– Вы понимаете, что мы вас посадим? Он сломал нашему другу челюсть, а другой до сих пор в себя прийти не может. Вы за это ответите.

– Ты смотри, Федь, как Алик их вежливости быстро на-

учил. На «вы» разговаривают, правовое государство вспомнили, сучата. Да-а-а, видно, мама вас в детстве мало била. Но я сейчас это исправлю. Я тебя сейчас, блядь тупая, перевоспитаю, на хуй, окончательно!..

Сема рванул к говорившему смельчаку. На его пути сразу же вырос частокол из спин охранников.

– Алексей Алексеевич, – взволнованно зашептала на ухо Алику хостес. – Зачем вам это все нужно? Давайте я вас через кухню выведу. А с этими я сама все улажу. Без ментов, честное слово.

– Отличная мысль, – согласился Федя.

Мысль и в правду была неплохая. Алик подошел к Семе, взял его за руку и устало сказал:

– Все, Сем, все. Адреналина на сегодня хватит. Я тебя прошу, пойдем.

Сема обиженно, как ребенок, у которого отняли сладкое, посмотрел на притихшую гопоту и уныло последовал за хостес.

На улице полминуты стояли молча. Дышали морозным трезвящим воздухом. На Алика, как всегда после таких случаев, навалился отходняк. Материализовались архетипические страхи московского шустрилы, которому есть что терять.

«А если бы это оказались чеченцы? Вот те самые, отмороженные, с ксивами ФСБ и ментов и «стечкиным», небрежно заткнутым за пояс черных брюк от «Армани». Те самые,

о которых все говорят, но которых никто не видел нигде, кроме ютуба. Те, которые превратились в почти пионерскую страшилку типа «К вам приближается черный гроб на колесиках». Вдруг они действительно существуют? Тогда что? Пуля в лоб и дети сироты? Или еще хуже, могли быть и охреневшие детишки высочайших прокуроров. Или кого повыше, не дай бог... Какой же я все-таки мудака».

Словно подтверждая его мысли, Федя укоризненно произнес вслух:

– Ты совсем с ума сошел? Ты же из другой темы, Аличка. Ты с кем воевать вздумал? Ты что, Робин Гуд, Че Гевара, князь Кропоткин, блядь?! Ну бери тогда гранатомет, поезжай к любому центральному клубу и шмаляй. Там, куда гранату ни кинь, на семьдесят процентов целевая аудитория. Ты – вор. Тихий, циничный, высокоинтеллектуальный вор. Как я или Сема, хоть он в себе и пестует тамбовского волка. А у нас другие понятия. Проблемы с быдлом решает Служба безопасности, проблемы покрупнее – крышующие генералы. Мы кулаками не машем, максимум ручкой с золотым пером. Но это пострашнее будет. Ты же понимаешь. Зато мы все про всех знаем. И иллюзий у нас нет, только цифры. Многозначные и многозначительные цифры на кодированных счетах. Ты что, народ переделать хочешь? Не получится. Он тебя переделает, пережует, выплюнет, сотрет в лагерную пыль, а ты его – нет. Все, пиздец. Рим рушится. Предпоследний день Помпеи. Обречены они. Пеплом все завалит. А наша задача

настричь здесь золотого руна как можно больше и отвалить вовремя на крепком паруснике.

– Но ведь хочется... Федь, как иногда хочется въебать в эти ублюдочные рожи, – мечтательно промурлыкал Сема. – Я так Алика понимаю. Не кричи на него. Он голоса слышит. У него еще душа осталась, а не только цифры. Это пройдет. Между десяткой грина и полтинником это всегда проходит. У всех. А сейчас не кричи. Дай душе поболеть напоследок.

– Да пошли вы на хуй со своей достоевщиной. У меня что, души нет? Не болит, думаете? Думаете, я не понимаю? Идите к черту! Все, домой еду. Завтра созвонимся.

Федя развернулся и, поскрипывая подошвами, затопал по выпавшему снегу к ожидающей его машине. Алик остался с Семой. Некоторое время оба переваривали услышанное. Потом Сема неуверенно сказал:

– Ну я звоню девкам? Поехали в «Мариот», отдохнешь после драки.

– Не, Сем, извини, не хочется что-то сегодня.

– Это ты меня извини, а я поеду все же. Расслабиться мне надо. Давай до дома подкину.

– Спасибо, Сем, я пройдусь, а потом тачку поймаю. Мне недалеко здесь.

– Позвони, как домой приедешь, а то я волноваться буду.

– Конечно, позвоню.

– Ну давай.

– Давай, Сем.

...Одинокий человек стоит на пересечении Никитской и Садового кольца. Полчетвертого утра или ночи. В этом городе, да что там городе – мире – и не разберешь. День похож на ночь, было на людей, люди на планшетники типа iPad, а планшетники на иконы. Полчетвертого утра или ночи. На Садовом собирается пробка. Раздолбанные хачмобили гудят в зад тонированным «Мерседесам». «Мерседесы» тоже гудят. И грузовики, и «Бентли». Все торопятся. Одни заработать деньги, другие их потратить. Полчетвертого утра или ночи. А светло как днем. Темнота сочится желтым медом горящих огней. Только мед этот не сладок. Яд в этом меде и обломанные пчелиные жала. Слезы провинциальных молодых дурочек. Кровь кавказских джигитов. Пот гастарбайтеров. Дух засаленных ворованных денег. Горьковато-сладкий, отдающий больницей и овощным супом запах нищей старости. Но и вкус кубинских сигар, тончайших французских парфюмов, ароматнейших коньяков. Все есть в медовом свете. Полчетвертого утра или ночи. Мужчина стоит на пересечении Садового кольца и Никитской. На его непокрытую голову падают крупные хлопья снега. Снег тает на волосах и ручейками стекает на бледное лицо. А может быть, это не ручейки подтаявшего снега, а слезы? А может, и нет. Человека зовут Алик. Он то ли бог, то ли фраер, то ли сумасшедший, то ли хитрец. Вероятно, все сразу. Ему одиноко и страшно стоять на этом перекрестке, возле истерично

гудящих автомобилей, под ядовитым светом вывесок и фонарей. Он не понимает, что происходит с ним и с его жизнью. Друзья разъехались. Семья спит дома. Человек достает из кармана мобильный телефон и смотрит на цифры. Три тридцать. Полчетвертого утра или ночи.

Часть 2

Бог

7

Отжиг

Свет резал глаза, как абрек барашка. Алик опустил веки. Помогло мало. Перед лицом вертелись рыже-синие горячие круги. Носоглотку обжигал сухой воздух. Язык распух до состояния шершавого лопатника удачливого игрока в рулетку. Голова напоминала противотанковую гранату за секунду до взрыва. Алик попытался встать. Получилось не сразу, но получилось. Он попробовал сфокусироваться на окружающем пространстве. Пространство было свое, родное. Вот огромное ложе, вот черная плазма на стене, вот вид на Москву с высоты тридцать второго этажа. А почему тогда такая жуткая похмельюга? Воспоминания прибывали медленно и тяжело, как забитый до отказа товарняк, прибывший на разгрузку.

«Пятница вчера была... Совещание, Наташа, а потом бухали с Семой и Федькой в кабаке на Кутузовском... Но бухали не то чтобы зверски. Так себе бухали, для аппетита и поддержания разговора. В караоке, кажется, после поехали...

Драка там еще началась. Быдло какое-то пристало. Потом сбежали. Стоп. А вот перед дракой? Что-то важное случилось перед дракой... Куда-то я исчез...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.